

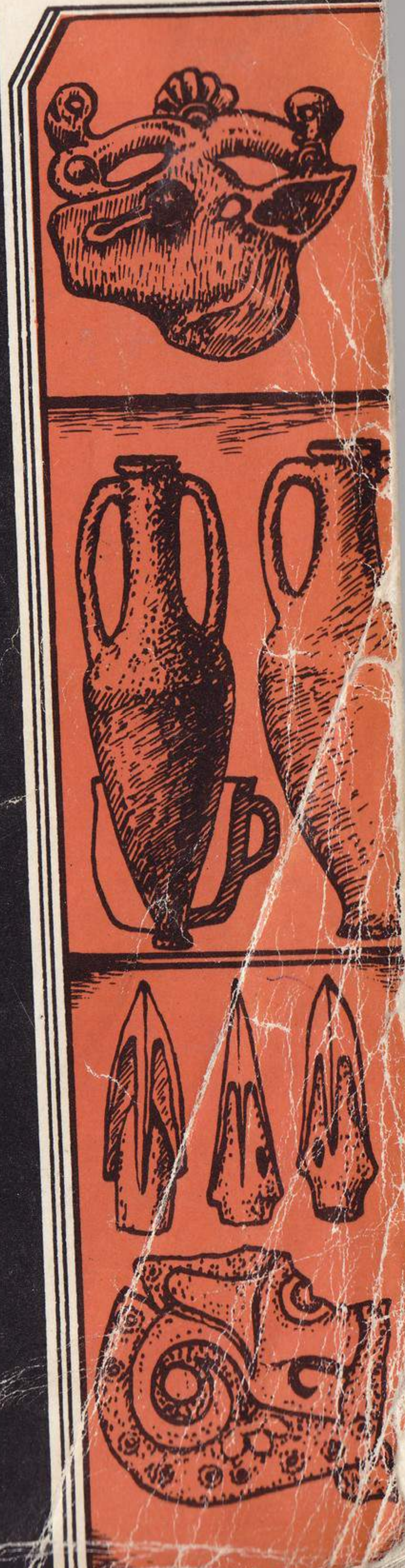
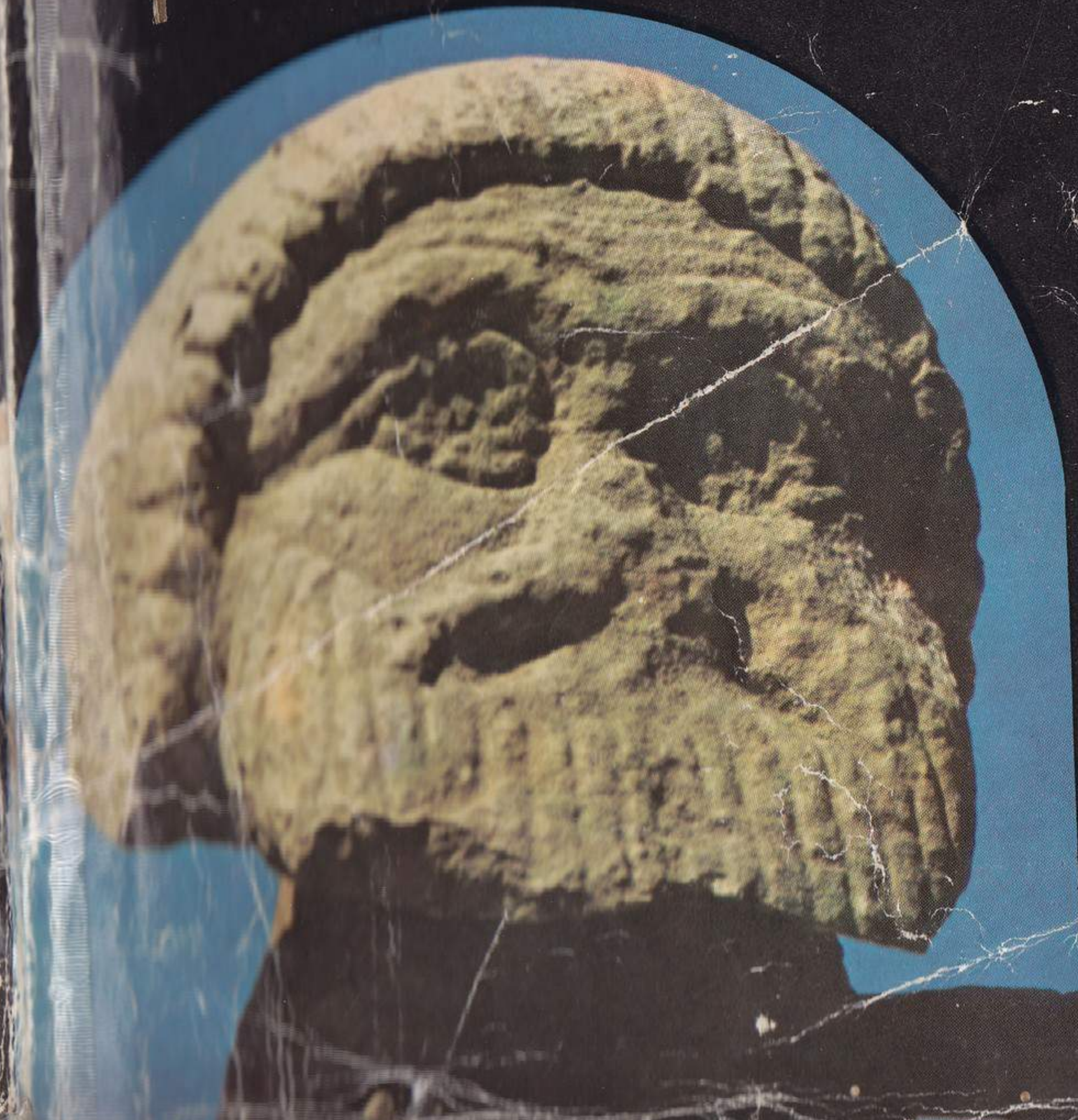
30 к.

БЗ.У (29к-4кДМ)
В.С. ОЛЬХОВСКИЙ
И.Н. ХРАПУНОВ

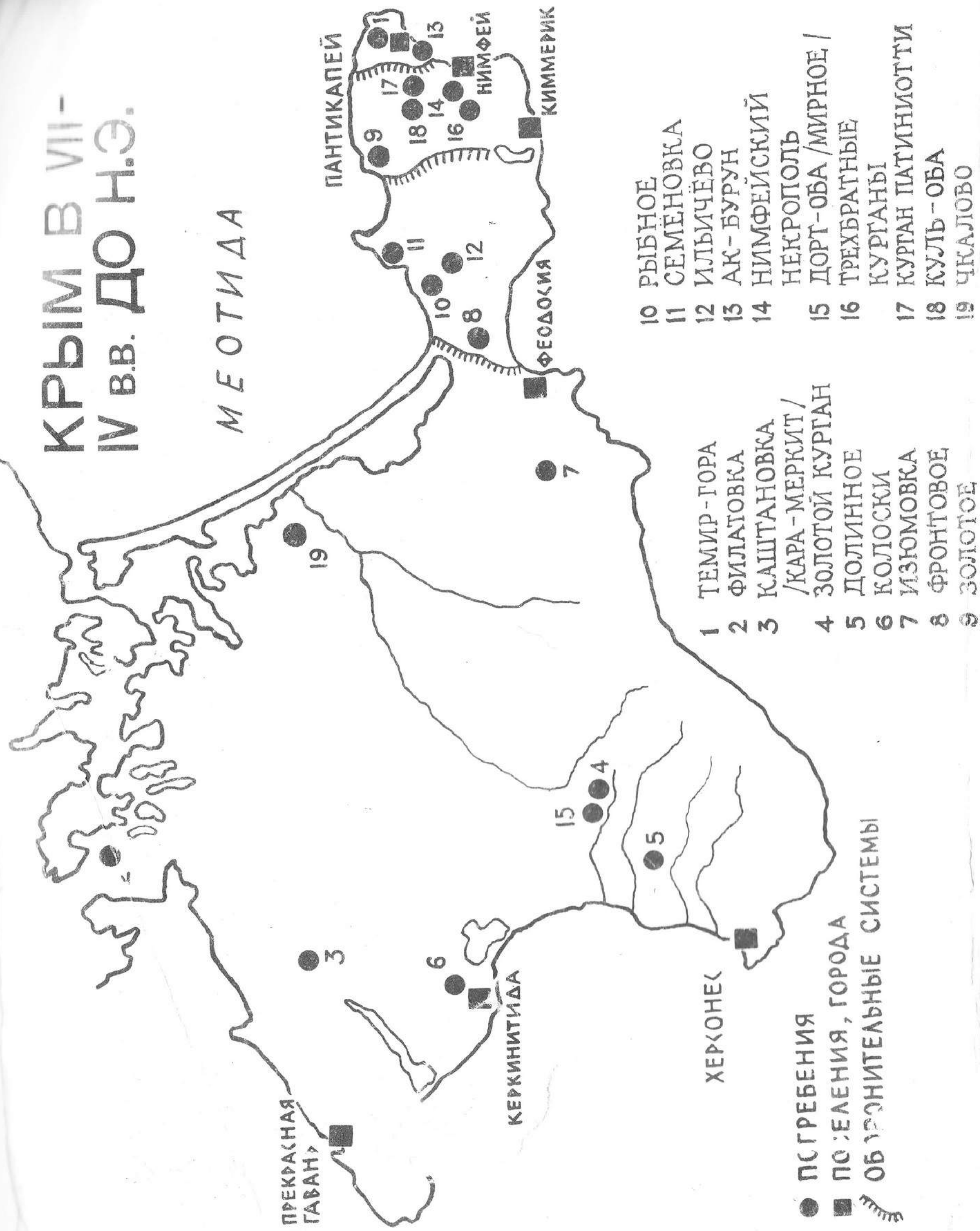
КБЗ,У
КБЗ

КРЫМСКАЯ СКИФИЯ

КРЫМ В VII-IV В.В. ДО Н.Э.

МЕОТИДА

- 1 ТЕМИР-ГОРА
- 2 ФИЛАТОВКА
- 3 КАШТАНОВКА /КАРА-МЕРКИТ/
- 4 ЗОЛОТОЙ КУРГАН
- 5 ДОЛИННОЕ
- 6 КОЛОСКИ
- 7 ИЗЮМОВКА
- 8 ФРОНТОВОЕ
- 9 ЗОЛОТОЕ
- 10 РЫБНОЕ
- 11 СЕМЕНОВКА
- 12 ИЛЬИЧЕВО
- 13 АК-БУРУН
- 14 НИМФЕЙСКИЙ
- 15 НЕКРОПОЛЬ
- 16 ДОРТ-ОБА /МИРНОЕ/
- 17 ТРЕХБРАТНЫЕ
- 18 КУРГАНЫ
- 19 КУРГАН ПАТИНИОТТИ

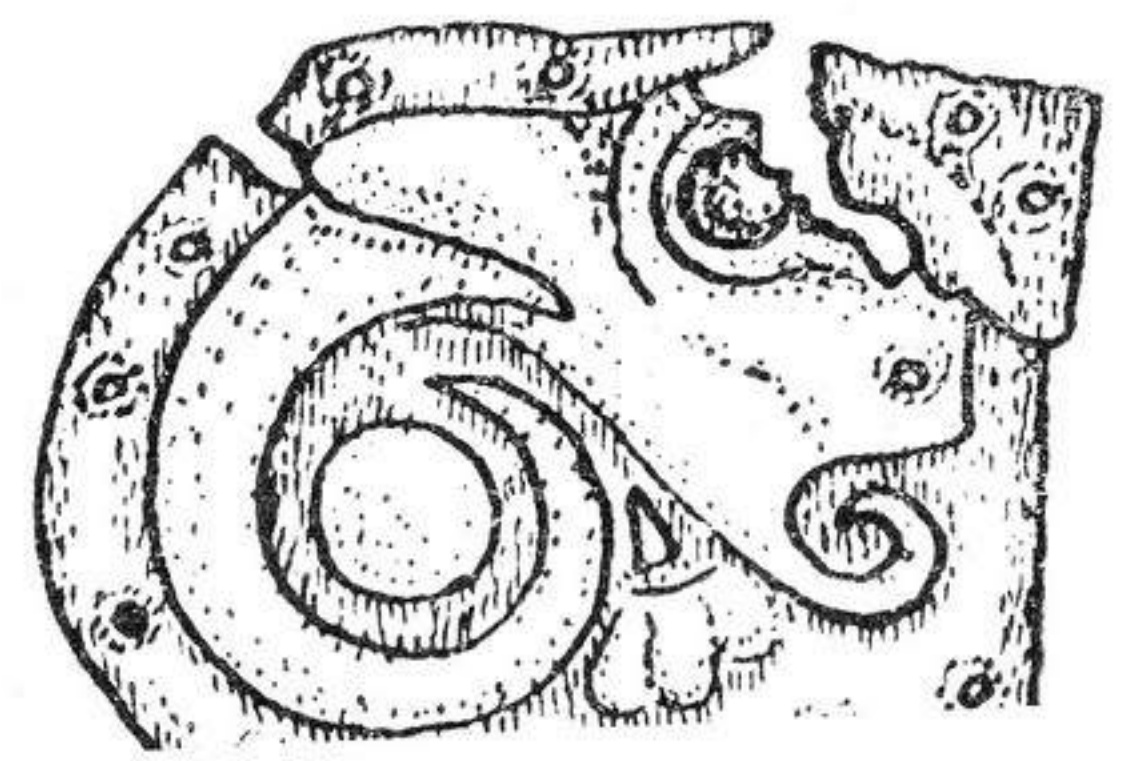
51866

63.4(29к-4крм)
0-56

Археологические памятники Крыма
Серия основана в 1971 году

В. С. ОЛЬХОВСКИЙ
И. Н. ХРАПУНОВ

КРЫМСКАЯ СКИФИЯ

95
98
04 12

94
030
88

ББК 63.4(2) (2Ук-4Крм)
О-56

Редакционная коллегия: В. Н. Даниленко, Э. И. Соломоник,
И. А. Баранов, А. Г. Герцен, Г. М. Николаенко

Рецензент И. В. Яценко

Редактор А. П. Люсый

Симферопольский ЦБС
Крымская обл. 9

Ольховский В. С., Храпунов И. Н.

О-56 Крымская Скифия. — Симферополь: Таврия,
1990. — 128 с.: ил. — (Археол. памятники Крыма).
ISBN 5-7780-0173-8

В книге представлен исторический обзор новейших материалов о масштабах и основных результатах раскопок скифских памятников в Крыму в последние десятилетия, дается широкая картина социально-политических и этнических процессов на полуострове в VII в. до н. э.— III в. н. э.
Для широкого круга читателей.

0 4403000000-013
M216(04)-90 28-90

ББК 63.4(2) (2Ук-4Крм)

ISBN 5-7780-0173-8

© Издательство «Таврия», 1990

*Все вместе они называются
сколоты по имени царя; ски-
фами же назвали их греки...*

Геродот

ВВЕДЕНИЕ

Крым — это не только край уникальных маршрутов и великоленных пляжей, благодатного климата и многочисленных курортов и турбаз. Небольшой клочок суши, словно старинный ларец с драгоценностями, хранит самые разнообразные исторические памятники. Каждый прошедший век добавлял новые жемчужины в сокровищницу полуострова. Не все, конечно, но многие из них сохранились до нашего времени.

Среди многочисленных племен и народов, обитавших в Крыму сотни и тысячи лет назад, особое место занимают скифы, которые в VII в. до н. э.— III в. н. э. играли крупную роль в исторических судьбах юга европейской части нашей страны, а также Передней, Средней и Центральной Азии, Кавказа и Закавказья. Память о скифах, непобедимом воинственном народе конных стрелков, сохранилась в течение многих веков после их исчезновения в преданиях, легендах, исторических хрониках и топонимах.

Сегодня мы достаточно ясно осознаем неразрывную связь, взаимозависимость природы и общества. В древности природные условия и климат решающим образом влияли на образ жизни, систему хозяйства, материальную и отчасти духовную культуру человеческого коллектива. Не были исключением в этом отношении и скифы.

Территория, на которой некогда проживали носители скифской культуры*, весьма обширна. Нет сомнения, что в нее входило

* Термином «археологическая культура» в специальной литературе обозначается общность археологических памятников (поселений, погребений, вещей и т. д.), относящихся к одному времени, отличающихся местными особенностями и сосредоточенных на определенной территории.

ли степи Причерноморья, Предкавказья, возможно, и другие районы. Крым составлял небольшую, но очень важную часть этой обширной территории. Скифы обитали здесь в течение примерно тысячи лет. Полуостров, в первые века нашей эры именовавшийся Малой Скифией, оставался последним сравнительно крупным «островком» скифской культуры и в позднейший период ее существования. Исследование скифских памятников именно в Крыму дает уникальную возможность получить почти полный хронологический «срез» скифской культуры, представить ее достаточно полно, всесторонне.

Культура скифов Крыма изучается археологами и историками уже в течение многих десятилетий. Главная цель предлагаемой книги — познакомить читателей с основными результатами этой работы.

ПРИРОДА, КЛИМАТ, ЧЕЛОВЕК

Крым стал полуостровом в сравнительно недавнем геологическом прошлом. По мнению специалистов, еще девять—десять тысяч лет назад Черное море представляло собой бессточное и пресноводное Новозвксинское озеро, утратившее связь с Мировым океаном¹. В озеро впадали, почти сливаясь устьями, крупные реки пра-Днестр, пра-Буг и пра-Днепр, а также пра-Дунай². Практически вся территория современного Крыма являлась, таким образом, частью материка, а горы в южной части древнего Крыма покрывали ледники. Девять—семь тысяч лет назад вследствие общего потепления, вызвавшего увеличение стока палеорек, уровень Новозвксинского озера поднялся. Воды его прорвались через Босфорский порог и вновь соединились через систему морей с океаном³. Крым превратился в полуостров, сформировался его рельеф, почти не отличающийся от современного.

Крымский полуостров в плане напоминает неправильной формы ромб, соединенный с материком узким — от 8 до 22 км — Перекопским перешейком. Восточная часть его образует Керченский полуостров, западная — Тарханкутский. Северо-западное побережье Тарханкута омывает Каркинитский залив Черного моря, а

северное побережье Керченского полуострова — Арабатский и Канатинский заливы Азовского моря. Керченский полуостров отделен от Таманского, входящего в зону западного Предкавказья, узким Керченским проливом. Северо-восточное побережье Крыма омывается очень мелким (средние глубины 0,5—0,7 м) заливом Сиваш, почти отрезанным от акватории Азовского моря длинной песчаной косой Арабатская стрелка.

На полуострове по характеру рельефа выделяются три основных района: равнинный Крым, Керченский полуостров и Горный Крым. Крымские равнины, геоморфологически являющиеся продолжением Северо-Причерноморской низменной равнины, занимают большую часть полуострова. Для них характерен плоский рельеф, расчлененный балками и руслами древних пересохших водостоков. В западной части полуострова расположена Тарханкутская возвышенность, нередко именуемая Тарханкутско-Евпаторийской холмистой равниной. Равнинный Крым на юге ограничен тремя грядами Крымских гор. Симферопольское поднятие, вытянутое вдоль северного склона внешней гряды Крымских гор, образует полосу предгорий.

Керченский полуостров, холмистый в своей северо-восточной части, соединяется с основной территорией Крыма довольно узким (17 км) Акиманским перешейком.

Географическое положение, характер рельефа и почв, климат обусловили развитие на территории равнинного Крыма и Керченского полуострова степей, преимущественно ковыльно-типчаковых. Естественная древесная растительность сконцентрирована в основном в горах и предгорьях. Несмотря на то что в Крыму насчитывается около 150 рек, на полуострове в древности, как и в наше время, ощущалась нехватка пресной воды. Почти все крымские реки маловодны, летом пересыхают. Вдоль морского побережья полуострова расположено довольно значительное число соленых озер⁴.

Гидромелиоративные работы последних десятилетий, в особенности строительство Северо-Крымского канала и ряда крупных водохранилищ, изменили облик крымских степей, еще недавно напоминавших выжженную солнцем пустыню или полупустыню.

Например, П. Сумароков в своих «Досугах крымского судьи» так описывает открывшуюся сразу за переконскими укреплениями картину: «На всем расстоянии 132 верст до Акмечети (Симферополя.— Авт.)... видна одна гладкая равнина, покрытая или засохшею тощею травою, или солончаками. Тут нет ни деревца, ни кусточка, ни родничка, ни признака какой зелени»⁵. Унылая крымская степь при этом резко контрастировала с благодатными лесистыми предгорьями, орошаемыми стекающими с гор потоками чистой воды. Именно здесь, в предгорьях, в эпоху средневековья кипела жизнь: находилась столица Крымского ханства, были сосредоточены торгово-ремесленные предприятия и, соответственно, значительная часть населения полуострова.

Приведенные выше свидетельства о природно-климатической ситуации в Крыму в наше время и в недавнем прошлом могут, однако, не соответствовать обстановке на полуострове в интересующий нас период, то есть в VII в. до н. э.— III в. н. э. Недооценка же возможных экологических изменений, в свою очередь, может привести к неправильным историческим выводам.

При реконструкции природных условий древнего Крыма необходимо опираться на нередко противоречивые результаты исследований специалистов — палеоэкологов и палеоклиматологов, сопоставляя их с археологическими данными и сведениями античных письменных источников.

Достаточно определенно установлена взаимозависимость климата планеты и уровня Мирового океана, его морей. Во второй половине II — начале I тыс. до н. э. в Европе был в целом сухой и теплый климат с небольшими периодами повышенного увлажнения⁶. Подобные условия, очевидно, способствовали иссушению причерноморской, в том числе и крымской степи, маловодности рек черноморского бассейна. Вряд ли стоит сомневаться, что жить в степи в этот период было нелегко. Сухость климата приводила к изменению водного баланса в масштабах всей планеты. Уровень Мирового океана и связанного с ним Черного моря с XV, а может быть, еще с XX в. до н. э., начал заметно падать. Специалисты именуют это падение фанагорийской регрессией Черного моря⁷. Своего максимума регрессия достигла к VI—V вв. до н. э. В это время уровень Черного моря был значительно — на

5—6, а возможно, и на 10—15 м,— ниже современного⁸. При таких условиях площадь Крыма была заметно больше современной: Сиваш не существовал, Керченский пролив превратился в узкую и на значительных участках мелководную преграду. Несколько иными были очертания Тарханкута и Керченского полуострова.

В VI — начале V в. до н. э. климат в Европе резко изменился, став более влажным и холодным. Некоторые исследователи считают, что с XIII по V в. до н. э. на территории Восточной Европы наблюдалось общее похолодание с пониженной влажностью, что привело к образованию в Причерноморье в это время зоны «холодных степей»⁹. Однако в работах последних лет подтверждается существование между XI и VI вв. до н. э. сухого и теплого периода¹⁰. Полноводность степных рек в середине I тыс. до н. э. значительно возросла. Длительный травостой создал благоприятные условия для развития в степной зоне кочевого скотоводства. По долинам степных рек, в балках выросли леса. Так, изучение древесных остатков и пыльцы из археологических памятников III—II вв. до н. э. показало наличие в северо-западном Крыму в это время заметных лесных массивов, состоящих из дуба, ольхи, тополя, лоха. Ландшафт приобрел скорее лесостепной, чем степной облик. Животный мир полуострова во второй половине I тыс. до н. э. был весьма богатым и своеобразным, включал представителей фауны и степной, и лесостепной зон. На поселениях скифского времени в Крыму найдены кости благородного оленя, косули, кулана, сайгака, кабана, волка, лисы, зайца и других животных¹¹.

С изменением климата, очевидно, связывается и начавшееся повышение уровня Черного моря. На рубеже н. э. этот уровень уже примерно соответствовал современному, но продолжал повышаться. Фанагорийская регрессия моря, таким образом, сменялась нимфейской трансгрессией, достигшей максимума (на метр выше современного уровня) к середине I тыс. н. э.¹² В то же время климат степного Причерноморья и Крыма стал еходным с современным, то есть сухим и теплым; со II—III вв. или несколько ранее влажность снова начала увеличиваться¹³.

Итак, зная природно-климатическую ситуацию в Крыму в I тыс. до н. э., обратимся к главной теме нашего повествования.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Археологическая культура, носителей которой греки называли скифами, фиксируется в Северном Причерноморье по крайней мере с VII в. до н. э. Расцвет ее в данном регионе приходится на V—IV вв. до н. э.; в III—IV вв. н. э. она прекращает свое существование¹⁴.

Основу наших знаний о хозяйстве, материальной культуре и идеологических представлениях скифов составляют результаты кропотливого анализа исторических источников двух видов: вещественных и письменных. Первые наиболее многочисленны. К ним относятся погребения, поселения, укрепления, святилища, следы производственной деятельности, разнообразные предметы, изготовленные либо употреблявшиеся скифами. Их исследованием занимаются не только археологи, но и остеологи, специалисты по древней металлургии и другим отраслям производства.

К письменным источникам о скифах относятся прежде всего сочинения античных ученых, государственных деятелей и писателей. Среди них особенно выделяются труды Геродота Галикарнасского, Гиппократ, Демосфена, Исократ, Лисия, Эхина, Страбона и др. Ценные сведения о скифах были обнаружены в клинописных архивах Ассирии, лапидарных (высеченных на камне) надписях Северного Причерноморья.

Своей письменности скифы, в отличие от греков, ассирийцев, урартийцев, не имели. Однако их длительное соседство с высоко развитыми народами древности нашло отражение в письменной традиции последних — в исторических сочинениях, гадательных занятиях, пророчествах, мемориальных надписях. Изучение указанных материалов позволило реконструировать некоторые важные эпизоды социально-политической истории скифов.

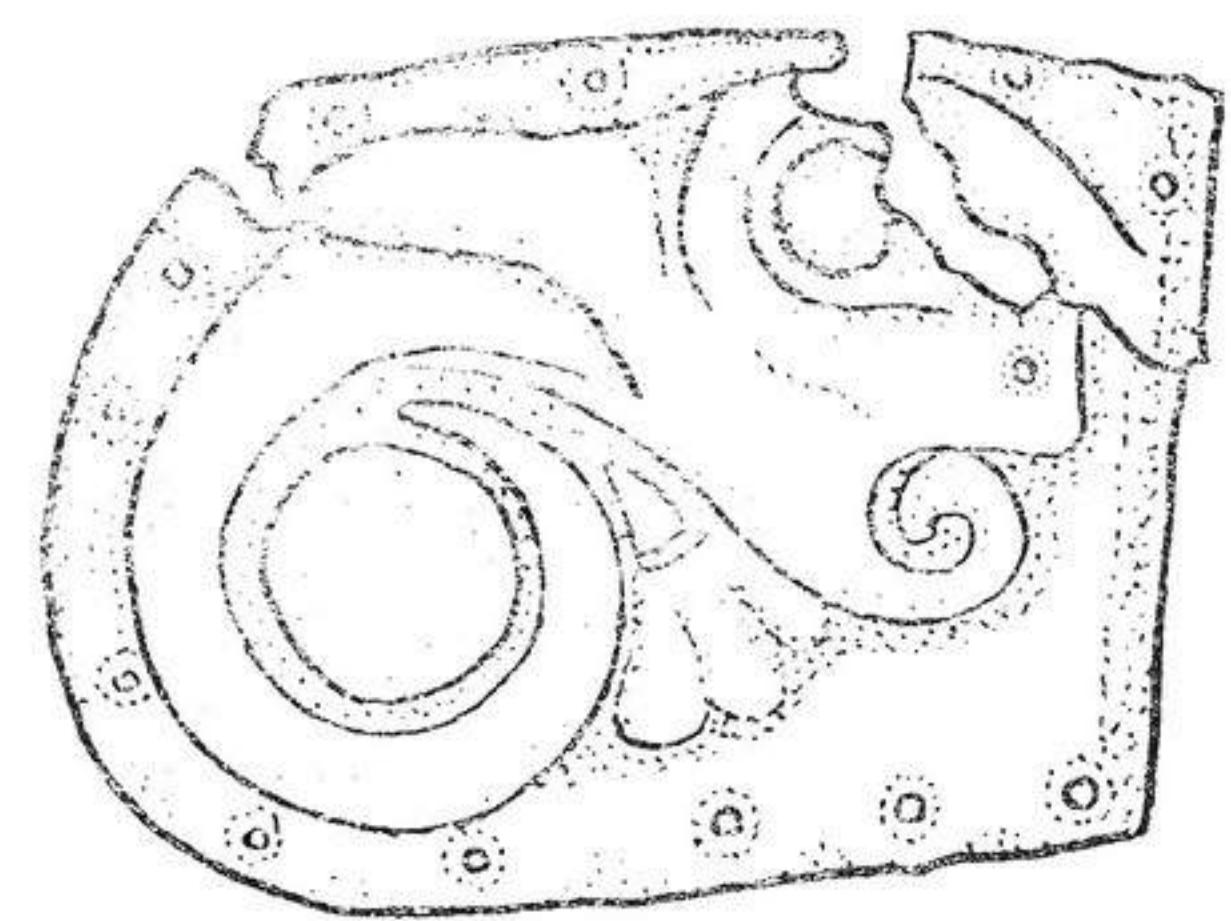
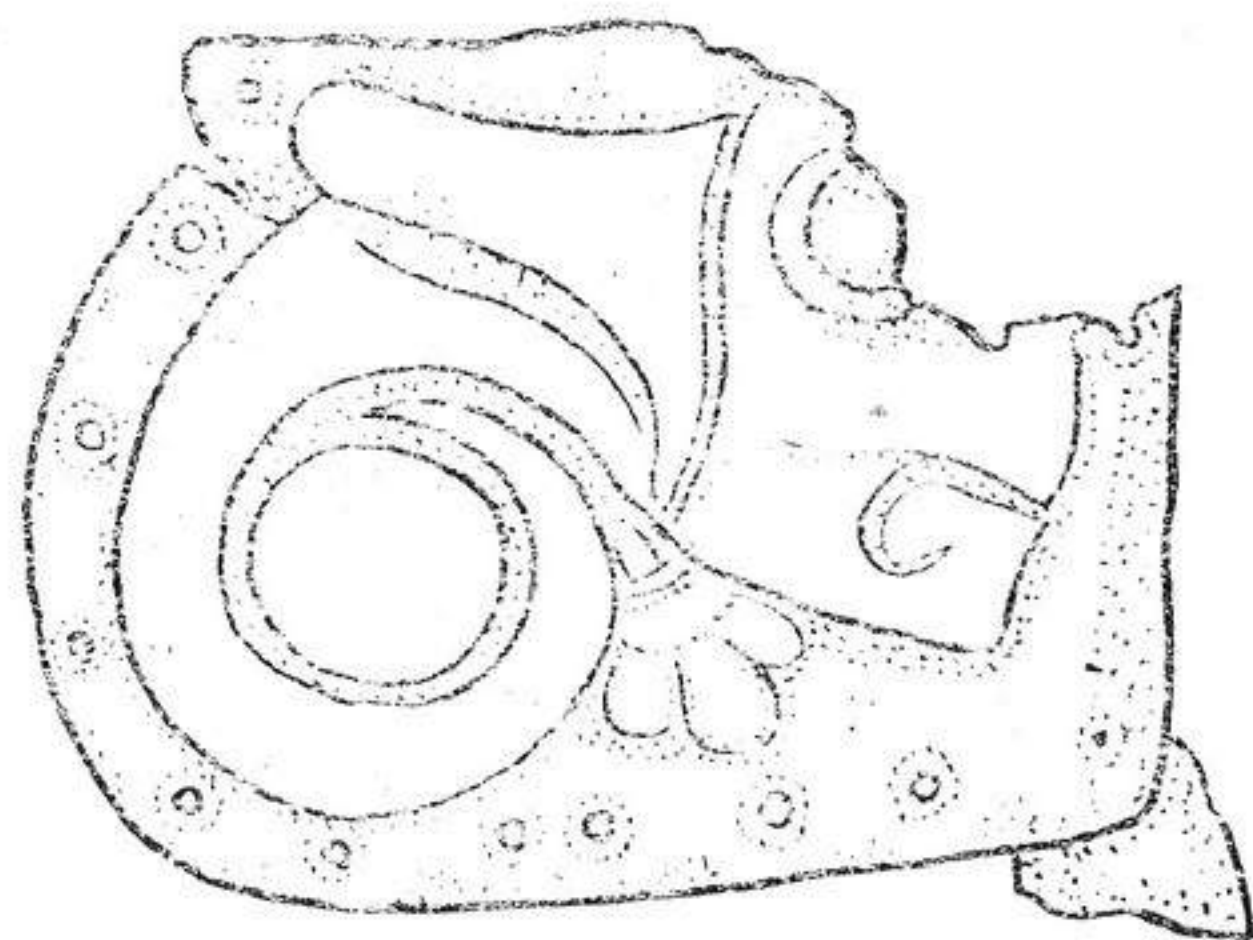
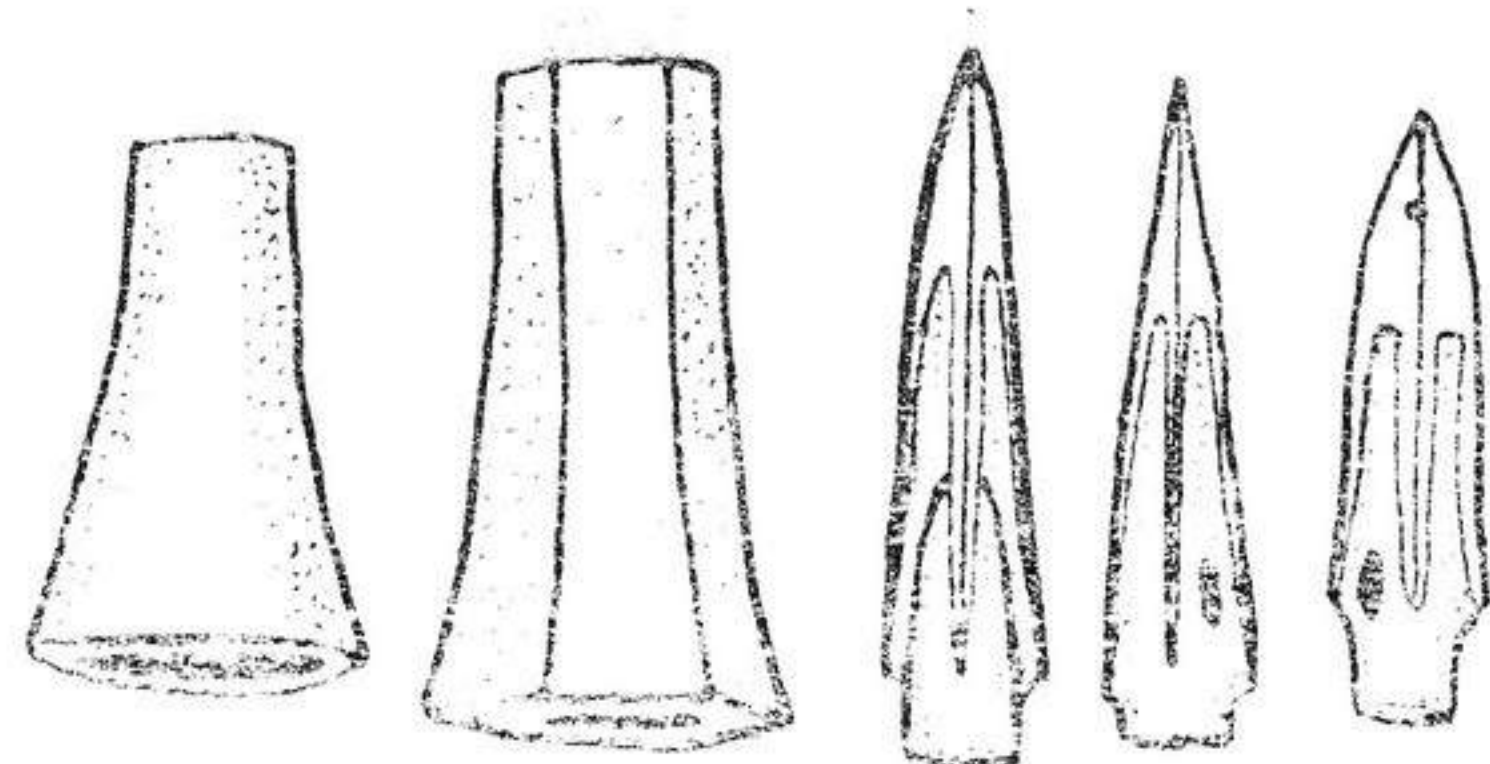
Специалисты в области палеолингвистики и сравнительного языкознания, анализируя известные грекам и ассирийцам имена скифских вождей, пришли к выводу, что скифы говорили на языке иранской ветви индоевропейской языковой семьи. По своему антропологическому типу скифы принадлежали к европеоидам.

Несмотря на то что скифская культура изучается уже около 200 лет, все еще дискуссионным остается вопрос ее происхождения — генезиса. Одни исследователи считают, что скифы, пришедшие в Северное Причерноморье с востока, из глубин Азии, принесли сюда и свойственную им культуру в уже сложившемся виде. По мнению других, посетителями сформировавшейся в Причерноморье скифской культуры были в основном местные (автохтонные) этнические компоненты. Весьма популярна в последнее время точка зрения о сложении скифской культуры в результате органического слияния пришлого кочевого населения с местным, северопричерноморским.

ИЗУЧЕНИЕ СКИФСКИХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА

Учитывая стоящую перед нами задачу, нет необходимости давать подробный историографический очерк изучения всего ареала скифской культуры. Вкратце расскажем об истории исследований скифских памятников на территории Крыма.

Начало ее следует отнести к 1821—1830 гг., когда в ходе добычи камня в курганах Патиниотти и Куль-оба под Керчью были случайно обнаружены гробницы, содержавшие захоронения представителей скифской знати IV в. до н. э. Драматическая история исследования этих гробниц, местами напоминающая приключенческую повесть с почти детективным сюжетом, неоднократно приводилась во многих научных и научно-популярных изданиях¹⁵. При внешней экзотичности (а действуют в ней чиновники и антиквары, матросы и контрабандисты, градоначальники и авантюристы) она, однако, весьма типична для начального периода изучения археологических сокровищ Крыма, часть которых была либо расхищена, либо безвозвратно утрачена. В 1876—1878 гг. неподалеку от руин древнегреческого городка Нимфея было раскопано несколько курганов с богатыми скифскими погребениями V в. до н. э. Эти и другие открытия скифских древностей, хотя и не прошли незамеченными, не были тогда по-настоящему оценены и интерпретированы. В конце XIX в. члены Таврической ученой архивной комиссии и Императорской археологической ко-

Находки из скифских погребений V—IV вв. до н. э. (бывш. имение Г. Н. Ханджиева).

Иногда кладонскателям удавалось найти изделия из драгоценных металлов и бронзы, которые становились известны археологам, как правило, уже после их продажи перекупщикам древностей или музеям. К примеру, в 1883 г. Г. Н. Ханджиев раскопал несколько курганов в своем имении «Разоренный Аиш» в Евпаторийском уезде¹⁶. Судя по находкам, среди которых были бронзовые наконечники стрел, ворварки (наконечники шнура или ремешка) и золотые обивки деревянного сосуда с изображением

орлиной головы, некоторые из вскрытых захоронений относились к V—IV вв. до н. э. и принадлежали скифам. Однако отсутствие научной фиксации и документации резко снизило информативность погребений, кетати весьма интересных. Отметим, что не менее 90 % курганов Крыма в той или иной степени повреждены грабителями — кладонскателями.

В 20—30-е гг. нашего века активных исследований скифских памятников в Крыму не проводилось. Раскапывались преимущественно курганы, находившиеся под угрозой разрушения; обследовались позднескифские городища. Ситуация резко изменилась с 1945 г., когда была создана комплексная Тавро-Скифская экспедиция Института истории материальной культуры под руководством П. Н. Шульца. Впервые большой отряд специалистов-археологов приступил к планомерному многолетнему изучению не только скифских курганов, но и городищ (А. Н. Карасев, Н. Н. Погребова, В. П. Бабенчиков, Е. В. Веймарн, О. Д. Дашевская, О. И. Домбровский, Т. Н. Троицкая и др.). С началом проектирования, а затем и строительства Северо-Крымского канала, его ответвлений и водохранилищ широкомасштабные разведки и раскопки были осуществлены Северо-Крымской и Керченской экспедициями Института археологии АН УССР. Сплошному обследованию подвергались районы, ранее почти не изучавшиеся археологами. При этом усилиями сотрудников экспедиций и отрядов (А. А. Щепинского, А. М. Лескова, Э. В. Яковенко, В. Н. Корупсовой и др.) были раскопаны десятки скифских погребений, зафиксированы и поселения. В последние 20 лет изучение скифских древностей Крыма продолжается столь же активно. В нем участвуют сотрудники археологических учреждений, вузов, музеев не только Крыма, но и Киева, Москвы, Ленинграда, ряда других городов страны. Ими исследуются курганы и грунтовые могильники (В. А. Колотухин, А. А. Щепинский, Э. А. Симонович, С. С. Бессонова, В. С. Ольховский), поселения (Т. Н. Высотекая, И. В. Яценко, О. Д. Дашевская, А. Н. Щеглов, И. П. Храпунов), памятники монументального искусства (П. Н. Шульц, П. А. Богданова, Е. А. Попова, В. С. Ольховский и т. д.), изучаются особенности политического и социально-экономического развития раннескифских племен и позднескифского государства в Крыму (Э. В. Яко-

венко).

венко).

венко, Д. С. Раевский, О. Д. Дашевская, М. В. Скржинская, Э. И. Соломоник и др.).

Изучение многовековой истории скифской культуры Крыма продолжается, но самоотверженный труд нескольких поколений археологов уже сейчас позволяет воссоздать основные этапы этой истории.

КОЧЕВНИКИ

ВРЕМЯ СТРАНСТВИЙ (VII—VI вв. до н. э.)

Практически все народы древности и средневековья в течение столетий хранили и передавали из поколения в поколение предания о своем происхождении. Эти предания, имевшие форму мифов, легенд, эпических сказаний, были, обычно повествовали о чудесном рождении, воспитании, подвигах героя, полубога-получеловека. Герой, победивший самых разнообразных чудовищ, в конце концов становился родоначальником либо царем племени (народа), нередко возглавляя при этом переселение соплеменников в более благоприятные для жизни места (мотив «обретения родины»). В этом отношении скифы не были исключением.

«Отец истории» Геродот (V в. до н. э.), посвятивший скифам многие главы IV книги своего сочинения, приводит несколько версий происхождения и древнейшей истории скифов*.

Согласно одной из первых версий человек в пустынных скифских землях был Таргитай, сын Зевса и дочери реки Борисфен. Во время правления трех его сыновей — Липоксая, Арпоксая и Колаксайа — с неба упали священные золотые предметы: плуг с ярмом, обоюдоострая секира и чаша. Завладеть ими удалось лишь младшему сыну Таргитая. Старшие братья, оценив благосклонность богов именно к Колаксайю, передали ему царскую власть.

* Ссылки на сочинение Геродота даются по последнему комментированному изданию¹⁷.

Все три брата при этом явились родоначальниками народа сколотов, которых греки называли скифами.

Вторая версия скифского этногонического мифа, по словам Геродота, была особенно распространена среди греческого населения Причерноморья, может быть, потому, что в ней действует популярнейший греческий герой Геракл. Итак, Геракл, гонимый быками великана Гериона, прибыл в Скифию. Когда он уснул, завернувшись в львиную шкуру, кто-то похитил коней его колесницы. Похитителем оказалось странное существо — полуженщина-полузмея. Коней

она возвратила только после того, как у нее родилось от Геракла трое сыновей: Агафирс, Гелон и Скиф. На вопрос, что делать с сыновьями, когда они возмужают, Геракл, передав ей один из своих луков и пояс с подвешенной к нему золотой чашей, ответил: «Когда увидишь, что кто-то из них (сыновей) натягивает этот лук вот так и подпоясывается поясом вот таким образом, именно его сделай жителем этой страны. Того же, кто не сможет выполнить то, что я приказываю, вышлю из страны». Младший сын, Скиф, успешно прошедший испытание, остался в стране (старшие братья были изгнаны матерью) и основал династию скифских царей.

Заметим, что при всей сказочности оба мифа, возможно, имеют и рациональное зерно: в них подчеркивается исконность обитания скифов в районе Днепра (Борисфена), деление скифов на близкие по происхождению племена, наличие у них царской власти.

Третий приводимый Геродотом рассказ резко отличается от двух предыдущих своей внешней историчностью. По сути это

Электрический кубок из кургана Куль-оба (IV в. до н. э.).

легенда (сага, былина, фрагмент опозитизированной хроники), в которой нет места мифологическим персонажам. Возможно, поэтому сам Геродот считал этот рассказ наиболее достоверным. Сюжет его весьма интересен.

Скифы-кочевники обитали в Азии. Потерпев поражение в столкновениях с племенами воинственных массагетов, они перешли реку Аракс (Волгу? Дон?) и вторглись в земли киммерийцев. Цари киммерийцев, если верить Геродоту, перебили друг друга из-за нежелания покинуть родину, а народ удалился из обжитых мест. Скифы заняли безлюдную страну и начали преследовать киммерийцев, но сбились с дороги, миновали Кавказ и пришли в Мидийскую землю в Передней Азии.

Три приведенных рассказа — единственные дошедшие до нас законченные сюжеты, несомненно, богатой скифской мифо-эпической традиции. О богатстве этой традиции свидетельствуют и ее фрагменты, содержащиеся в сочинениях позднеантичных авторов — Диодора Сицилийского и Валерия Флакка¹⁸.

О киммерийцах, в связи с их взаимоотношениями со скифами, следует рассказать чуть подробнее. Эти народы были родственны, во всяком случае оба ираноязычны, очень часто контактировали друг с другом, особенно во время походов в Переднюю Азию. Некоторые исследователи даже полагают, что киммерийцами греки называли не особый этнос, а подвижные отряды скифов.

Третья легенда, изложенная Геродотом, интересна прежде всего тем, что приблизительно очерчивает районы обитания киммерийцев до их изгнания скифами. Приводимые Геродотом топонимы — Боспор киммерийский, Киммерийские стены, Киммерийские переправы — достаточно определенно связываются им и более поздними авторами с Восточным Крымом и Керченским проливом. Для нас же особенно важен и такой вывод: в восточной части района обитания киммерийцев, в Крыму, следует предполагать наличие и киммерийских, и древнейших скифских памятников.

Вопрос о киммерийцах и их культуре в современной науке пока остается дискуссионным. Раннеантичные и древневосточные источники рисуют их, как и скифов, конными стрелками из лука, совершающими набеги на соседние государства и племена. Уров-

нем социально-экономического развития они, очевидно, мало чем отличались от скифов. К числу киммерийских обычно относят захоронения IX — начала VII в. до н. э. с характерным набором бронзового и железного оружия, конской сбруи, бытовых предметов. Подобные захоронения обнаружены и в Крыму (у с. Зольное, с. Целинное и др.)¹⁹.

«Вражду» киммерийцев и скифов, о которой рассказал Геродот, по мнению ряда ученых вряд ли стоит понимать однозначно. Древневосточные документы часто путают киммерийцев со скифами, говорят об их временном союзе, о почти совпадающем пребывании в районе Кавказа, Закавказья, а затем и Передней Азии.

Одно из наиболее ранних бесспорно скифских погребений Причерноморья (середины — 3-й четверти VII в. до н. э.) найдено именно в Восточном Крыму, недалеко от побережья Боспора Киммерийского (Керченского пролива) на Темир-горе. Это большая (4×3 м), заваленная камнями яма, в которой, кроме человеческого скелета, находились остатки колчана, костяной наконечник лука в виде орлиной головки, греческая расписная ойнохоя (кувшин для вина). Над могилой был насыпан высокий — до 8 м — курган. Еще одно архаическое скифское погребение было обнаружено в кургане у с. Филатовка на Перекопском перешейке. Судя по сохранившейся родосско-ионийской ойнохое, оно датируется второй половиной — концом VII в. до н. э.²⁰.

Чрезвычайная редкость древнейших скифских погребений в Крыму не должна нас смущать: погребений этого времени и на остальной территории степного Причерноморья очень мало, хотя в степях раскопаны уже тысячи курганов. Чем же объясняется факт крайней малочисленности раннескифского населения в причерноморских и крымских степях в VII—VI вв. до н. э.? Причину, очевидно, нужно искать и в особенностях формирования скифской культуры, и в экологической ситуации того времени.

Наконечник лука из кургана на Темир-горе (VII в. до н. э.).

Как показано выше, прогрессивное усыхание причерноморских степей в начале I тыс. до н. э. сделало их малопригодными для жизни из-за явного недостатка воды. Это обстоятельство не могло не отразиться на изменении численности населения: погребений и тем более поселений IX — начала VI в. до н. э. в причерноморских степях найдено мало. Новые климатические условия вынуждали людей приспособливаться, менять образ жизни и среду обитания. Во всем степном поясе Евразии в это время господствующей формой ведения производящего хозяйства становится кочевое скотоводство, свойственное населению засушливых зон и в более позднее время. Предкавказье с его степным и лесостепным ландшафтом, многочисленными реками, очевидно, выгодно отличалось от высохших степей Северного Причерноморья. Отсюда и концентрация именно здесь скифских памятников VII—VI вв. до н. э.

Большие стада скота и конские табуны быстро уничтожали травяной покров степи, поэтому почти непрерывное движение, перекочевки на новые пастбища были абсолютно необходимы для прокорма животных и предотвращения их гибели. Вслед за стадами двигалась и основная часть населения, занятая охраной стад, уходом за животными, переработкой получаемого молока, мяса, кожи и шерсти. Специфические условия жизни привели к формированию своеобразной кочевой культуры, очень устойчивой, консервативной по своей природе. Как показали исследования этнографов, многие черты быта, уклада жизни, погребально-поминальной обрядности, особенности костюма, устройства жилищ кочевых народов Азии своими корнями уходят в глубокую древность.

Ряд элементов кочевой культуры принадлежит разным этническим общностям и в то же время оказывается общим для всех. Это не удивительно, если учесть, что подобные «универсальные» обычаи и навыки воплотили в себе вековой опыт народов, необходимый для выживания в экстремальных условиях сухих степей и полупустынь.

Кочевое скотоводство требовало наличия огромных пастбищ. Если свободных территорий не было, за них приходилось сражаться. Сам образ жизни способствовал тому, что каждый скиф

был не только умелым наездником, табунщиком, но и воинем.

Переход к кочеванию способствовал важным изменениям в социально-экономической сфере. Значительно усилилась власть военных предводителей — вождей. В письменных источниках они даже именуются царями. Функции скифских царей эпохи архаики, конечно, далеко не во всем соответствовали «обязанностям» монархов централизованных государств Древнего Востока или средневековой Европы. Первоначально «цари» (военные предводители) у скифов, очевидно, выбирались из числа наиболее авторитетных воинов на период похода. При этом, вероятно, сохранялись и более древние племенные институты, такие как совет старейшин и народное собрание. Военные вожди, получавшие значительную часть захваченной добычи и в имущественном отношении уже заметно выделявшиеся из массы рядовых воинов, несомненно, стремились укрепить свою власть, сделать ее наследственной. Судя по письменным источникам, иногда им это удавалось (так, вождю Партатуа наследовал его сын, «царь» Мадий).

Раннеклассовые социальные структуры, в которых все взрослое (чаще мужское) население является свободным, относительно равноправным и вооруженным, именуются военной демократией. Эпоху военной демократии пережили многие древние народы Евразии — греки, германцы, кельты, славяне и др. Существование ее у скифов выявлено специалистами при анализе письменных источников и погребальных памятников.

В условиях кочевого образа жизни и зарождения раннеклассовой социальной структуры скифы не могли создать свое государство — машину «для поддержания господства одного класса над другим»²¹, хотя отдельные элементы государственности у них все же были. Настоящее государство у скифов сложилось значительно позже.

Кроме уровня социально-экономического развития и экологической ситуации, необходимо особо подчеркнуть огромную роль еще одного фактора в судьбах народов того времени: начала широкого применения железа. Недаром время господства скифов в Причерноморье археологи именуют ранним железным веком.

Железо — «последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории»²², было известно в Европе и раньше. В качестве основного материала при изготовлении орудий труда и оружия оно стало использоваться с рубежа VIII—VII вв. до н. э., все более вытесняя медь и бронзу. Преимущества железа перед бронзой очевидны: почти повсеместная распространенность рудных запасов (есть они и на Керченском полуострове), значительно большая твердость, широкие возможности его технологической обработки и применения. Пока не ясно, каким путем — самостоятельно или заимствованием у соседних народов — скифы приобрели навыки его обработки, но они в VII в. до н. э., несомненно, имелись.

Итак, многочисленные (кочевое скотоводство не требовало большого количества рабочих рук, поэтому значительная часть мужского населения могла быть оторвана от трудовой деятельности), лично свободные (ведь табунщик-раб легко мог сбежать), отлично вооруженные лучшим железным оружием и умеющие им владеть с детства, быстро перемещающиеся на конях, скифы представляли собой грозную силу, идеально приспособленную к ведению захватнических войн в отрыве от своих тылов. И скифы такие войны вели. Их военная экспансия была направлена из степей Предкавказья и предгорий Северного Кавказа прежде всего на юг, где располагались богатые рабовладельческие государства Закавказья и Передней Азии — Урарту, Манна, Лидия, Мидия, Ассирия. Письменные источники VII в. до н. э. рисуют отрывочные, но яркие картины киммерийских и скифских вторжений и грабежей, их почти постоянных войн то между собой, то на стороне Ассирии и Мидии, то против последних и других государств. Есть сведения о том, что скифские отряды дошли до границ Палестины и Египта. Присутствие скифов в Передней Азии подтверждают и Геродот, и археологические находки.

«Переднеазиатская эпопея» скифов закончилась в начале VI в. до н. э. далеко не так удачно, как началась. Под давлением усилившихся Мидии и Нововавилонского царства скифы вынуждены были покинуть территорию Лидии и вернуться в степи Предкавказья и Причерноморья.

Ход и итоги «переднеазиатского похода» скифов нуждаются

в комментариях. Прежде всего, вряд ли все скифы (а также киммерийцы) покинули степи Причерноморья и Предкавказья и устремились через Кавказ на юг. Часть их, вполне вероятно, осталась здесь и в походе не участвовала. Сам характер скифских военных операций VII в. до н. э. свидетельствует о том, что скифские отряды действовали налегке, не обремененные обозами с семьями и домашним скарбом, стадами и т. д. Где же в это время находилось небоеспособное скифское население? Очевидно, большей частью там, откуда скифы начали «поход» — в Предкавказье и прилегающих районах. Некоторое количество скифов при этом, по всей вероятности, продолжало кочевать по северу причерноморских и крымским степям, в отрыве от основного ядра скифского населения.

Второе замечание связано с первым. Так как переднеазиатская экспедиция продолжалась несколько десятилетий (по разным оценкам, от 28 до 60 лет), маловероятно, что войны все это время не поддерживали связей со своей тыловой базой в Предкавказье, не переправляли туда часть своей добычи и не получали оттуда подкреплений. Скорее всего они периодически (через каждые пять лет?) отдельными отрядами возвращались в Предкавказье. Весь переднеазиатский поход скифов, таким образом, мог представлять собой серию более или менее длительных захватнических набегов с целью захвата добычи и сбора дани.

Третье замечание весьма важно для понимания эволюции скифской культуры в целом. Непосредственное и длительное — не менее полувека — соприкосновение скифов с народами Передней Азии, Кавказа и Закавказья не могло пройти для скифов бесследно. Изменялась и обогащалась не только их материальная, но и духовная культура. Активизировались и социальные процессы. После переднеазиатского похода скифы уже не те, что до него.

И последнее по счету, но не по важности, обстоятельство. Представление об абсолютной безлюдности Причерноморья в момент появления там скифов, конечно же, «дань» мифологическому жанру повествования. Требование пустоты (чистоты, единообразия) пространства как неперемennого условия начала акта творения мира или человека присутствует во многих религиозно-

мифологических системах древности и средневековья. В действительности же скифы и в Причерноморье, и в Крыму, и в Предкавказье столкнулись с жившим там аборигенным и пришлым населением, подтверждением чему служат археологические материалы.

Но вернемся к событиям начала VI в. до н. э.

Изгнание скифов, а точнее скифских военных отрядов из Передней Азии, возможно, временно ослабило их, но не привело к гибели культуры. Вскоре (в середине VI в. до н. э.?) скифы начали передвижение из Предкавказья на север и северо-запад, в степи Причерноморья. Чем было вызвано это перемещение? Основная причина скорее всего заключалась в изменении экологической ситуации на юге Восточной Европы. В это время климат в Причерноморье становится более влажным и прохладным, весьма благоприятным для ведения кочевого хозяйства в прежде засушливых причерноморских степях. В отличие от переднеазиатского похода, на этот раз в движение пришло большинство скифского населения Предкавказья. Надо полагать, это было настоящее переселение. Сотни кибиток и телег везли женщин, стариков, детей, домашнее имущество и военные трофеи, медленно двигались стада быков, овец, перегонялись конские табуны.

Не исключено, что уход основной массы скифов из Предкавказья был в какой-то мере обусловлен также ростом военно-политической активности местных северокавказских племен — меотов, синдов и других, много десятилетий проживших бок о бок со скифами, возможно, на положении данников.

В причерноморско-приазовские степи из Предкавказья можно было попасть двумя путями: двигаясь либо на север, либо на запад. В первом случае нужно было перейти реку Дон (Танаис) в его нижнем течении, затем повернуть и двигаться на запад по приазовской степи в сторону Днепра (Борисфена). Во втором случае необходимо было достичь западной оконечности Таманского полуострова, переправиться через Керченский пролив и, пройдя Крым, выйти в нижнеднепровские степи. Этот путь, заметим, значительно короче первого. К тому же он ранее (во время «погони» за киммерийцами) уже использовался скифами, судя по погребению VII в. до н. э. на Темир-горе, а также по то-

попимам восточной части Керченского полуострова («Киммерийские переправы»).

Возможно, и на этот раз (как и первоначально) скифы двигались и через низовья Дона, и через Керченский пролив. Переправа через пролив — Боспор Киммерийский — в VII—VI вв. до н. э. трудностей не представляла, так как именно в это время фанаторийская регрессия Черного моря достигала своего максимума. Ширина пролива на отдельных участках составляла тогда всего несколько сот метров при глубине около метра²³. Это позволяло без особого труда перегонять через пролив и скот (кстати, «Боспор» в переводе с греческого означает «Бычий брод»). К тому же зимой, когда пролив замерзал, скот и повозки можно было переправлять в Крым по льду.

Приведенные соображения можно было бы считать всего лишь гипотезой, однако их подтверждают и письменные свидетельства.

Геродот в первых главах VI книги своей «Истории» сообщает, что возвратившихся из Передней Азии скифов «ожидали трудности не меньше, чем война с мидийцами; они обнаружили, что им противостоит немалое войско: дело в том, что жены скифов, когда их мужья долгое время отсутствовали, вступили в связь с рабами».

Рабов скифы ослепляли, чтобы они не могли бежать, и использовали для взбивания кобыльего молока. «И вот дети, родившиеся от этих-то рабов и жен, достигли юношеского возраста. Узнав обстоятельства своего рождения, они задумали воспротивиться тем, кто возвращался из страны мидийцев. И прежде всего они отрезали страну, вырыв широкий ров, растянувшийся от Таврских гор до Меотийского озера, в том именно месте, где оно шире всего. Затем они, расположившись против пытавшихся вторгнуться скифов, вступили с ними в сражение». Не сумев победить в открытом и равном бою, скифы применили «неотрашимый» (с точки зрения рабовладельцев) прием: выступили против «потомков слепых» не с оружием, а с конскими кнутами, демонстрируя свое «моральное превосходство» как господ. Ошеломленные потомки рабов бежали, а скифы, таким образом, «возвратились в свою страну».

Отбросив явно дидактическую и фольклорно-эпическую оболочку изложенной легенды, еще раз подчеркнем реальность событий, лежащих в основе многих древних преданий. Суть пересказанного эпизода достаточно ясна: скифам пришлось вновь завоевывать свою прежнюю (ранее отбитую ими у киммерийцев) страну. Где же находилась эта страна и кто мог реально оказать сопротивление возвратившимся скифам?

Определение границ страны скифов особых трудностей не вызывает, так как специалисты давно установили, что Таврекими древние авторы именовали Крымские горы, а Меотийским озером — Азовское море. Меотида, которую соединял с Черным морем (Понтом Эвксинским) Керченский пролив (Боспор Киммерийский), называлась даже «матерью Понта».

Итак, описываемые события, без сомнения, происходили на территории Крыма. Уточнить место сражений могла бы локализация рва, выкопанного потомками слепых рабов. Он, конечно, не мог находиться на Перекопе, так как провести его оттуда до Крымских гор в техническом отношении тогда было вряд ли возможно, да и бессмысленно. В описываемое Геродотом время — V в. до н. э. — при максимальной регрессии Понта и Меотиды Сиваш не существовал, и «вход» в Крым представлял собой не узкий восьмикилометровый «коридор» Перекопского перешейка, а широкое пространство в 75—100 км от побережья Каркинитского залива до современного Чонгара или Геническа. Заслуживает внимания и тот факт, что Геродот ни о Перекопе, ни о Сиваше не упоминает, хотя очертания Крыма ему были известны.

А вот знаменитый греческий географ I в. до н. э. — I в. н. э. Страбон подробно описал и Гнилое озеро (Сиваш), и перешеек, отделяющий его от моря²⁴. Ширина того перешейка (несомненно, Перекопа) по Страбону составляла 40 стадиев, то есть приблизительно 8 км (если принять за длину стадия 197 м)*. Зная, что к началу нашей эры уровень Черного и Азовского морей, и, соответственно, ширина Перекопского перешейка совпадали с современными, приходим к выводу, что Страбон верно — с точ-

* Стадий — античная мера длины. В эллинических городах и областях использовался стадий разной длины — от 156 до 210 м.

ностью до нескольких десятков метров! — указал эту ширину в его время.

Очень интересен и такой факт. Страбон, определяя ширину перешейка в 40 стадиев, добавил, что «некоторые» определяли ее в 360 стадиев, то есть примерно в 72 км (при той же длине стадия — 197 м). Если вторая цифра действительно относится к Перекопскому перешейку, объяснить ее можно следующим образом.

Страбон, как и все ученые древности, при создании своей «Географии» широко использовал труды предшественников, написанные в VI—I вв. до н. э. Естественно, в них отражалась современная авторам географическая ситуация, которая могла уже не совпадать с обстановкой на рубеже эр. Страбон же, будучи добросовестным компилятором, указал на факт расхождения данных (40 и 360 стадиев), но не сумел объяснить его причину. А заключается она в том, что среди использованных Страбоном материалов находились источники VI—III вв. до н. э., то есть того времени, когда перешеек, соединявший Крым с материком — «пра-Перекоп», — действительно мог достигать ширины гораздо большей. А так как глубина западной части Меотиды незначительна, повышение уровня моря даже на один-два метра в ходе начавшейся нимфейской трансгрессии очень быстро — за 50—100 лет — и привело бы к появлению Сиваша (Гнилого моря) на месте «пра-Перекопа». Таким образом, Страбон совершенно точно описал современную ему ситуацию в Причерноморье: повышение уровня Понта и Меотиды, сужение «Пра-Перекопского» перешейка примерно в десять раз, образование залива Сиваш.

Но вернемся к событиям VI в. до н. э. Ров потомков слепых рабов, как мы выяснили, не мог находиться на Перекопе. Располагался он, без сомнения, на Акмонайском перешейке, на западной границе Керченского полуострова, ибо только там можно прорыть канал от Меотиды (район Арабатской стрелки) до Таврских гор, которые начинались у современной Феодосии. К сожалению, следы рва (и вала) на Акмонае до нашего времени не сохранились, хотя еще в конце XVIII в. П. Сумароков видел какой-то вал «не доходя Феодосии»²⁵. Вероятно, значительно позже эта оборонительная линия была усилена греками, построившими на остатках

вала каменную стену с башнями («стена Асаидра»). Фундаменты стены и башен на протяжении от «Арабата до Черного моря» были также зафиксированы П. Сумароковым и академиком П. Палласом, посетившим Крым в 1793—1794 гг.²⁶

Итак, если «потомки слепых» действительно выкопали ров, то сделали это в наиболее узкой части Керченского полуострова — на Акмонае, тем самым закрыв переправившимся через Босфор Киммерийский скифам путь в центральный Крым и в степные просторы Поднепровья.

Ну а потомки слепых рабов? Если они реально существовали, их следы нужно искать именно в Крыму. Для того, чтобы это сделать, не обойтись без подробного экскурса в историю и археологию тавров.

О присутствии на полуострове древнего нескифского населения недвусмысленно свидетельствуют и сами названия Крыма. Письменные источники эпохи раннего и позднего эллинизма именуют Крым Таврическим Херсонесом*, Большим Таврическим Херсонесом, Тавридой, Таврикой (последний топоним применялся также к южной, горной части полуострова, заменяя топоним «Таврские горы»). Более ранние авторы — Геродот, Псевдо-Скимн, Псевдо-Скилак — сообщают, что в гористой части полуострова обитали племена тавров, приносящих попавших к ним чужеземцев в жертву богине Диане (Артемиде) или Ифигении. Однако, судя по приводимым различными авторами сведениям, район обитания тавров простирался от Керкинитиды (современной Евпатории) до Феодосии и Херсонеса Скалистого (Керченского полуострова?), то есть захватывал не только горы, но и часть степи. По словам Псевдо-Скимна (III—II вв. до н. э.), тавры вели кочевую жизнь в горах. Высказывания же о дикости, кровожадности и замкнутости тавров постоянно — в течение почти тысячи лет, даже после гибели их культуры! — встречаются в сочинениях греческих, латинских и византийских авторов²⁷.

Столь ясные на первый взгляд и единодушные свидетельства не оставляют сомнений в том, где нужно искать памятники тавров. И действительно, еще в прошлом веке в горном Крыму было

* Х е р с о н е с — по-древнегречески «полуостров, мыс».

найдено и раскопано значительное количество погребений, совершенных в каменных ящиках. Обычно такой ящик состоял из сложенных прямоугольником четырех массивных плит, перекрывающих пятую. Так как они внешне напоминали известные на Кавказе и в некоторых странах Европы древние мегалиты — дольмены — погребальные сооружения в виде каменного ящика или «домика» с отверстием в передней стенке, их стали именовать «крымскими мегалитами»*. В середине 20-х годов нашего века известный археолог Г. А. Бонч-Осмоловский, проводивший раскопки в пещере Кизил-коба под Симферополем, выделил ранее неизвестную кизил-кобинскую культуру, к памятникам которой были отнесены и «крымские мегалиты». Носителями кизил-кобинской (крымской мегалитической) культуры были признаны тавры.

Раскопки последних десятилетий позволили создать довольно полное представление об этой культуре, относящейся к IX—III вв. до н. э.²⁸ Прежде всего, она, в отличие от раннескифской, принадлежала оседлому населению. Тавры вели комплексное пастушеско-земледельческое хозяйство: выращивали пшеницу, ячмень, горох, чечевицу, разводили крупный и мелкий рогатый скот. Таврские поселения были небольшими, располагались в речных долинах, на возвышенностях и береговых мысах, нередко огораживались стенами из необработанных камней. Помимо землянок, наземных деревянных и каменных строений под жильем использовались пещеры и скальные навесы. Для изготовления орудий труда и оружия тавры широко использовали камень, кость, реже бронзу, иногда железо. Занимались они также охотой и рыболовством. В раннетаврских памятниках попадаются вещи, аналогичные находимым в погребениях киммерийцев Причерноморья и жителей Северного Кавказа эпохи поздней бронзы и раннего железа. Посуду тавры лепили из глины без применения гончарного круга. Часть керамики (столовая посуда) отличалась неплохим качеством, имела залощенную поверхность черного или серого цвета с налешным орнаментом.

Таврские могильники размещались на возвышенностях и насчитывали до нескольких десятков каменных ящиков. В каждом

* «М е г а л и т» — по-гречески большой, «л и т о с» — камень.

ящике погребалось обычно несколько умерших, помещаемых в скорченном положении на боку, в сопровождении каменных и бронзовых украшений, реже оружия, керамических сосудов. Особенно многочисленны могильники тавров в Байдарской долине.

До недавнего времени у большинства специалистов не было сомнений относительно единообразия кизил-кобинской (мегалитической) культуры и ее принадлежности именно таврам. Однако накопление археологического материала показало заметное своеобразие кизил-кобинских памятников, расположенных в предгорьях и на степном пограничье, их некоторое отличие от классических таврских древностей горного Крыма²⁹. Так, в предгорьях захоронения совершались не только в каменных ящиках, но и в ямах, перекрывались курганными насыпями. Погребения нередко не коллективные, а одиночные либо парные, при вытянутом положении скелетов. К тому же лощеная керамика, характерная для горных и предгорных памятников, как выяснилось, распространена в Крыму и в тех районах, где, согласно письменным источникам, тавров не было³⁰.

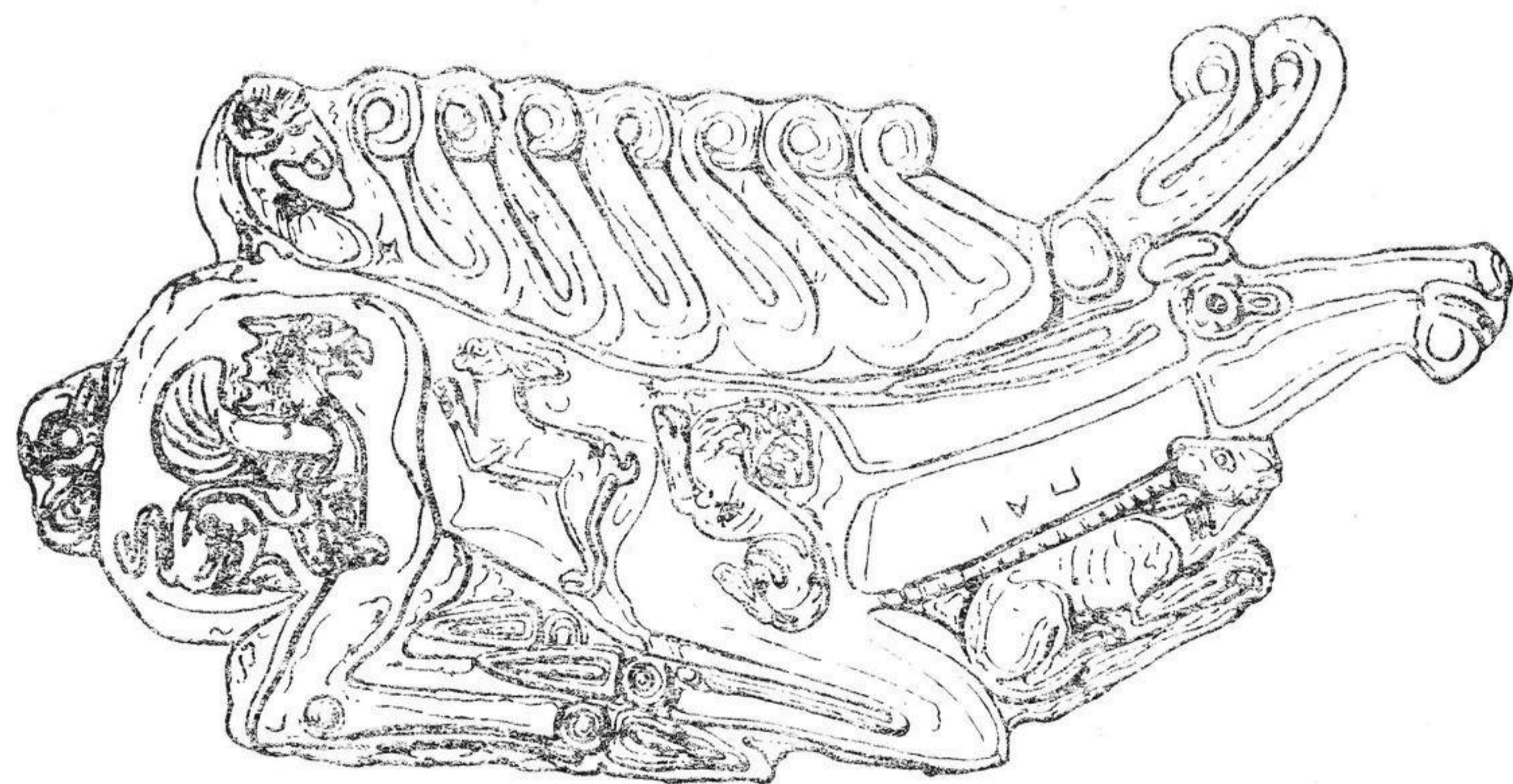
Но как бы ни решался вопрос о соотношении горных и предгорных погребений Крыма эпохи раннего железа, следует признать бесспорным принадлежность горных мегалитических памятников историческим таврам. Не вызывает сомнения и следующее: по мере удаления от гор, в предгорьях и тем более степи, аборигенные кизил-кобинские памятники Крыма VII—VI вв. до н. э. все более приобретают «скифский» облик. В них чаще, чем в горах, встречается оружие скифских типов, «скифские» элементы погребального обряда и т. д.

Чем же объясняется отмеченный рост сходства? Возможно, тем, что кизил-кобинское население предгорий и части степи уже в VII в. до н. э. вступило в прямые контакты с появившимися в Крыму скифами. Подобные контакты вполне могли привести к появлению в столь ранний период группы смешанного скифо-кизил-кобинского населения, оставшегося в Крыму после ухода основной массы скифов в Переднюю Азию. Подобные процессы этнического смещения были обычны в древности, а при наличии преимущественно дружеских отношений между взаимодействующими этническими группами они ускорялись.

Не исключено, что потомки слепых рабов Геродота — это население, образовавшееся в результате смешения скифов и кизил-кобинцев. Возможно, им принадлежат захоронения VII—VI вв. до н. э., обнаруженные при сооружении Симферопольского водохранилища в районе Марьино и Лозовое³¹. В небольших ямах, заделанных камнями и перекрытых курганными насыпями, находилось по одному погребенному в вытянутом (изредка полускорченном) положении головой на запад. Захоронения бедные; кроме лощеных сосудов с резным геометрическим орнаментом, в них встречались керамические пряслица (грузики для веретена), кусочки красной краски, изредка — скифские бронзовые наконечники стрел, кремневые отщепы. Несколько более богатым было парное погребение VI в. до н. э., исследованное у с. Белоглинка под Симферополем. Примечательно, что мужской скелет был в вытянутом (как у скифов), а женский — в полускорченном положении (по обычаю тавров). Погребения, сходные с описанными, концентрируются в крымских предгорьях, но встречаются и в степи. Так, в одном из курганов у с. Колоски (Сакский р-н)³² в яме, насыпанной камнями, таким же образом погребены мужчина и женщина. Рядом с женщиной в истлевшем мешочке лежали ее украшения: бронзовый браслет, подвеска из раковины моллюска, бусины из кости и мела. Здесь же находились кусочки алой краски, два пряслица, песчаниковая плитка — палетка, лощеный кубок кизил-кобинского типа, кусок мяса жертвенного животного. Вероятно, это погребение конца VI в. до н. э., как и захоронение у с. Белоглинка, свидетельствует о восстановлении скифо-кизил-кобинских связей путем смешанных браков. Некоторые скифские погребения этого времени в Крыму содержат отдельные элементы кизил-кобинской культуры, в частности керамику. Для захоронений скифы начинают использовать каменные ящики. В целом они заметно богаче кизил-кобинских, в них чаще встречаются оружие (Березовка, Аршинцево, Золотое и т. д.).

«Чисто» скифских погребений этого времени в Крыму найдено пока немного. Одно из них, в кургане у с. Изюмовка (Кировский р-н), было разрушено при вспашке. Помимо длинного железного меча, по рассказам очевидцев, в нем находились шлем и панцирь.

Надежным свидетельством скифской принадлежности погребенного считается наличие в могиле предметов, выполненных в скифском «зверином стиле». Искусство этого стиля было основано на умении художника создавать сложные, передающие определенные религиозно-мифологические идеи композиции, используя в качестве графических элементов фигуры или части фигур животных, птиц, рыб. При этом животные изображаются в определенных, четко фиксируемых позах, количество которых сравнительно невелико. В зверином стиле оформлялись не только укра-

Золотая бляха в виде оленя (Куль-оба, IV в. до н. э.).

шения, но и оружие, металлическая и деревянная посуда, ковры, одежда и т. д. Скифским мастерам удавалось создавать в разном материале стилистически близкие и удивительно гармоничные произведения. Прекрасным образцом раннего звериного стиля является наконечник лука, найденный в кургане Темир-гора. Здесь на основной образ (голова хищной птицы) наложены сдвоенные изображения зайцев и, вероятно, хищника из породы кошачьих. Подобное соединение, однако, не нарушает целостности восприятия главного образа, делая его более выразительным. Оригинально — в виде головок хищных птиц — трактованы концы рогов оленя на бляхе из кургана 7 у с. Колоски.

Итак, варварское население предгорного и степного Крыма в VI в. до н. э. в основном состояло из скифов, скифо-кизил-кобинцев (смешанный этнос) и кизил-кобинцев. Последние обитали преимущественно в предгорьях, образуя своеобразный вариант таврской мегалитической культуры. Контакты скифов с горцами таврами в это время вряд ли были активными.

Эпоха скифо-киммерийского конфликта и переднеазиатского похода скифов совпала с событием, оказавшим большое влияние на демографическую ситуацию и культурное развитие южных районов Европы — Великой греческой колонизацией.

Колонизация северного побережья Понта (Черного моря) владями³⁴ началась во второй половине VII в. до н. э., но первые сведения об этом районе они получили, вероятно, значительно раньше. Первой греческой колонией в Крыму был город Пантиканей (современная Керчь), основанный в конце VII в. до н. э. выходцами из крупного торгово-ремесленного малоазиатского города Милета. Чуть позже, в течение VI в. до н. э., возникли колонии Пимфей (у поселка Героевка), Мирмекий (в 4 км к северу от Керчи), Тиритака (у пос. Аршинцево), Феодосия, Порфмий (у наиболее узкой части Керченского пролива). Все они расположены в восточной части Керченского полуострова, на побережье Боспора Киммерийского и ближайших к нему морских заливов. Эта часть Крыма благодаря изрезанности береговой линии, наличию бухт и естественных укрытий наиболее благоприятна для оборудования корабельных стоянок и портовых сооружений. Обилие глины и камня (известняка) обеспечивало колонистам хороший строительный материал для возведения жилых построек и укреплений. Немаловажным было наличие в округе будущей колонии пригодной для возделывания сельскохозяйственных культур земли и источников питьевой воды.

В каждом конкретном случае создание поселения — колонии — было не просто способом решения внутригородских проблем, а очень важным событием в судьбе целого человеческого коллектива, обретающего на неизведанных берегах чужого моря свою вторую родину. Много трудностей ожидало переселенцев: шторма и бури, непривычный северный климат, возможная опас-

ность со стороны аборигенов (варваров, как их именовали эллины). В случае вооруженного конфликта с аборигенами переселенцев на начальном этапе колонизации ожидала почти неминуемая гибель из-за их малочисленности и отсутствия укрепленных укреплений.

Так что мирные взаимоотношения с местным населением по крайней мере первое время были абсолютно необходимы эллинам. А такое население (очевидно, не очень многочисленное) в VII—VI вв. до н. э. в Восточном Крыму имелось. Это были скифы, кизил-кобинцы и группа этнически смешанного населения. Некоторые исследователи допускают присутствие и поздних киммерийцев либо их потомков, иногда отождествляя их с кизил-кобинцами.

Настоящее «знакомство» скифов с эллинами произошло, очевидно, в районе Боспора Киммерийского не позднее начала VI в. до н. э. при возвращении скифов из Передней Азии. Однако находки родосско-ионийской керамики в двух крымских погребениях скифов второй половины VII в. до н. э. удостоверяют наличие греко-скифских контактов и в более ранний период. Нет сомнений, что установившиеся связи эллинов со скифами и «степными кизил-кобинцами» были мирными. Стефан Византийский сохранил для нас интересную легенду о том, что земли для основания Пантикапея сыну колхидского царя Эета уступил скифский царь Агаэт³⁴. Кстати, само название города Пантикапей не греческое, а местное, индоиранского происхождения, означающее «рыбный путь». Возможно, так называлась речушка, некогда впадавшая в Керченский пролив в районе города (совпадения названий города и реки, на котором он стоял, в древнегреческой топонимике нередки).

Заслуживает особого внимания и следующий факт: в древнейших греческих слоях культурных отложений и чуть ниже их на территории Пантикапея, Феодосии и Нимфея отмечены следы пребывания варварского населения и даже целых его поселений. В частности, там найдена хорошо известная лощеная керамика кизил-кобинского типа, изредка — скифского.

Таким образом, имеющиеся данные, хотя они отрывочны и не всегда поддаются однозначному толкованию, свидетельствуют

о мирных контактах переселенцев с местным населением. Приморские греческие города в VI в. до н. э., видимо, не имели укреплений. В это же время возникают и первые сельские эллино-ионийские поселения, также неукрепленные, на некотором удалении от моря: у сел Марьевка, Андреевка Южная, Южно-Чурубашевое и др.

Мирное сосуществование приносило несомненную пользу и эллинам, и варварам. Эллинам без помех могли заниматься хлебопашеством и виноградарством, строительством, рыболовством, железоделательным и бронзолитейным ремеслом, торговлей. Последняя имела характер натурального обмена. Скифы в обмен на скот и шкуры получали красивую привозную керамику, художественные изделия из бронзы и драгоценных металлов, возможно, ткани и вино. Судить о масштабах обмена в VI в. до н. э. трудно, но скорее всего он был невелик. Возможно, это объясняется относительно небольшой численностью скифского и скифско-кизил-кобинского населения в степных районах Крыма. Основная масса скифов, пройдя через северный Крым и низовья Дона, расселилась на широких просторах северопричерноморских и приазовских степей, проникла далеко на север, в лесостепь.

Главным занятием скифов, по единодушному утверждению древних авторов, было кочевое скотоводство. Кони, крупный и мелкий рогатый скот круглый год находились на подножном корме. Постоянные перекочевки в широтном направлении сочетались с сезонными меридианальными перемещениями. В начале лета скот гнали с юга степи на север, к лесостепной границе, осенью — на юг, где зима была мягче и дольше сохранялся травяной покров. Вероятно, именно в осенне-зимний период численность скифского населения в Крыму возрастала. А весной и летом крымские степи пустели.

Скифы умели перерабатывать и заготавливать впрок продукты животноводства: вялили мясо, из кобыльего молока получали сыр (вспомним легенду о слепых рабах!), очень широко использовали шкуру, шерсть и кость для изготовления конской упряжи, одежды, предметов обихода. За скотом ухаживали и мужчины, и женщины. Мужчины не только охраняли и пасли стада, но и охоти-

лись: дичи в степях в то время было немало. Женщины работали главным образом «дома», а домом скифу и его семье служила повозка-кибитка. Запряженные парой волов, покрытые войлоком и задрапированные домотканными коврами повозки медленно двигались за стадами, мужчины и подростки сопровождали их верхом. Возможно, в местах более длительного пребывания, например на зимниках, скифы сооружали стационарные жилища наподобие юрт или чумов из деревянных жердей и шкур животных. В случае необходимости их можно было демонтировать и перевозить на повозках.

Мобильность скифов подчеркивали многие древние авторы, видя в этом основную причину их непобедимости. Так, по словам Геродота, «никто из тех, кто вторгся к ним, не может спастись бегством, а если они не пожелают, чтобы их обнаружили, захватить их невозможно: ведь они не основывают ни городов, ни укреплений, но все они, будучи конными стрелками, возят свои дома с собой, получая пропитание не от плуга, а от разведения домашнего скота; жилища у них на повозках. Как же им не быть непобедимыми и недоступными для нападения?»

Скифы хорошо приспособились к кочевой жизни в безлесных степях. Вот, например, как они готовили пищу во время совершения жертвенных обрядов (очевидно, так же и в повседневной жизни): «...Для варки мяса придумано у них следующее: как только они сдерут шкуру с жертвенного животного, они очищают кости от мяса и затем кладут мясо в котлы (если они у них окажутся) местной выделки... Бросая в них мясо, варят его, поджигая внизу кости жертвенных животных. Если же у них под рукой нет котла, они кладут мясо в желудки жертвенных животных и, подлив воды, поджигают кости. Кости горят прекрасно, а желудки легко вмещают мясо, очищенное от костей. И таким образом бык варит сам себя, и остальные жертвенные животные — каждый варит само себя». То, что описанный способ варки мяса не выдуман Геродотом, подтвердили наблюдения этнографов: в недавнем прошлом его применяли буряты, якуты и некоторые другие народы.

В местах длительных стоянок скифы занимались и ремеслами. Прежде всего кочевникам требовались металлические изделия —

оружие, конская сбруя, инструменты для обработки дерева, кости, кожи. Скифы умели получать и обрабатывать бронзу, железо, золото. Значительное количество бронзы требовалось для изготовления наконечников стрел (каждый скиф имел их по несколько сот) и котлов для варки мяса. Часть необходимого металла и металлических изделий кочевники получали путем грабежа и сбора дани, а часть — путем торгового обмена. С появлением на берегах Понта эллинских колоний легче стало получать продукты и изделия мирным путем.

В отличие от скифов, крымские аборигены — кизил-кобинцы, а может быть, и значительная часть смешанного населения, жили оседло. Варварские поселения располагались в местах, удобных для ведения сельского хозяйства и рыболовства — в предгорьях и прибрежной зоне. Судя по археологическим находкам, жители поселений выращивали пшеницу и ячмень, разводили крупный и мелкий рогатый скот. Чисто скифские поселения VI в. до н. э. в Крыму пока не найдены, фиксация же следов зимников и кратковременных стоянок кочевников вообще очень трудна.

Важным событием в истории населения Причерноморья является скифо-персидский конфликт в конце VI в. до н. э. Он довольно подробно описан Геродотом, упоминается в сочинениях ряда других древних авторов.

Толчком к войне, по словам Геродота, послужило желание Дария I Гистаспа, царя огромной Персидской державы, «отомстить» скифам за обиды, причиненные ими во время переднеазиатских походов VII в. до н. э. Повод довольно странный, ибо мидийцы, как известно, в конце концов сумели постоять за себя, нагнав скифов за пределы Передней Азии (впрочем, каких только поводов к началу опустошительных войн не знала история человечества!). По мнению более поздних авторов — Помпея Трога и Иордана — поход персов был вызван отказом скифского царя Иданфирса (Иантира, Антира) выдать свою дочь замуж за Дария.

Возможно, истинные причины неожиданной враждебности Дария к скифам были более прозаичными. Персидская держава,

созданная около 700 г. до н. э. Ахеменом, предком Дария, представляла собой конгломерат десятков племен и народов, говорящих на разных языках и находящихся на разных ступенях общественного развития. Одним из условий существования государственных образований, подобных державе Ахеменидов, являлись постоянные войны не только с внешними врагами, но и с собственным населением, большая часть которого стремилась сбросить ненавистное персидское иго. Постоянно вспыхивавшие во всех уголках империи восстания подавлялись с неслыханной жестокостью. Военные победы способствовали укреплению единоличной власти персидского царя, пополняли казну за счет ограбления завоеванных стран, обеспечивали державу огромными трудовыми ресурсами — рабами, пленными, данниками. Все это, однако, не гарантировало целостность, мир и спокойствие этой империи. Ее северо-восточные окраины подвергались набегам воинственных кочевников — саков и массагетов, по своей культуре и, вероятно, языку близких скифам. Не исключено, что цель похода Дария заключалась не только в захвате добычи, укреплении личной власти царя, устрашении как врагов, так и союзников, но и в том, чтобы путем разгрома причерноморских скифов лишить азиатских кочевников их естественного союзника.

Дарий серьезно готовился к войне. Собранная им по всей империи разноязычная армия насчитывала, по древним источникам, 700—800 тыс. человек пехоты и конницы, а также 600 кораблей. Ему активно помогали союзники-тираны (единоличные правители) ряда греческих городов, сохранявшие свою власть с помощью персов. По мнению современных исследователей, численность персидских войск, участвовавших в походе, была в пять—десять раз меньшей — от 5 до 100 тыс. человек.

Точная дата похода Дария неизвестна. По разным источникам он состоялся между 515 и 512 гг. до н. э. Перейдя по сооруженному греками наплавному мосту из составленных друг с другом бортами судов через пролив Боспор Фракийский (современный Босфор) в Европу, персидская армия, двигаясь по территории Фракии, достигла Дуная. Переправа через Дунай осуществлялась тем же способом, что и переправа через Боспор Фракийский. На левобережье Дуная начиналась Скифия.

Подробное изложение хода скифо-персидской войны сделано в ряде специальных исследований³⁵. Вместе с тем краткое описание ее дать необходимо и здесь, так как и население Крыма косвенно оказалось вовлеченным в нее.

Скифы, считая, что одолеть персов в открытом бою не сумеют, послали гонцов к соседним племенам. Среди собравшихся на военный совет предводителей восьми граничащих со скифами племен были и цари тавров, обитавших, как известно, в горах Крыма. Данное сообщение для нас весьма важно. Во-первых, устанавливается, что скифы и тавры в Крыму были соседями, то есть контролируемые ими территории имели общую границу, проходящую, вероятно, по северным склонам внешней гряды гор. Во-вторых, подтверждается обособленность и независимость тавров, а также их раздробленность на мелкие родо-племенные группы («разделенные на различные царства тавры» упоминаются и в значительно более позднем сочинении Аммиана Марцелина³⁶).

Лишь будины, гелоны и савроматы согласились помочь скифам. Остальные, включая тавров, объявили о своем нейтралитете и нежелании вмешиваться в конфликт. Скифы, сформировав три больших отряда под командованием Таксакиса, Иданфирса и Снопасиса, двинулись против персов с целью заманить их в глубь степей. Большую часть стад, повозки с женщинами и детьми скифы отправили на север, к лесостепной границе. Оставшееся скифское войско, в основном конное, избегало решительного сражения, но изматывало армию Дария в мелких стычках, уничтожало запасы продовольствия и растительность, засыпало колодцы и источники. Не совсем ясно, насколько глубоко персы проникли в Скифию. Они двигались на некотором расстоянии от побережья Понта, параллельно ему. Хотя Геродот пишет, что они достигли Танаиса (Дона) и даже перешли его, вряд ли это соответствует действительности; по оценкам специалистов маловероятно, чтобы персы продвинулись восточнее района современного города Бердянска. Эта попытка скифов втянуть в войну сохранивших нейтралитет соседей, в том числе тавров, не удалась. Возникла прямая угроза выступления соседних племен против скифов. Боясь оказаться в западне между персами и тав-

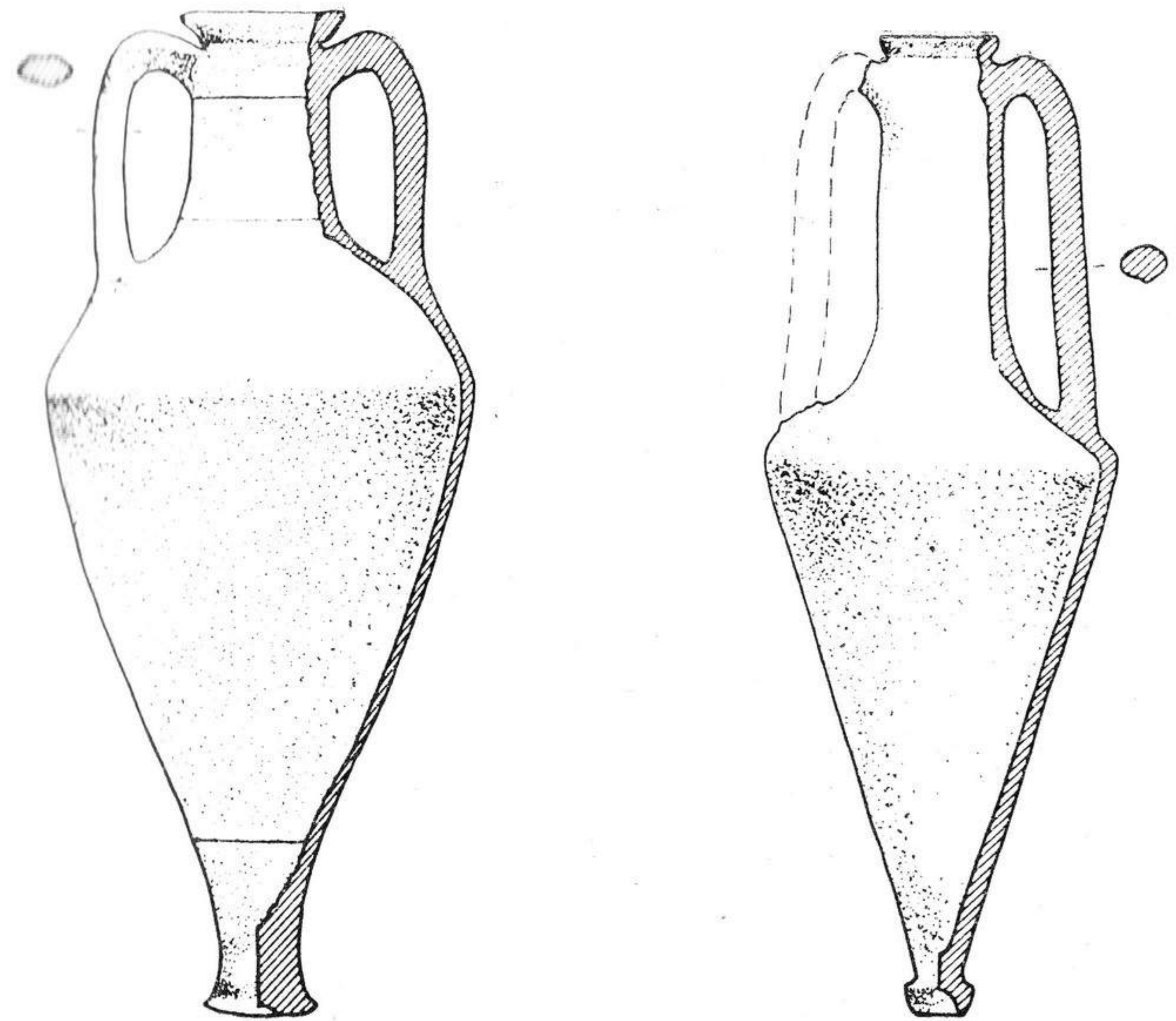
рами на сравнительно небольшой территории полуострова, скифы не вошли в Крым, а продолжали отступать на восток. Затем, совершив маневр, основные силы скифов повернули на запад, к Дунаю. Несмотря на успешный рейд персов (вероятно, их конницы) в земли будинов и гелонов, персидская армия была уже настолько ослаблена, что Дарий теперь сам стремился не допустить решительной битвы. В конце концов, бросив в практически беззащитном лагере обоз, раненых и больных, он с наиболее мобильной и боеспособной частью войска бежал к Дунаю. Передовой скифский отряд подошел к мосту через Дунай раньше отступавших персов. Скифы предложили охранявшим переправу грекам — союзникам Дария — разрушить мост и тем самым обрести независимость, так как персидская армия, отрезанная на левобережье Дуная, несомненно, была бы полностью уничтожена. Но греческие тираны, на словах согласившись с предложением скифов и даже разрушив небольшую часть моста, все же предпочли, ради сохранения собственных привилегий, богатств и власти, предать интересы народа, и Дарию с остатками войска удалось покинуть Скифию и спастись.

Победа скифов была бесспорной. Она оказала заметное влияние не только на судьбы скифского населения Причерноморья, но и соседних народов — савроматов, тавров, будинов, гелонов, фракийцев и др. Память об этой победе сохранялась в течение сотен лет, а ход войны, стратегия и тактика скифов изучались историками и военными деятелями эпохи античности и раннего средневековья. Скифы подтвердили свою славу непобедимого народа.

ВЛАДЫКИ СТЕПЕЙ (V в. до н. э.)

Ценные сведения по истории скифов после персидского вторжения содержатся в уже знакомой «Истории» Геродота, подлинной энциклопедии скифских древностей. Ценность их особенно велика еще и потому, что Геродот являлся современником и даже очевидцем некоторых описываемых им событий V в. до н. э. Он, несомненно, лично побывал на северном побережье Понта, посетил ряд греческих городов и записал рассказы их жителей.

Скифию, простиравшуюся от Истра (Дунай) до Танаиса (Дона), населяло, по сведениям Геродота, множество племен, среди которых были не только скифские. К числу собственно скифских племен относились скифы-пахари, скифы-земледельцы (борисфениты), скифы-кочевники и скифы царские. Владения по-

Греческие амфоры конца V в. до н. э. (с. Червоное, Сакский р-н).

владения доходили на юге до Таврики (Крымских гор), а на востоке — до рва (на Акмонае), выкопанного потомками слепых рабов. Таким образом, большая часть Крыма контролировалась «рабрейшим» племенем царских скифов, «которые других скифов считали своими рабами». Однако, говоря о нестерпимо холодной, в точках зрения грека, восьмимесячной зиме в Скифии, Геродот отмечает: «Замерзает море и весь Боспор Киммерийский. И ски-

фы, живущие по сию сторону рва, совершают по льду военные походы и перегоняют крытые повозки на противоположный берег, на землю синдов». Таким образом, и на Керченском полуострове, восточнее рва «потомков слепых», жили какие-то скифы, скорее всего не царские, а принадлежавшие к другому племени. Присутствие на берегах Боспора Киммерийского городов и поселений эллинов не мешало скифам переправляться через пролив и проводить военные операции на азиатском берегу, на Тамани. Вместе с тем соседство с греческими колониями, соприкосновение с высокой эллинской культурой не могло не отразиться на культуре скифов Крыма, да и всего Причерноморья.

В начале V в. до н. э. в Восточном Крыму происходят важные события. Прежде всего, в 480 г. до н. э. самостоятельные и политически независимые полисы, расположенные как на европейском, так и на азиатском берегу Боспора Киммерийского, объединились в одно государство, названное Боспором. Столицей Боспора стал город Пантикапей. Верховная власть была сосредоточена в руках династии Археанактидов. Правители — члены аристократического рода Археанактидов — хотя и носили титул архонтов* Боспора, на деле, вероятно, обладали почти неограниченной царской властью.

Объединение независимых полисов в единое государство, конечно, было обусловлено серьезными причинами. Помимо очевидной экономической выгоды, это, вероятно, способствовало защите от соседних варварских племен, численность и активность которых заметно росли: скифов — на Керченском полуострове, синдов и меотов — на Таманском. Нет сомнения, что богатые античные центры, словно магнит, притягивали окрестных варваров, и удовлетворить аппетиты их вождей торговлей и периодическими дарами удавалось не всегда. Эллинские города опоясываются укреплениями — высокими каменными стенами с башнями. Возможно, именно в это время сооружается целая оборонительная линия — Тиритакский вал, протянувшийся от укрепленного городка Тиритаки на север до Меотиды (Азовского моря). Вал мог в какой-

* А р х о н т — высший правитель в греческих демократических полисах; избирался на ограниченный срок.

то мере защитить от нападения с запада северо-восточную часть Керченского полуострова с городами Пантикапей и Мирмекий, а также расположенные здесь же переправы на азиатский Боспор.

В 438 г. до н. э. власть над Боспором переходит к новой династии — Спартокидам, правившим до конца II в. до н. э. Есть основания считать Спартокидов не чисто греческим, а греко-фракийским родом. Активная внешняя политика Спартокидов была направлена на включение еще сохранявших независимость греческих городов, а также населенных варварами территорий Таманского полуострова в состав Боспора. Первым Спартокидам — Спартоку I и его сыну Сатиру I — удалось достичь определенных успехов. Им покорился Нимфей, и территория Боспора расширилась к западу. Вне района, ограниченного Тиритакским валом, возникли новые города (Китей, Киммерик), а также сельские поселения эллинов. Вероятно, следствием экспансии Боспора на запад явилось сооружение еще одной оборонительной линии — Киммерийского (Аккосова) вала и рва, протянувшихся на 35 км от Ууунларского озера до Казантипского залива Азовского моря.

В V в. до н. э. усиливается греческое присутствие в северозападном Крыму. Становится городом основанная во второй половине VI в. до н. э. Керкинитида. У Карантинной бухты, во владениях тавров, переселенцами из Гераклеи Понтийской основывается город Херсонес. Оба города были самостоятельны и независимы от Спартокидов. Между ними и Боспорским царством лежала скифская степь и Таврские горы.

Специалисты по культурам эпохи раннего железа уже давно отметили существенное возрастание числа скифских погребений и, следовательно, скифского населения в причерноморских степях, начиная с V в. до н. э. Не было исключением в этом отношении и Крым, где, по опубликованным данным, исследовано уже не менее полусотни погребений V в. до н. э. Рост населения в степях именно в это время объясняется как экологическими, так и внешнеполитическими причинами: несомненным улучшением климата и среды обитания, победой над персами и др. Серьезных противников в V в. до н. э. скифы не имели ни в Причерноморье, ни в Крыму. Вместе с тем скифская культура Крыма продолжала

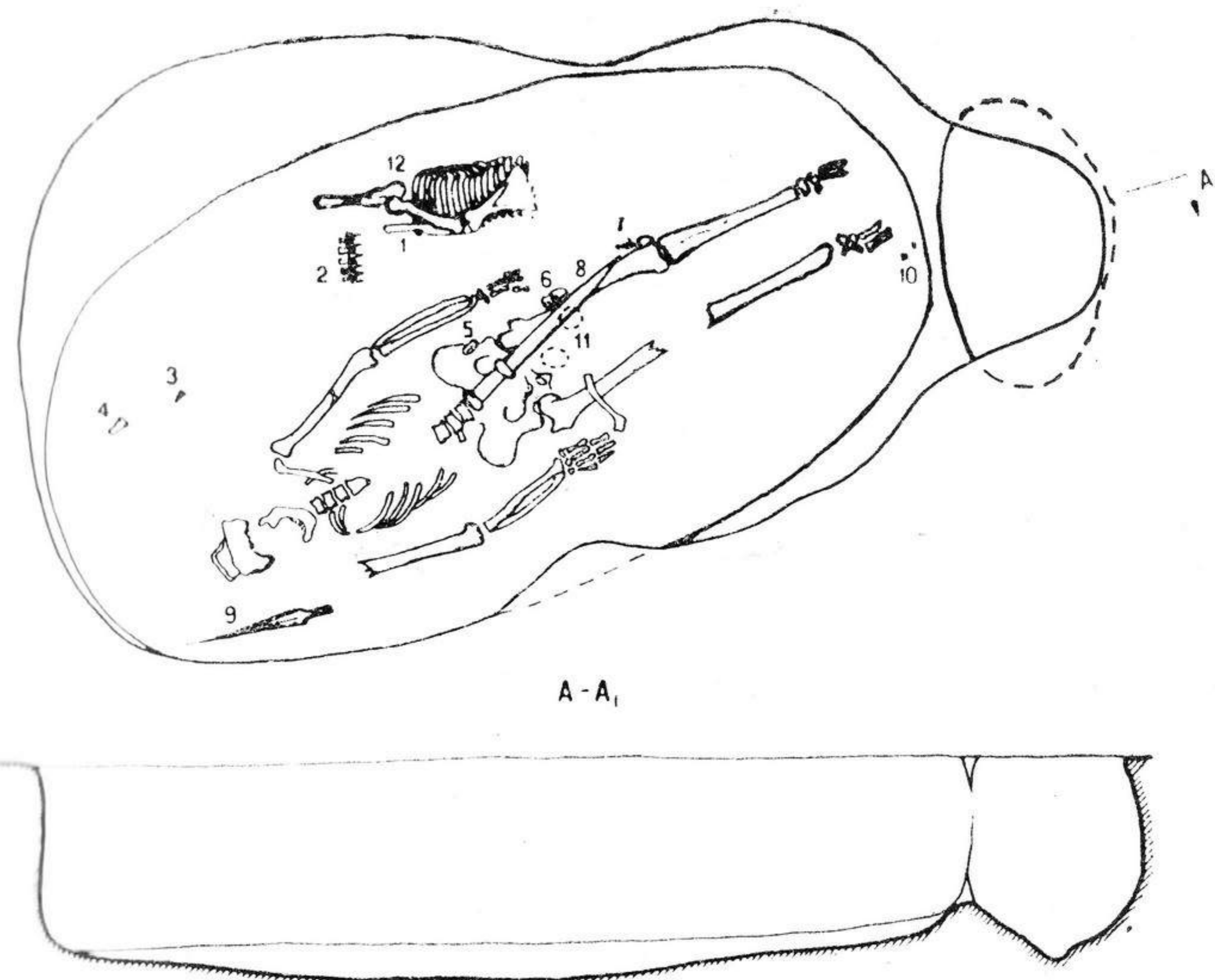
развиваться не изолированно, а в тесном контакте с культурами аборигенного кизил-кобинского населения предгорий и эллинских переселенцев. Взаимодействие культур наглядно проявляется при анализе археологических памятников этого времени, прежде всего погребений. Они обнаружены почти по всей территории степного Крыма — на Перекопе, в Присивашье, центральном и северном Крыму, но несколько чаще они встречаются в предгорьях и на Керченском полуострове.

При определенном своеобразии погребений каждого региона Крыма можно выделить и общие, присущие большинству захоронений черты. К ним относятся: господство вытянутых труположений, использование для захоронений ям и каменных ящиков, помещение умершего в погребальное сооружение головой на запад, почти обязательное присутствие оружия. Большинство захоронений курганные: они либо перекрывались курганной насыпью, либо делались в насыпи уже существующего кургана. Высота курганов от 0,2 до 6 м. Нет сомнения, что размеры насыпи и, соответственно, затраченного на их сооружение человеческого труда зависели от социального положения погребаемого.

А теперь рассмотрим особенности скифских погребений Крыма и попробуем выяснить, чем же эти особенности вызваны.

Погребения V в. до н. э., исследованные в центральном Крыму, на Перекопе и в Присивашье, небогаты. Совершались они в небольших ямах и содержали останки вооруженных мужчин со скромным инвентарем: наконечниками стрел, мечом, железным пожом, костями жертвенных животных. Встречена и конская сбруя: железные удила, бронзовые псалии и нащечники.

В западном Крыму для захоронений скифы использовали и ямы, и каменные ящики. Интересное погребение, совершенное в кургане высотой более 4 м, было исследовано в 1885 г. у с. Каптановка (бывш. Кара-меркит) к северу от Евпатории. В потревоженном каменном ящике сохранились четыре золотые пластинки — обивки деревянного сосуда с изображением оленей и орлиной головы, обломки медного сосуда, бронзовые киаф (чернак) и ситечко для процеживания вина, бронзовая бляха в виде головы лося, а также набор оружия: 280 бронзовых наконечни-

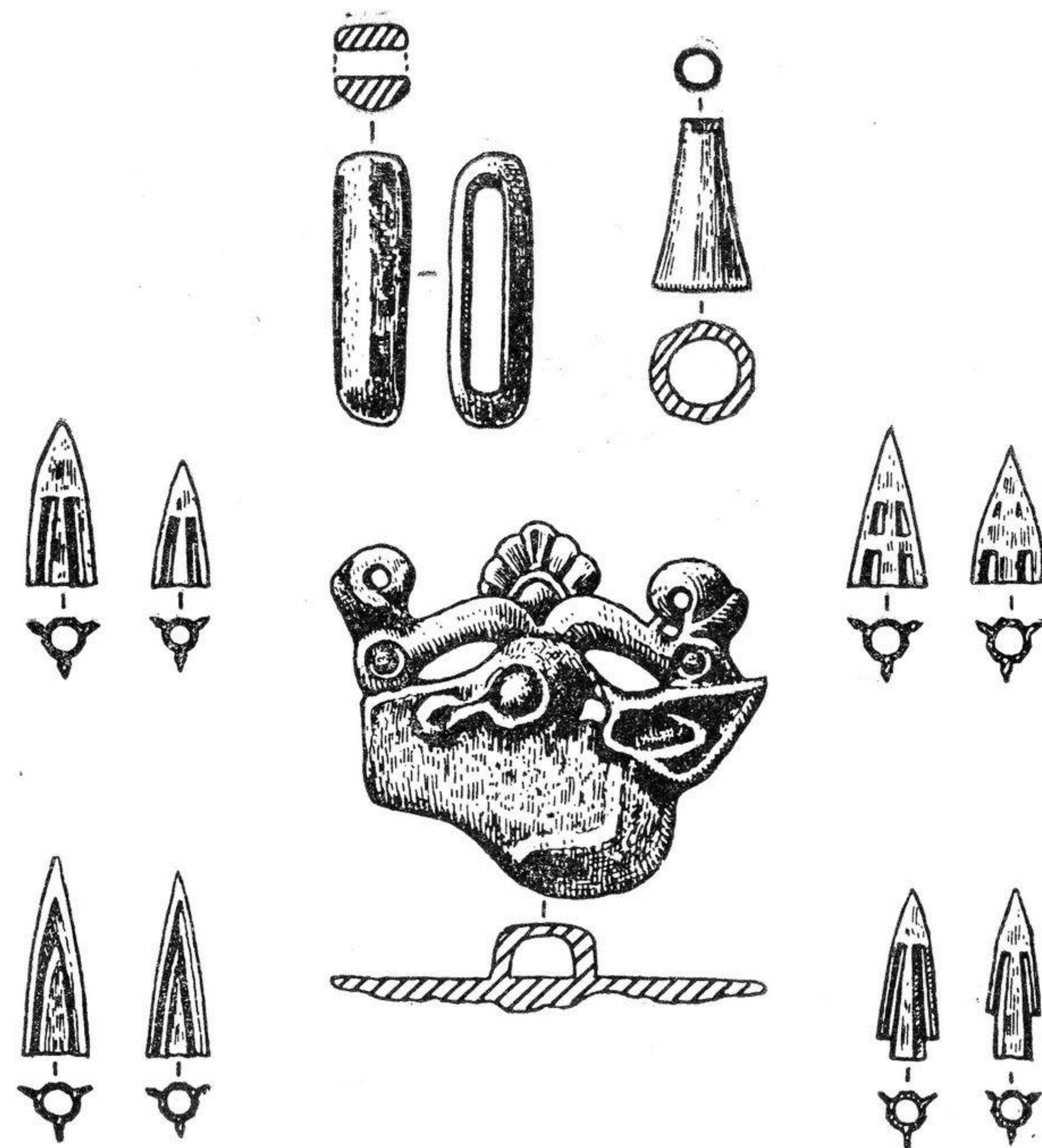

Погребение в кургане 7 у с. Колоски (V в. до н. э.).

ков стрел, железный меч, пластинчатый панцирь. Подобные наборы инвентаря типичны для захоронений знатных скифских воинов и в степях севернее Перекопа.

Похожее, но менее богатое захоронение было исследовано недавно в одном из курганов (№ 7) у с. Колоски Сакского района. Мужчина был положен в могильную яму на подстилку из органических материалов. К его поясу был прикреплен меч, рядом лежало копьё, бронзовая ворворка, колчан с 63 бронзовыми стрелами. Возле жертвенной пищи — грудины барана — находился железный нож. К числу редких относится находка в могиле двух птичьих (куриных?) яиц. Ножны меча (?) украшала литая бронзовая бляха с изображением головы оленя.

Весьма интересна группа предгорных погребений. В 1890—1895 гг. в междуречье Альмы и Качи, а также в имениях Пастака, Бо-

Инвентарь погребения в кургане 7 у с. Колоски.

бовича, Талаевой и Нестроева (современные села Долинное, Мирное, Грушевое) было выявлено несколько интересных захоронений V в. до н. э., из которых наибольшую известность получило погребение Золотого кургана³⁷. Оно было впускным. Мужчина-воин лежал в могильной яме на специальном грунтовом возвышении-ложе, головой на запад. На шее его находилась золотая гривна — шейное украшение в виде разомкнутого кольца. Пояс был украшен бляхами с изображением орла и грифоньей головы. В ногах стоял большой лепной кувшин. Находившийся под погребенным набор оружия, помимо овального деревянного щита с набитыми на него железными пластинками, включал короткий железный меч в ножнах с золотой обкладкой, деревянный обтянутый кожей

кожан со 180 наконечниками стрел. Устье колчана украшала объемная фигурка пантеры, выполненная из бронзы и покрытая золотой фольгой.

Несколько иную конструкцию имело погребение, исследованное у с. Долинное в 1895 г.³⁸. Выкопанная в насыпи кургана она была перекрыта деревянными плахами и поверх перекрытия завалена камнями. Помимо железного меча, копья, колчана с бронзовыми и костяными наконечниками стрел при погребении найдены бронзовые изделия в скифском зверином стиле. Среди последних особенно интересна бляха в виде свернувшегося в кольцо и кусающего свой хвост хищника, скорее всего волка. На плече хищника изображена фигурка горного козла с подогнутыми ногами и повернутой назад головой. Очень похожая бляха найдена, кстати, на Южном Буге, также в погребении V в. до н. э.

Интересная находка была сделана в 1895 г. в погребении кургана № 1 у с. Грушевое (бывшее имение Талаевой)³⁹. У головы скифа, лежащего на расстеленном чешуйчатом панцире в мечом у пояса и кожаным колчаном со стрелами у левой ноги, стоял глиняный темно-лощенный кубок, украшенный типичным кизил-кобинским орнаментом. Форма же кубка очень напоминает скифские ритуальные сосуды с округлым туловом и суженным раструбовидным горлом, изготовлявшимся из глины и дерева, а также и из драгоценных металлов. Сочетание в одном сосуде скифских и кизил-кобинских черт вряд ли является случайным. Скорее всего кубок был изготовлен для кочевника-скифа в одном из городищ или селищ предгорного Крыма, населенных кизил-кобинским или смешанным скифо-кизил-кобинским этносом.

Анализ материалов поселений и погребений V в. до н. э. абorigенов крымских предгорий показывает нарастание скифских черт и в погребальной обрядности, и в материальной культуре⁴⁰. Повсеместное распространение получает оружие скифских типов (кинжалы, мечи, стрелы), а также тождественные скифским бытовые предметы (детали конской сбруи, железные ножи, браслеты). При этом кизил-кобинцы продолжали сохранять и некоторые древние этнические традиции, в частности, широко применяли для захоронений каменные ящики, использовали богатый

набор специфических украшений из бронзы и раковин — серьги, булавки, подвески, бляшки, пронизи. Имеющиеся факты свидетельствуют о мирных взаимоотношениях кочевников-скифов с аборигенами предгорий, а также о продолжении процесса постепенной культурной и этнической ассимиляции последних скифами. Изредка находимые на предгорных поселениях и в погребениях греческие изделия (керамика, бусы) попадали к оседлым кизил-кобинцам через посредство кочевников-скифов, контролировавших степь и подступы к античным центрам. Кстати, количество импортных греческих изделий и в чисто скифских погребениях большей части Крыма — до Акмонайского перевалка — весьма незначительно. Эти погребения практически ничем, кроме редкой керамики кизил-кобинского типа, не отличаются от скифских погребений Херсонщины, Поднепровья и Поингулья той поры. Картографирование памятников подтверждает данный вывод: они как бы отмечают пути движения скифов со стороны Перекопа на юг — в предгорья, на юго-запад — на Тарханкут и на юго-восток — на Керченский полуостров.

Скифские памятники, исследованные на Керченском полуострове восточнее Акмоная, представляют особый интерес. Прежде всего, почти вся эта территория к концу V в. до н. э. контролировалась Боспорским царством либо находилась в сфере его влияния. Здесь была сосредоточена основная масса эллинских городов и поселений Крыма, а греко-скифские контакты были длительными и разносторонними. Именно тут следовало бы ожидать наиболее ярких проявлений взаимодействий культур эллинов и варваров. И они были обнаружены.

В 60—70-е гг. прошлого века в районе греческого городка Нимфея (современный пос. Героевка) было исследовано около десятка грунтовых и подкурганых погребений, привлечших внимание своей необычностью и богатством⁴¹. Это были большие каменные ящики, перекрытые плитами и часто заваленные сверху камнями. Одна гробница была сооружена из сырцовых кирпичей, как и в некрополях* других городов Боспора. Возле

* Некрополь — античное кладбище (букв.: «город мертвых»).

гробниц, в неглубоких ямах, находилось несколько костяков (1—8) коней со збруей. Человеческие останки помещались в богатых деревянных саркофагах явно эллинского производства и лежали, по греческому обычаю, головой на восток. Их сопровождал богатый и разнообразный инвентарь, большая часть которого была изготовлена, несомненно, в греческих мастерских: золотые серьги, перстни, кольца, гривны, ожерелья; бронзовые, серебряные и керамические сосуды (ойнохон, гидрии, фиалы, амфоры, черпаки, сита); предметы туалета (зеркала, лекифы, алабастры, флаконы) и даже бронзовый канделябр. Особую группу находок составляют сотни золотых штампованных бляшек с различными изображениями головы Геракла, оленя, петуха, птиц и т. д. Этими бляшками расшивались одежды и погребальные покрывала умерших. Многочисленно бронзовое и железное оружие: скифские мечи и кинжалы, наконечники стрел и копий, наветничатые наборные панцири, цельнометаллические доспехи греческого производства — шлемы и кнемиды (поножи). Использование при захоронении такого количества вещей, в том числе оружия и конской сбруи, а также коней, совершенно не свойственно эллинскому погребальному обряду V в. до н. э., но полностью соответствует скифским обычаям. Геродот, красочно описавший процесс захоронения скифского царя, отметил, что в могилу помещены кони, убитые слуги (в том числе наложница, вестник, виночерпий, повар, конюх), золотые чаши, конии и «начатки всего остального». Не может быть сомнения в принадлежности погребений, найденных в районе Нимфея, скифским аристократам.

Обилие дорогих импортных предметов в захоронениях свидетельствует о том, что скифская знать имела возможность приобретать их или даже получала в дар. Однако «механической» передачи ценностей дело явно не ограничивалось. Скифский погребальный обряд под воздействием греческой культуры несколько видоизменился, что нашло отражение в использовании саркофагов, восточной ориентировке погребенных и некоторых других деталях погребальных комплексов. В то время, когда скифы ревностно хранили обычаи предков, а за пристрастие к эллинскому образу жизни и поклонение чужим богам, по со-

общению Геродота, карали смертью даже своих царей, подобный синкретизм культур должен был иметь самые серьезные причины и основания. Очевидно, Спартокиды и скифская знать не просто испытывали симпатии друг к другу, а были кровно заинтересованы в поддержании мирных отношений. Таким образом, стремление к стабильным связям было взаимным. Но поговорим об этом чуть позже.

На территории Беспора обнаружены и другие богатые скифские захоронения, в которых эллинское влияние выражено не столь ярко или не отражено вообще. Одно из них, к сожалению, разграбленное, находилось под восьмиметровым курганом на южной оконечности Ак-Бурунского мыса Керченской бухты и сопровождалось двумя могилами коней с прекрасной сбруей, оформленной в зверином стиле. У разрушенного каменного ящика кургана № 1 неподалеку от с. Ильичево (Ленинский р-н) обнаружены золотые обкладки колчана, гривна, большой ворворковидный предмет. Оба погребения принадлежали скифским воинам весьма высокого ранга⁴².

Захоронение представителя низшего слоя скифской дружинной знати, исследованное у с. Семеновка (Ленинский р-н)⁴³, совершено в катакомбе, погребальном сооружении в виде вертикальной входной ямы — шахты, в стенке которой у дна выкопана камера для умершего. Катакомбы в Крыму очень редки в отличие от других районов Причерноморья, и появились они тут позже. Это обстоятельство, а также характерный набор инвентаря (деревянная чашка с металлическими накладками, набор оружия и принадлежности конской узды) позволяют предполагать, что погребенный воин до своего появления в Крыму жил где-то в степном Приднепровье или на Херсонщине.

Найдены погребения и рядовых скифов — в каменных ящиках и ямах (Аджимушкой, курган 4; Ильичево, курган 4 и др.). Ряд их буквально копирует скифские погребения западного и северного Крыма, степного Причерноморья, но в некоторых проявляется местное своеобразие. В первую очередь это относится к бескурганым могильникам у сел Фронтное, Золотое, Рыбное⁴⁴. Они интересны прежде всего отсутствием над погребениями курганной насыпи. Могильные ямы и каменные ящики в момент

совершения захоронения, очевидно, отмечались небольшим грунтовым холмиком, либо скоплением камней, которые к моменту раскопок были уже почти не видны. Использование подобных бескурганых (грунтовых) захоронений в условиях степного или лесостепного ландшафта, как правило, связано с оседлым образом жизни населения, которому они принадлежат. В условиях же кочевания для нахождения места захоронения был необходим надежный ориентир, каковым и являлась курганная насыпь, видимая в степи на значительном расстоянии.

Следовательно, использование скифами почти неизвестных ранее грунтовых погребений свидетельствует о переходе части их к оседлому или полuosедлому образу жизни. Косвенно об оседлости населения говорит и факт появления разновременных захоронений, при которых одно погребальное сооружение — яма или каменный ящик — использовалось неоднократно в течение нескольких лет или десятилетий. При подзахоронении кости ранее умерших сдвигались к стенке могилы, а иногда помещались прямо на тело погребяемого. Скорее всего, в одной могиле хоронили членов одной семьи.

Чем же был вызван переход к оседлости части скифского населения Крыма? О неслучайности данного явления, существовании скифов-пахарей свидетельствуют и сообщения Геродота. В Крыму процесс оседания был во многом определен взаимной скифо-аборигенной ассимиляцией.

Изучение особенностей погребального обряда грунтовых могильников Фронтное, Золотое и Рыбное позволяет выделить среди преобладающих скифских элементов (западная ориентировка погребенных, скифское оружие и почти весь набор инвентаря) и местные, очевидно кизил-кобинские черты. К их числу относятся сооружение вокруг каменных ящиков кольцевых оградок из поставленных на ребро плит, посыпание умерших красной краской, их скорченность. Два последних признака встречаются и в скифских погребениях, но значительно реже и преимущественно в более ранних комплексах.

Очевидно, могильники типа Фронтное и Золотое оставлены в основе своей смешанным населением. То обстоятельство, что местное нескифское население было оседлым, занимаясь земле-

делом, рыболовством и животноводством, ускорило переход к оседлости и части скифов. Данные этнографии по современным кочевым и полукочевым народам позволяют предложить, что этот процесс затронул разные слои скифского общества не в равной мере. В первую очередь прекратили кочевание беднейшие социальные группы, владевшие минимальным количеством скота, либо вообще его не имевшие. Кочевое скотоводство не могло обеспечить им «прожиточный минимум», оседлое земледелие являлось для них более надежным источником существования. Требуя значительно большего количества рабочих рук, земледелие поглощало избыток скотоводческого населения, превращая его в оседлое. При этом получали развитие некоторые ремесла, в частности гончарство, железообработка, ткачество и др.

Ну а каково же было участие в процессе перехода к оседлости основной массы скифов? В V в. до н. э. знать и большая часть рядовых скифов продолжали вести подвижный образ жизни, перемещаясь со стадами по Крыму и выходя за его пределы через Перекопский перешеек. Многотысячные стада скота и табуны лошадей составляли основу экономического могущества зажиточных скифов. История кочевых в недавнем прошлом народов Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири свидетельствует о том, что не было «чисто кочевых» обществ, способных существовать изолированно и при этом не деградировать. Все они поддерживали связи с оседлыми земледельцами, а затем и сами переходили к частичной оседлости или полuosедлости. При этом именно наиболее зажиточные скотоводы дольше других сохраняли кочевой образ жизни, эксплуатируя беднейших скотоводов и своих оседлых соплеменников. Оседлость части населения, несомненно, была выгодна кочевым скифам, так как могла обеспечить их необходимыми продуктами сельского хозяйства, а в какой-то мере — и ремесленного производства.

Кочевники составляли основу скифского войска, что обеспечивало военное превосходство скифов над соседями.

Главной ударной силой войска являлась тяжелая конница, формировавшаяся из аристократии, знатных и зажиточных скифов. Каждый всадник имел защитное вооружение: шлем, пан-

царь, боевой пояс, нередко и удлиненный доспех, прикрывавший бедра и голени, а также кнемиды (поножи). Вся эта паноплия* могла быть наборной (из металлических чешуек либо полосок) или цельнометаллической, обычно импортной. Импортные греческие доспехи использовались представителями высшей знати. Каждый всадник, кроме этого, имел по одному-два копья или дротика, лук со стрелами (помещались они в специальном футляре горите), железный обоюдоострый меч — акинак, кинжал. Конь защищался металлическими налобниками и нащечниками, оформленными в зверином стиле. Оружие аристократов, сбруя их коней плакировались золотой фольгой. Естественно, обеспечить себя полным набором оружия и доспехами мог только достаточно богатый кочевник.

Основная масса рядовых скифов формировала легкие кавалерийские отряды. Нередко воины использовали доспехи, изготовленные из кожи и войлока, а их небольшие щиты были деревянными, обтянутыми кожей. Вооружение скифа-гиппотоксота** дополняли меч, копье и лук со стрелами.

Скифское конное войско, состоящее из профессиональных воинов, подвижное и хорошо вооруженное, было значительной силой. Эллины, конечно, имели представление о его мощи: изгнавшие Дария скифы стояли на пороге Фракии, в двух шагах от Македонии и материковой Греции, а легенды о храбрости скифов знали, наверное, все народы Южной Европы и Передней Азии. Не считаться со скифами грекам-боспорянам было нельзя, привлечь же их на свою сторону — совершенно необходимо.

Во-первых, боспорские цари получали в свои руки «скифский меч», с помощью которого можно было расширить пределы государства прежде всего на востоке, покорив местные синдомитские племена (по Геродоту, в V в. до н. э. скифы совершали набеги именно на Тамань, переправляясь через Керченский пролив). Во-вторых, таким путем обеспечивалась безопасность греческих городов и многочисленных неукрепленных сельских поселений в глубине боспорской территории. В-третьих, устанавли-

* Паноплия — комплект защитных вооружений.

** Гиппотоксот — конный стрелок из лука (греч.).

вавшийся при этом прочные торговые связи позволяли грекам получать большое количество необходимого им сырья и продуктов скотоводства — кожи, шерсть, коней и т. д. — в обмен на произведенные в боспорских эргастериях (мастерских) и привезенные из других городов товары.

Боспоряне пытались привлечь на свою сторону скифов путем посылки их «царям» и вождям богатых подарков. Подобные регулярные дары по существу были своеобразной данью, платой скифам за их нейтралитет или союзничество. Кстати, упоминания о скифо-эллинских военных конфликтах в письменных источниках V в. до н. э. нет.

Скифские вожди, отцы и деды которых еще помнили роскошь дворцов восточных владык, хранившие захваченные в период переднеазиатских походов богатые трофеи, жаждали получать от эллинов в качестве подарков прежде всего высокохудожественные вещи, которые скифы изготавливать не умели: красивую металлическую и керамическую посуду, предметы роскоши из драгоценных металлов, цельнометаллические доспехи и оправленное в золото оружие. Судя по находкам греческих амфор, бронзовых черпаков и ситечек, большим спросом у знати пользовалось и греческое виноградное вино. Очевидно, именно подобные дары и составляли большую часть погребального инвентаря захоронений скифской аристократии возле Нимфея.

Не исключено, что высшая скифская знать — «цари» и вожди — имела свои резиденции в боспорской столице, брала в жены представительниц знатных греческих родов. Во всяком случае, царь приднепровских скифов Скил имел собственный дворец в городе Ольвии (современное с. Парутино на Днепровско-Бугском лимане) и жену-гречанку. Практика заключения династических браков с определенными политическими целями была широко распространена у древних народов, в том числе у греков и скифов. Присутствие в греческих городах Крыма некоторого количества варварского населения представляется несомненным. Видимо, это были переводчики, торговые посредники, отдельные аристократы, представители скифских царей и сопровождающих их слуги.

Проживавшие в греческих городах и там же умершие вар-

вары погребались на городских кладбищах. В этом отношении заслуживает внимания обнаруженная в некрополе Пантикапея надгробная плита V в. до н. э. со следующей стихотворной надписью: «Под этим памятником лежит муж, для многих желанный, родом тавр. Имя же его Тихон»⁴⁵. Никаких других подтверждений связей боспорян с горцами-таврами, которые не ладили даже со своими ближайшими соседями — греками из Херсонеса, у нас нет. Вероятно, эллины в VII—V вв. до н. э. называли таврами всех оседлых и отличающихся от скифов обитателей Таврического Херсонеса (Крыма), подобно тому, как скифами именовались многие явно не скифские племена, жившие в Скифии к северу от Понта.

Итак, процесс этнического и культурного слияния скифской и аборигенной культур, начавшийся в VII в. до н. э. и более выраженный в предгорных районах, в V в. до н. э. продолжал энергично развиваться, охватив и степную зону полуострова. Некоторая часть скифов перешла к оседлому образу жизни. Конечно скифы, подлинные хозяева крымских степей, поддерживали с греческими переселенцами мирные отношения.

«ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ И СКИФСКИЙ...» (IV в. до н. э.)

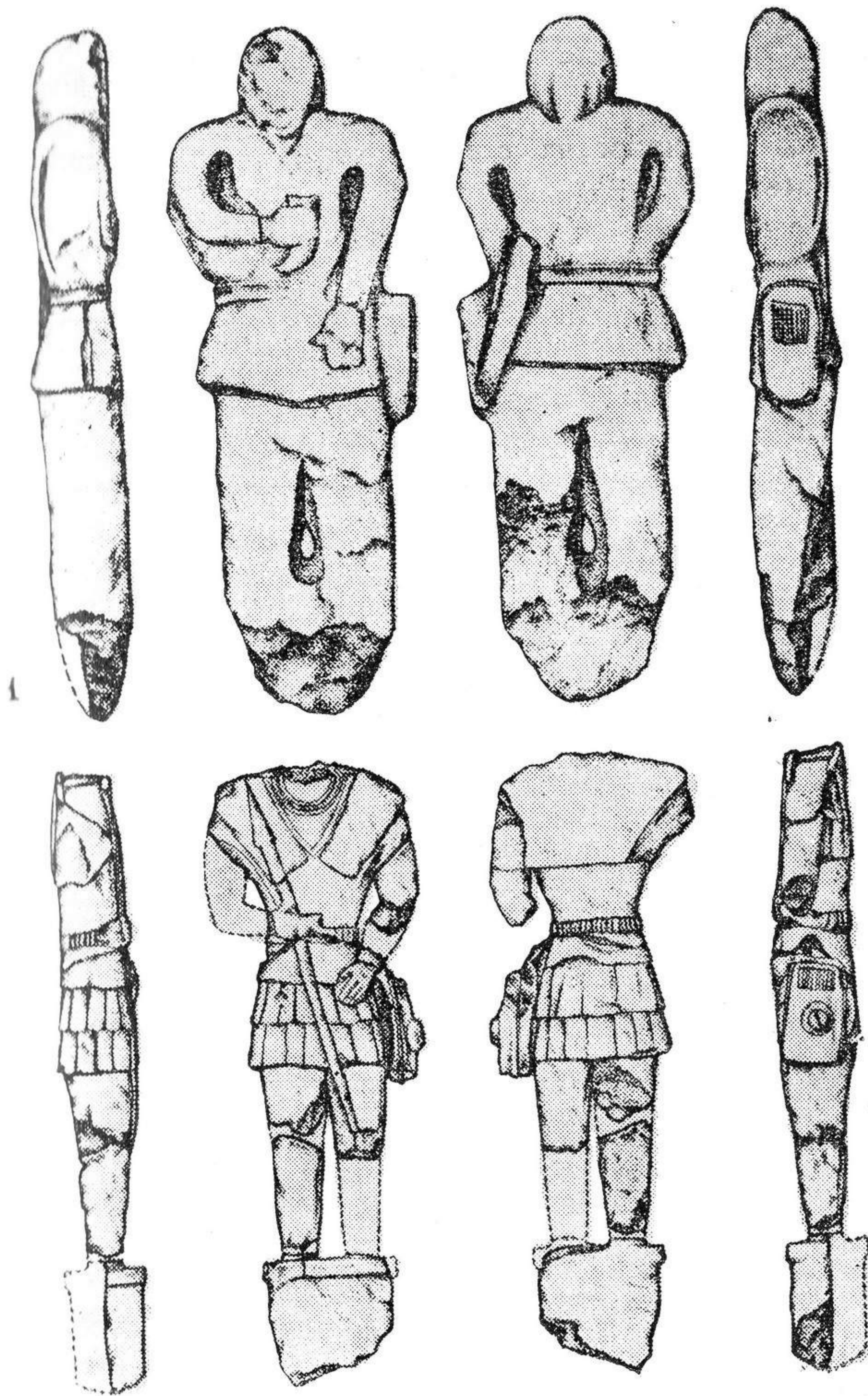
В IV в. до н. э. в истории народонаселения степного Причерноморья и Крыма произошло событие, которое специалисты в полном основании могут именовать «демографическим взрывом». В течение нескольких десятилетий население, судя по количеству погребений, резко возросло: в степях севернее Перекопа — не менее чем в десять раз, в степях Крыма — приблизительно в пять—шесть раз. Возможно, причины этого не только в благоприятных природных условиях, но и в особенностях социально-экономического развития скифских племен.

Основным источником изучения скифской культуры Крыма IV в. до н. э., как и в предшествующий период, являются многочисленные погребения, неравномерно распределенные по территории полуострова. В северном Крыму и Присивашье их отно-

сительно немного. Но именно здесь, у сел Филатовка, Чкалово, Бережное, Кураевка, Черноземное, найдены скифские захоронения в катакомбах, ничем не отличающиеся от одновременных погребений Поднепровья, Побужья, Поингулья. Одна из могил (у с. Чкалово) сопровождалась конским захоронением в отдельной яме, что также характерно для более северных степных районов. Тем самым подтверждается активная роль Перекопа и Присивашья как своеобразного моста, связывающего Крым со степями Херсонщины.

Заметно увеличивается численность скифского населения в западном Крыму. Грунтовые погребения здесь пока не обнаружены, курганы же группируются в довольно большие могильники. Наибольшее их число исследовано на территории Сакского района — у сел Колоски, Приветное, Суворовское, Крыловка, а также в Первомайском, Раздольненском и других районах. Особенности геологического строения этой части Крыма, выходы камня прямо на поверхность отразились и в погребальном обряде скифов. Камень широко использовался при создании погребальных и надгробных сооружений. Среди погребений наряду с ямами популярностью пользовались каменные ящики из установленных вертикально плит либо небольших плоских камней. Перекрывались ящики одной или несколькими каменными плитами.

С IV в. до н. э. скифы западного Крыма начинают сооружать и каменные склепы, которые, в отличие от ящиков, имели в одной из стенок специальное отверстие — вход, прикрытый закладной плитой. Дно склепов обычно выстилалось хорошо подогнанными каменными плитами неправильной формы. Появление склепов, очевидно, было связано с распространением практики одновременных захоронений, так как наличие входа облегчало подзахоронение. Каменные ящики и склепы нередко обкладывались снаружи дикарными камнями, а затем перекрывались грунтовой насыпью. Изредка камнем облицовывалась вся поверхность насыпи, а по ее периметру выкапывался кольцевой ровик глубиной до метра. Подобное оформление кургана, помимо чисто практической функции — предохранения насыпи от оползания, — несло и несомненную религиозно-мифологическую нагрузку, связанную с древней символикой кургана. Кольцевая крепида или

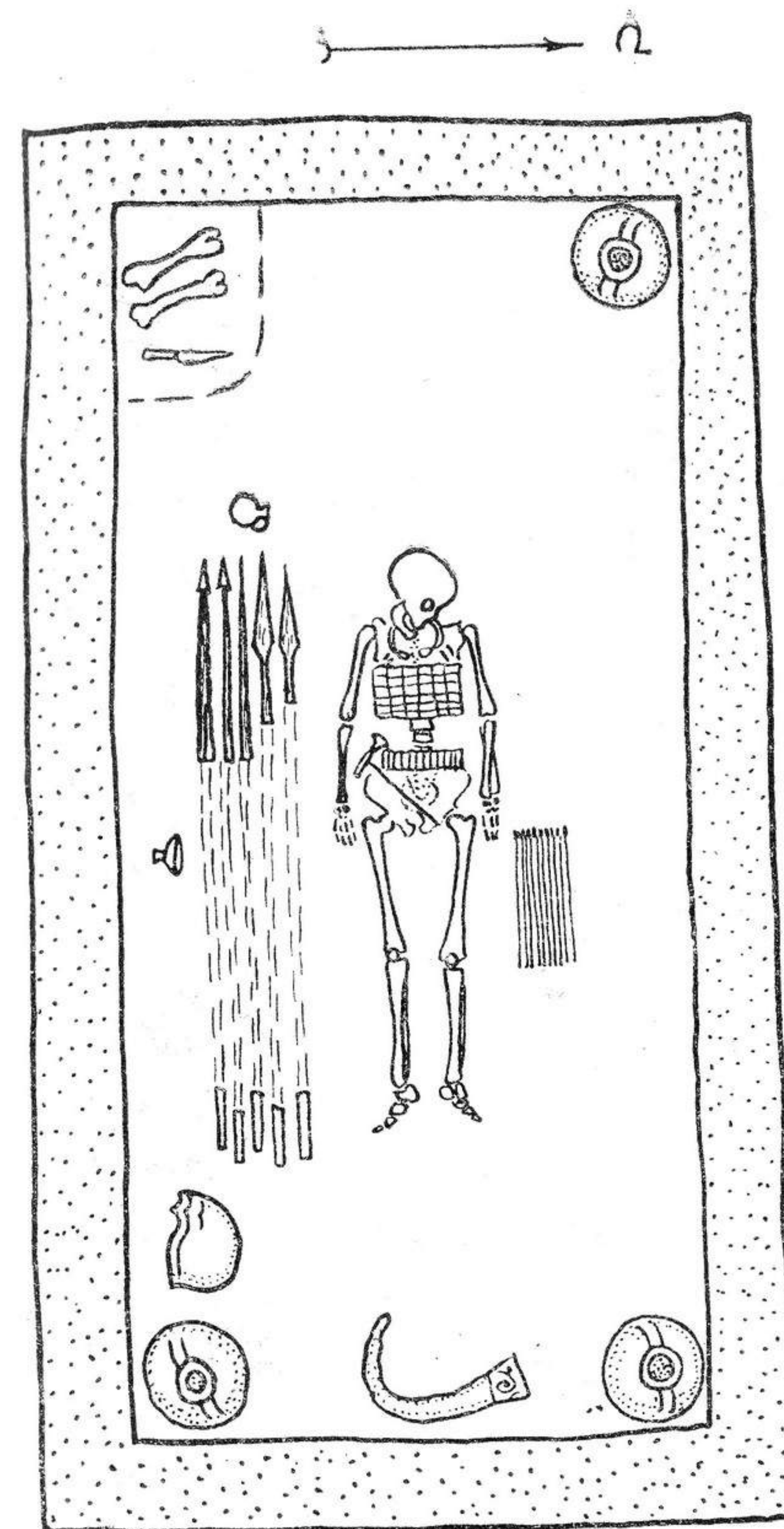
2
Скифские изваяния V—IV вв. до н. э.:
1 — из кургана 1 у с. Колоски;
2 — из кургана 2 у с. Приветное.

ровик разделяли мир мертвых и живых. В ходе похорон и в течение какого-то времени после совершались поминальные обряды, в частности заупокойная трапеза. Следы ее — кости животных и фрагменты керамических сосудов нередко обнаруживаются при снятии насыпей.

При сооружении курганных комплексов в западном Крыму весьма распространенным обычаем была установка на вершине насыпи каменного антропоморфного изваяния. Их здесь найдено не менее 20 — подавляющее большинство известных в Крыму изваяний V—IV в. до н. э. Антропоморфы воспроизводят стоящую мужскую фигуру, одна рука которой опущена, а вторая прижата к груди или животу. В ней иногда помещен ритон — сосуд из бычьего рога, который считался у скифов ритуальным предметом, возможно, символом богатства, знатности, плодородия. Кроме него, на изваяниях нередко воспроизводилась одежда (кафтан, пояс), оружие (меч, лук в горите), бытовые предметы и украшения (гривна, оселок и др.). Изваяния скорее всего воплощали образ героизированного предка-родоначальника, который отождествлялся с изображением конкретного умершего человека⁴⁶. Изваяния либо вкапывались на вершине кургана, либо устанавливались нижней частью в отверстие массивной горизонтальной плиты-базы. Антропоморфы демонстрируют различный уровень мастерства их ваятелей. Большая их часть изготовлена, несомненно, скифами. Некоторые же экземпляры выполнены столь «профессионально», что не оставляют сомнения в принадлежности их резцу греческого мастера.

Закономерности развития скифской погребальной обрядности, отмеченные на материалах западного Крыма, проявляются и при рассмотрении предгорных памятников. Здесь господствуют захоронения в каменных ящиках, реже встречаются погребения в ямах и каменных склепах, крайне редки катакомбы и деревянные гробницы.

Одно из хорошо сохранившихся погребений исследовано Н. И. Веселовским в 1891 г. у с. Грушевое в кургане № 1, который известен в литературе под названием «Талаевский»⁴⁷. В большой — 3,9×7,8×2,1 м — яме был сооружен каменный ящик, заваленный камнями. В центре ящика, головой на запад,

Погребение Талаевского кургана (IV в. до н. э.).

лежал мужской скелет в железном пластинчатом панцире и боевом поясе с подвешенным к нему боевым топориком. Деревянную рукоять топорика обвивала золотая лента. Рядом с погребенным лежал целый набор оружия: два копьа, три дротика, стрелы, бронзовый греческий шлем. В углах могилы стояли амфоры, лежала каменная плитка с костями быка (остатки жертвенной

Скифские воины IV в. до н. э. (реконструкция по материалам Талаевского кургана).

пищи) и железным ножом. Помимо двух импортных керамических сосудов и оправленного в золото точильного камня — оселка, в погребении находился большой ритон из рога оленя, устье которого было оковано орнаментированной серебряной пластинкой. Хотя предметов из золота в погребении найдено немного (гривна,

перстень, кольцо), сочетание трех престижных предметов — ритона, гривны и топорика — свидетельствуют о довольно высоком социальном ранге погребенного воина.

Одно из наиболее богатых предгорных погребений IV в. до н. э. находилось в кургане первой группы Дорт-оба у с. Мирное⁴⁸. Там под пятиметровой облицованной камнем насыпью в деревянной гробнице был погребен воин с богатым набором оружия. Одежду его украшало более 500 золотых нашивных бляшек. Здесь же находился ритуальный деревянный сосуд, украшенный золотыми накладками, и пять амфор из-под вина. Интересна и следующая деталь. Геродот, описывая захоронение скифского царя, упоминает о воткнутых в дно могилы «по обеим сторонам трупа» копьях. Несколько воткнутых в грунтовое дно наконечников копий было найдено и в описанном погребении, а также в ряде других захоронений степного Причерноморья. Погребенный в дорт-обинском кургане воин, очевидно, являлся не царем, а наемным вождем.

Особенно заметно увеличилась численность скифского населения в IV в. до н. э. на Керченском полуострове, где исследовано более половины известных в Крыму скифских погребений этого времени. Обычно они группируются в могильники, насчитывающие от 5—10 до 50 погребений. Продолжают существовать появившиеся ранее бескурганые могильники Золотое, Рыбное, Фронтное, причем в последнем фиксируются уже и редкие катакомбы-подбой.

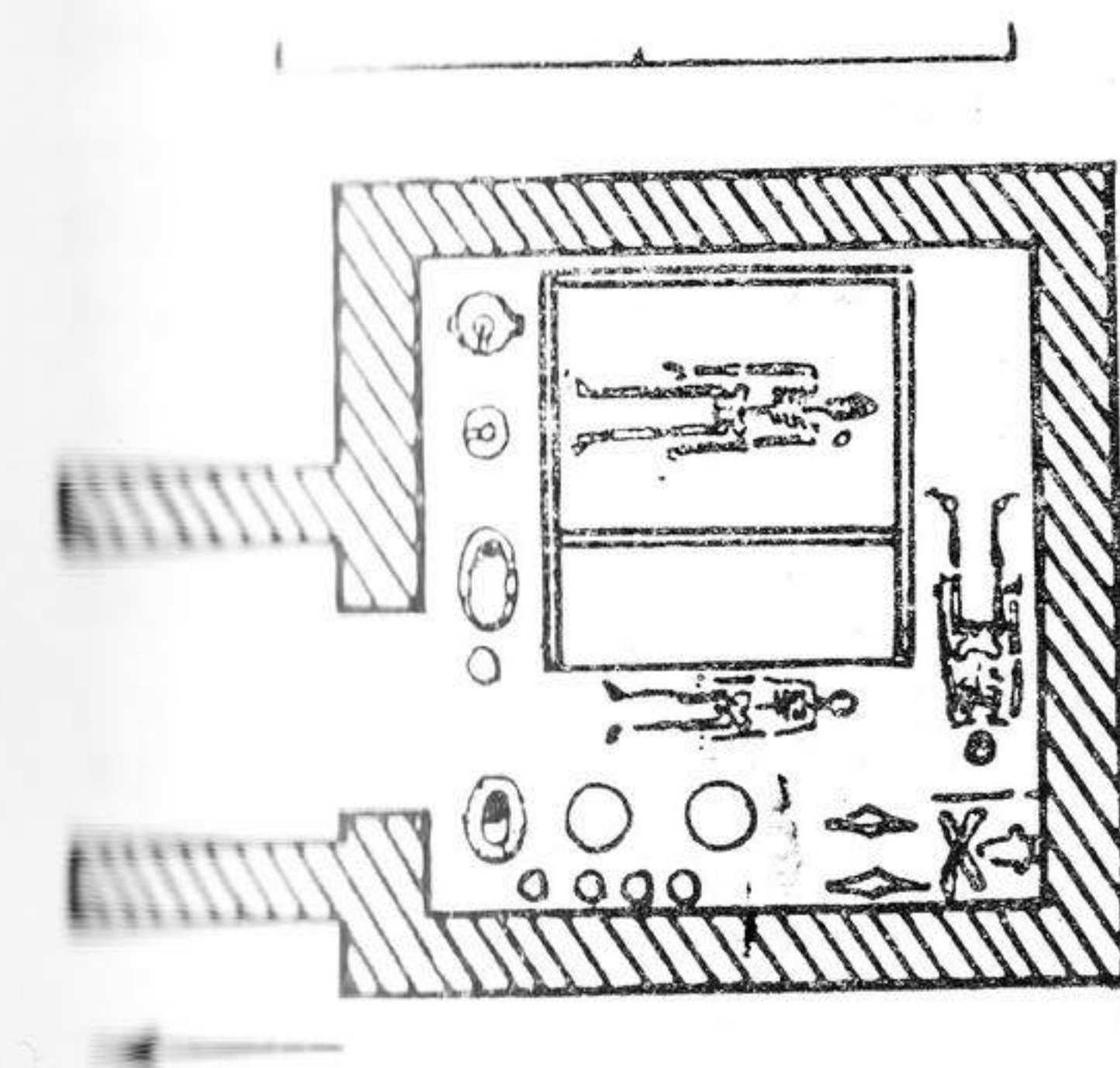
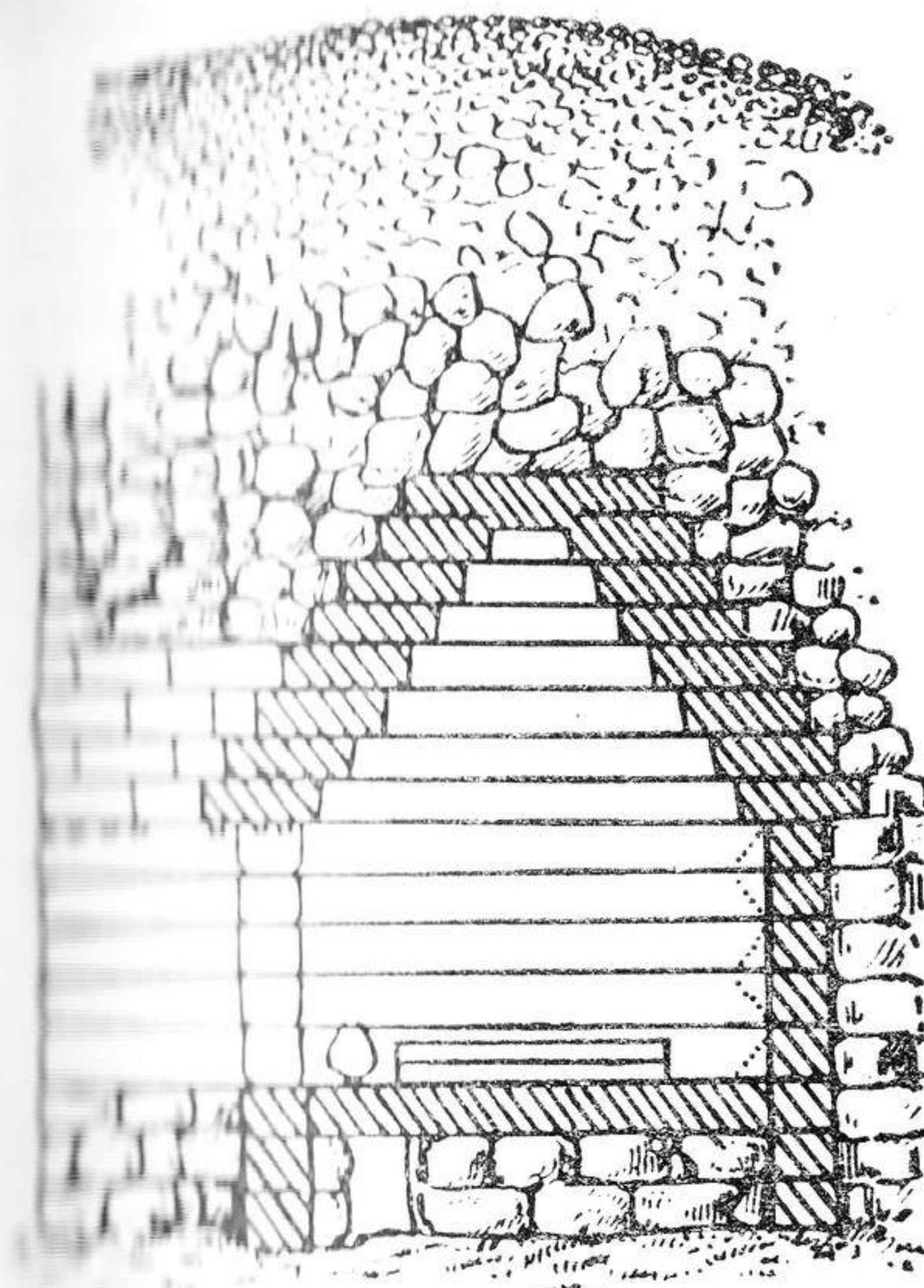
Территорию, заключенную между Киммерикским (Аккосовым) валом и рвом «потомков слепых» на Акмонае, населяли не только потомки ассимилированных скифами аборигенов, но и более этнически «чистые» скифы. Им принадлежали интересные курганные группы, исследованные у сел Ленипо, Ильичево, Астанино, Гранное Поле, Зеленый Яр, Кирово⁴⁹. Большая часть захоронений, совершенных в каменных ящиках и склепах, а также в ямах с каменными перекрытиями, социально однородна. Среди них нет очень богатых, но и очень бедные почти отсутствуют. Широкое распространение обычая бескурганых, а также разно-временных захоронений в каменных склепах, ящиках и даже в ямах свидетельствует об оседлости или по крайней мере о

полуоседлости населения. К сожалению, скифские поселения этого времени в Крыму пока археологически не исследовались, наличие же их на Керченском полуострове и в предгорьях вполне вероятно.

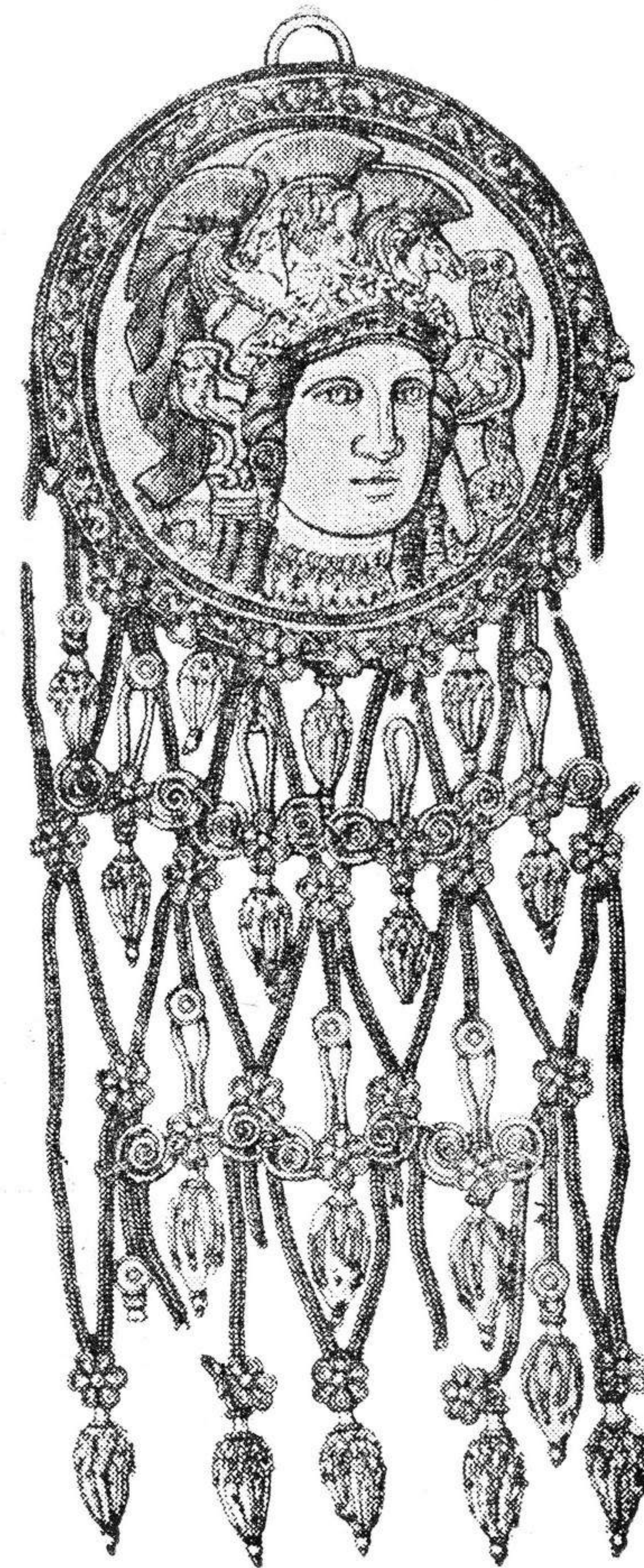
Захоронения богатых и знатных скифов, датируемые IV в. до н. э., находились восточнее Киммерикского (Аккосова) вала. Почти все они расположены на расстоянии не более 20 км от Пантикапея, столицы Боспора, а некоторые даже входили в состав его курганного некрополя на хребте Юз-оба («сто холмов»). Найденные в них шедевры греческого ювелирного искусства легли в основу коллекции Золотой кладовой Государственного Эрмитажа и приобрели широкую известность. Опишем некоторые наиболее интересные погребальные комплексы⁵⁰.

Гробница в кургане Куль-оба («холм пепла») была обнаружена случайно в 1830 г., но, к счастью, исследовалась специалистами-археологами, а не «любителями древностей». Прежде всего интересна сама гробница, построенная из тесаного камня. Она почти квадратная в плане — 4,6 × 4,2 м — со входом в северной стенке. Высота сужающегося уступами свода — 5,3 м. Характер архитектуры и кладки не оставляет сомнения в том, что строили склеп греки. Вместе с тем, устроенный в склепе своеобразный деревянный потолок, напоминающий деревянный шатер и доходящий до свода склепа, украшенный пологом с золотыми бляшками, ничего общего с греческим погребальным ритуалом не имеет. У восточной стенки склепа на роскошном деревянном ложе покоился знатный скиф, возможно, царь. О том, что умерший был именно скифом, свидетельствует набор сопровождающего инвентаря и другие черты ритуала. Так, на голову погребенного был надет традиционный скифский головной убор, остроконечная войлочная шапка-башлык с нашитыми на нее золотыми бляшками. Драгоценная диадема дополняла убор. На шее погребенного находилась золотая гривна весом 461 г, на каждой руке — от одного до трех золотых браслетов с фигурными окончаниями.

В специальном отделении ложа помещались оружие и ритуальные предметы: железный акинак с обложенной золотом рукоятью, нагайка, горит (футляр для лука), покрытый золотой

Погребение в кургане Куль-оба, план и разрез.

Золотая подвеска из кургана Куль-оба.

нагетной с изображениями животных, оселок в золотой оправе, золотая чаша — фиала.

Слева от ложа, в саркофаге из кипарисового дерева и слоновой кости, была погребена женщина (жена или наложница?) в расшитых золотыми бляшками одеждах. Ее погребальный убор был очень богат: электрическая* диадема с крупными золотыми подвесками, ажурные серьги, гривна, ожерелье, два браслета (все из золота). Рядом лежало бронзовое зеркало с обложенной золотой фольгой ручкой, а между голенами стоял электрический шаровидный кубок с изображением эпизодов скифского эпоса, как считают некоторые исследователи.

У южной стенки склепа лежали останки возницы-оруженосца, рядом с которыми в особом углублении находились кости коня, два наконечника копий, бронзовые поножи и шлем. Вдоль стенок склепа стояли металлические сосуды — бронзовые котлы с костями барашка, два серебряных позолоченных таза с набором ритуальной посуды, а также амфоры, в которых сохранился осадок от испарившегося вина. По всему склепу были разбросаны бронзовые наконечники стрел, а под полом находился тайник, сразу не замеченный исследователями и разграбленный «золотоискателями» из числа местных жителей. Среди находившихся в нем предметов особенно интересна выкупленная у грабителей большая золотая бляха в виде лежащего оленя.

Несмотря на то, что сам склеп и большинство предметов погребального инвентаря изготовлены эллинами, нет сомнения в скифском происхождении погребенных. Как уже упоминалось, умерщвление слуг и наложниц, помещение в могилу большого количества оружия, посуды, жертвенной пищи — характерные черты богатых скифских погребений степного Причерноморья.

Каменные склепы с уступчатым перекрытием, содержавшие богатые варварские захоронения, были найдены также в курганах Пантиниотти, Кекуватского, Старшем Трехбратнем.

Старший Трехбратний курган высотой около девяти метров находился в километре к югу от греческого Ортельского поселения у с. Огоньки⁵¹. Один из двух устроенных под его насыпью склепов уцелел от разграбления. В нем найдены останки женщины и девочки-подростка, помещенные на каменной лежанке го-

* Э л е к т р (электрон) — сплав золота и серебра.

ловой на посток. Над лежанкой был натянут полог, расшитый бронзовыми позолоченными веточками лавра. Женский скелет принадлежал знатной особе, о чем свидетельствуют драгоценный головной убор, золотые серьги, бусы, браслеты и перстни, расшитая золотыми бляшками обувь и погребальное покрывало. Рядом с останками девочки, по-видимому, служанки, находился лишь глиняный кувшин — ойнохоя. В большом ларце и рядом с ним лежало «имущество» погребенных: многочисленные сосуды, в том числе для косметических веществ, два позолоченных зеркала, талисманы, предметы туалета, амфора с бронзовым черепком, деревянное блюдо с коровьими костями и железным пономом. Лежавшая у левой ступни погребенной бронзовая пантикапейская монета — чисто греческая черта погребального ритуала. Монету эллины вкладывали в рот или руку умершего либо оставляли возле него в качестве «платы» Харону — перевозчику душ умерших в «царстве теней». Монета («обол Харона») в данном погребении может свидетельствовать как о сильной эллинизации погребенной скифянки, так и о том, что погребенная была гречанкой, выданной замуж за скифского аристократа. У основания курганной насыпи был установлен выполненный греческим резчиком надгробный рельеф с изображением богини в поноже и мужчины-всадника. У входа же в склеп лежал скелет коня. Таким образом, отдельные черты греческого погребального ритуала вошли в традиционные скифские похороны.

Отметим еще одно немаловажное обстоятельство: различия между погребальными обрядами скифов и автохтонов, обитателей предгорий и степей, хорошо заметные в VII—V вв. до н. э., стираются в IV в. до н. э. Почти выходит из употребления и эллинизированная керамика с резным орнаментом.

Итак, судя по археологическим материалам, первые три четверти IV в. до н. э. были периодом расцвета культуры населявших Крым скифских племен. Скифское и ассимилированное скифами аборигенное население в количественном отношении значительно выросло. Употребляемое Страбоном наименование полуострова — «Херсонес Таврический и Скифский»⁵² — вполне применимо и к Крыму IV в. до н. э. По сообщению Псевдо-Скилака,

«на Меотийском озере прямо при входе в него по левую руку живут скифы»⁵³. Это подтверждение того, что в IV в. до н. э. скифы обитали и в самом «сердце» боспорской территории, в восточной части Керченского полуострова. Находки оружия в погребениях говорят о том, что они были политически независимыми от Боспора и в основной своей массе свободными. Однако и эллинское население продолжало оставаться значительным. Более того, в IV в. до н. э. оно существенно выросло, и не только за счет иммигрантов из Греции, но и путем естественного прироста. Это свидетельствует о благоприятных тенденциях в развитии античной экономики.

Чем же занимались эллины в Крыму? В городах Боспора, а также на юго-западе и северо-западе (Керкинитиды, Прекрасная Гавань) интенсивно развивались ремесла, связанные с удовлетворением запросов не только греческого, но и части варварского населения. Продукция бронзолитейных, ювелирных, керамических, деревообрабатывающих и косторезных мастерских, отличающаяся высоким художественным уровнем, пользовалась большим спросом у скифов Крыма. Дорогие изделия, конечно, попадали в руки скифской знати: ювелирная продукция и оружие, чернолаковая и металлическая посуда, поделки из кости и дерева (шкатулки, саркофаги), ткани. Греческие мастера-каменотесы сооружали усыпальницы скифским царям или вождям, находившимся в особо дружественных отношениях с правителями Боспора. Рядовые скифы, наряду с вещами собственного изготовления, пользовались и недорогими импортными изделиями, в основном украшениями и гончарной керамикой. Привозное и местное греческое вино, меньше оливковое масло, судя по обилию амфорной тары в погребениях, потреблялось и скифской знатью, и рядовым населением.

Другой очень важной отраслью хозяйства эллинов было сельскохозяйственное производство. В IV в. до н. э. и позднее целая сеть неукрепленных усадеб существовала на Керченском полуострове и в окрестностях Херсонеса. Усадьбы тянулись прерывистой цепочкой по побережью Тарханкута от Керкинитиды до Прекрасной Гавани⁵⁴. Поселенцы культивировали в основном пшеницу, ячмень и виноград. Виноград использовался для приготовления

вина, верно поступало на внутренний рынок и в большом количестве шло на экспорт, в первую очередь в Афины. В середине IV в. до н. э. Спартокиды только из Пантикапея отправляли в Афины ежегодно не менее миллиона пудов пшеницы, не считая других портов Боспора. Вполне вероятно, что часть зерна боспоряне путем обмена получали у местного оседлого варварского населения, с согласия скифских «царей» Крыма. Последние могли быть и посредниками в хлебной торговле, передавая эллинам хлеб, полученный в виде дани или своеобразной платы за землю и гарантию безопасности (прямые указания на это есть в более поздних источниках).

Боспорские прядильно-ткацкие и кожевенные мастерские производили сырье, которое в большом количестве могли поставлять им кочевники-скифы, при посредничестве своих вождей. Кочевники, вероятно, доставляли эллинам скот и рабов — захваченных и лишенных свободы противников.

На вывозимый из Крыма в большом количестве хлеб, а также рыбу (Меотида давала ее в избытке), кожи, рабов боспоряне получали много первоклассных аттических товаров и драгоценных металлов, что позволяло им чеканить собственную монету. Часть этих товаров, а также столь ценное скифами золото в виде ювелирных изделий попадало в руки скифской аристократии в виде платы за зерно, продукты скотоводства и рабов. Слияние торговых-экономических интересов скифской и боспорской знати гарантировало стабильные, преимущественно дружеские отношения между греками и варварами.

Скифская военная мощь заставляла правителей искать благодетельности варварских царей, выплачивая им регулярную дань в виде так называемых даров. Об этом свидетельствуют более поздние авторы — Страбон и Лукиан. Без помощи скифов боспоряне вряд ли смогли бы покорить и удерживать в повиновении многочисленные варварские племена Тамани, Прикубанья и Приазовья. Да и не только с варварами воевали владыки Боспора.

Сатир I, второй царь из династии Спартокидов, стремясь расширить владения Боспора на западе, осадил эллинский город Феополис, но взять его не смог. Это удалось сделать его сыну Левкону I (389/88 — 349/48 гг. до н. э.), который, помимо наемных

греческих гоплитов (тяжеловооруженных пехотинцев), располагал союзной скифской конницей. Левкон не доверял наемникам и настолько был уверен в своих союзниках — скифах, что расположил их позади, приказав расстреливать боспорскую пехоту из луков в случае ее отступления.

После смерти в 311 г. до н. э. боспорского царя Перисада I между его сыновьями — Евмелом, Сатиром и Пританом — началась междоусобная война. Законный наследник Сатир располагал при этом четырьмя тысячами наемников — греков и фракийцев, а также войском из 20 тыс. пехотинцев и 10 тыс. всадников союзников-скифов. Отметим, что скифская пехота могла формироваться из оседлого варварского населения, а конница — из кочевых скифов. Против Сатира выступил Евмел, располагавший 44-тысячным войском фатеев — варваров, обитавших в Прикубанье. На первом этапе войны Сатир с помощью скифов одерживал победы. Однако после его гибели при осаде крепости где-то в Прикубанье ситуация изменилась. Занявший трон Притан не сумел противостоять Евмелу (возможно, потому, что не поладил со скифами). Поражение Сатира и Притана, однако, не привело к разрыву скифско-боспорских связей. Конфликты между скифами и боспорянами из-за неуплаты Боспором дани, судя по источникам, иногда случались и раньше. Известно, что Перисад, сын погибшего царя Сатира, спасаясь от захватившего власть Евмела, бежал «на коне» к скифскому царю Агару. Ставка Агара находилась западнее Пантикапея. Вероятно, в пределах Керченского полуострова.

Итак, весьма прочные военно-политические и экономические связи Боспора и скифов, иногда нарушаемые конфликтами, определяли ситуацию в Крыму, на Тамани и в Прикубанье в течение всего IV в. до н. э. Боспор, возможно, стремился освободиться от скифской «опеки», но сделать это ему удалось лишь значительно позднее. А у скифов на рубеже IV—III вв. до н. э. появился новый враг — кочевые племена савроматов (сарматов), которые в VI—IV вв. до н. э. обитали в степях Поволжья и южного Приуралья. Они уже упоминались как соседи скифов в период скифско-персидской войны. Постепенно продвигаясь на запад, к концу IV в. до н. э. сарматы достигли «официальной»

границы Скифии по Танаису (Дон) и даже кое-где перешли ее⁵⁵.

Образ жизни, язык, многие черты материальной культуры и погребальной обрядности у сарматов схожи со скифскими, они тоже были кочевниками-скотоводами. Вооружение их состояло из копья, лука со стрелами, длинного железного меча. Знали они и защитные доспехи из металла, кожи и кости. Так что это был противник серьезный.

Движение сарматов, первоначально в виде набегов военных отрядов, постепенно приобретало характер миграции, переселения целого племенного союза. Оно не могло не привести к прямому столкновению со скифами, которым пришлось защищать территорию своих кочевий и зимников. В течение III в. до н. э. сарматы вытеснили скифов из степей между Доном и Днепром. По словам Диодора Сицилийского, сарматы «опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню».

ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И ВОИНЫ (III—II вв. до н. э.)

Потеряв под давлением сарматов обширные степные пространства в Северном Причерноморье, сконцентрировавшись на Нижнем Днестре и в Крыму, скифы постепенно превращались в оседлых земледельцев и скотоводов, живущих в постоянных долговременных поселениях. Коренные изменения в экономике привели к существенным новшествам и в образе жизни, в материальной культуре, в социальных отношениях и религиозных представлениях, во многом повлияли на политическую историю скифов. Все это дает основание выделить последний, поздний ее этап (III в. до н. э. — III в. н. э.), который принципиально отличается от предшествующих.

В Крыму скифы селились в долинах рек, которые брали начало на северных склонах Главной гряды Крымских гор и текли

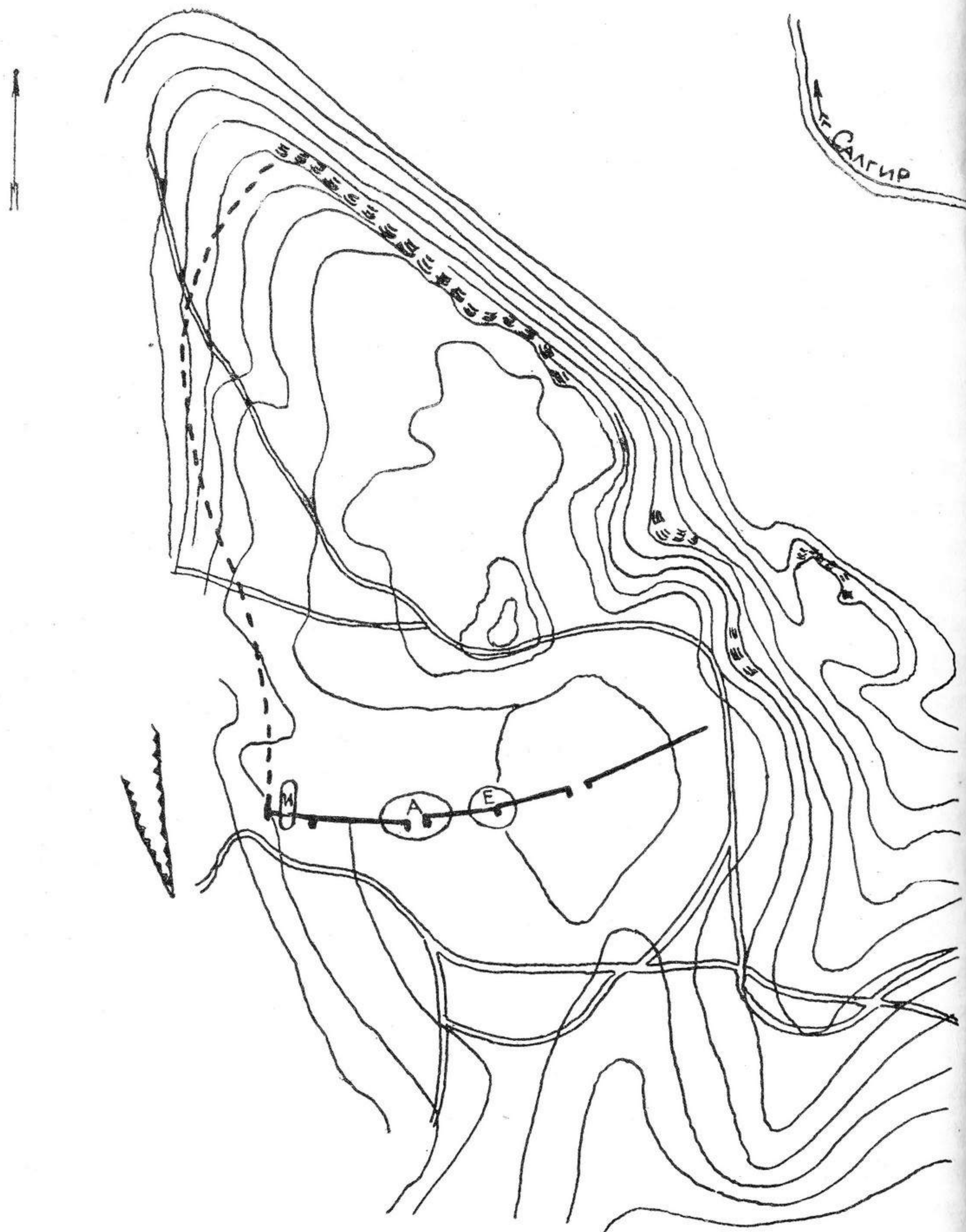
на север, впадая в Черное море или Сиваш. Поселения поздних скифов открыты вдоль течения Бельбека, Качи, Альмы, Западного Булганака, Салгира, Бештерека, Зуи, Биюк- и Кучук-карасу. При этом все они расположены в пределах Внешней и Внутренней гряд. В степи, на Главной гряде и на Южном берегу позднескифских поселений нет. Нетрудно заметить, что район обитания поздних скифов характеризуется двумя важными обстоятельствами — наличием плодородных земель и источников воды. То есть скифы селились там, где существовали благоприятные условия для занятия земледелием. Поэтому неудобная для возделывания сельскохозяйственных культур Главная гряда служила естественной южной границей распространения позднескифских поселений. На востоке возможности для расселения были ограничены Ак-Монайским перешейком, по которому, вероятно, проходила граница Боспорского царства. Западное побережье Крыма к моменту возникновения позднескифских поселений было колонизировано Херсонесом. С севера Крым естественным образом ограничен Перекопским перешейком. Но, как показывают некоторые события политической истории скифов, четкой границей между ними и другими племенами в степи не существовало.

Самое первое поселение на крымской земле скифы, по всей вероятности, основали на окраине современного Симферополя. Позднее на этом месте возник город, будущая столица позднескифского государства. О том, как называлось это поселение в древности, мы поговорим чуть ниже. Пока станем называть его археологическим термином — городище Керменчик. Прежде всего требуется установить время возникновения первого позднескифского поселения. Но для этого следует сделать отступление в область керамической эпиграфики — отрасли науки, которая изучает надписи на изделиях из обожженной глины. Во многих древних городах существовал обычай клеймить сосуды и некоторые другие керамические изделия. Для этого изготавливали специальные штампы, которые отличались в разных центрах. Чаще это были названия городов, из которых происходило изделие. Имена астиномов — специальных чиновников, следивших за правильностью мер и весов, жрецов, в честь которых назывались календарные годы, владельцев мастерских, изготовивших товар на

продажу, а также названия календарных месяцев. Иногда на изделиях вырезали дополнительные символические изображения — цветок, нос корабля, ключ и др. Штампы оттискивались, как правило, на ручках или горлах амфор и на черепице, пока та еще была сырой. После этого изделие помещали в специальную печь и надпись закреплялась, становясь практически вечной. Смысл клеймения был в том, чтобы удостоверить качество и объем товара, место и время его изготовления.

Все эти сведения чрезвычайно важны для археологов, которыми разработана относительная хронология клейм в разных центрах. Иными словами, удалось расположить в хронологическом порядке сохранившиеся имена. В ряде случаев относительная хронология убедительно сопоставлена с абсолютной, то есть с принятой в настоящее время системой летосчисления. Таким образом, находки керамических клейм становятся незаменимым датированным материалом. Довольно много обнаружено их при раскопках городища Керменчик. Те, что оттисканы на ручках херсонесских амфор и на черепицах, привезенных из южнопонтийского города Синоп, датируются IV в. до н. э. Более ранние находки при раскопках этого памятника сделано не было, поэтому они, вероятно, являются тем хронологическим ориентиром, который отмечает зарождение жизни на месте будущей столицы позднескифского государства⁵⁶.

Что представляло собой это поселение в IV в. до н. э.? На основании столь скудных находок ответить на этот вопрос не удается, гораздо подробнее можно охарактеризовать его в период III и особенно II в. до н. э. Место расположения города максимально упрощало задачу его обороны. С востока он был ограничен обрывами Петровских скал, с севера и запада — крутыми склонами Петровской балки. С юга естественной защиты не было. Известно, что именно здесь была возведена мощная оборонительная стена, которая отсекала территорию поселения от плато. Известно также, что какие-то оборонительные сооружения, например, деревянные палисады, располагались над склонами Петровской балки, а может быть, и над обрывами. Но в этих местах раскопки не велись, а визуально они не различимы. Известно, что стена представляла собой мощное оборонительное соору-

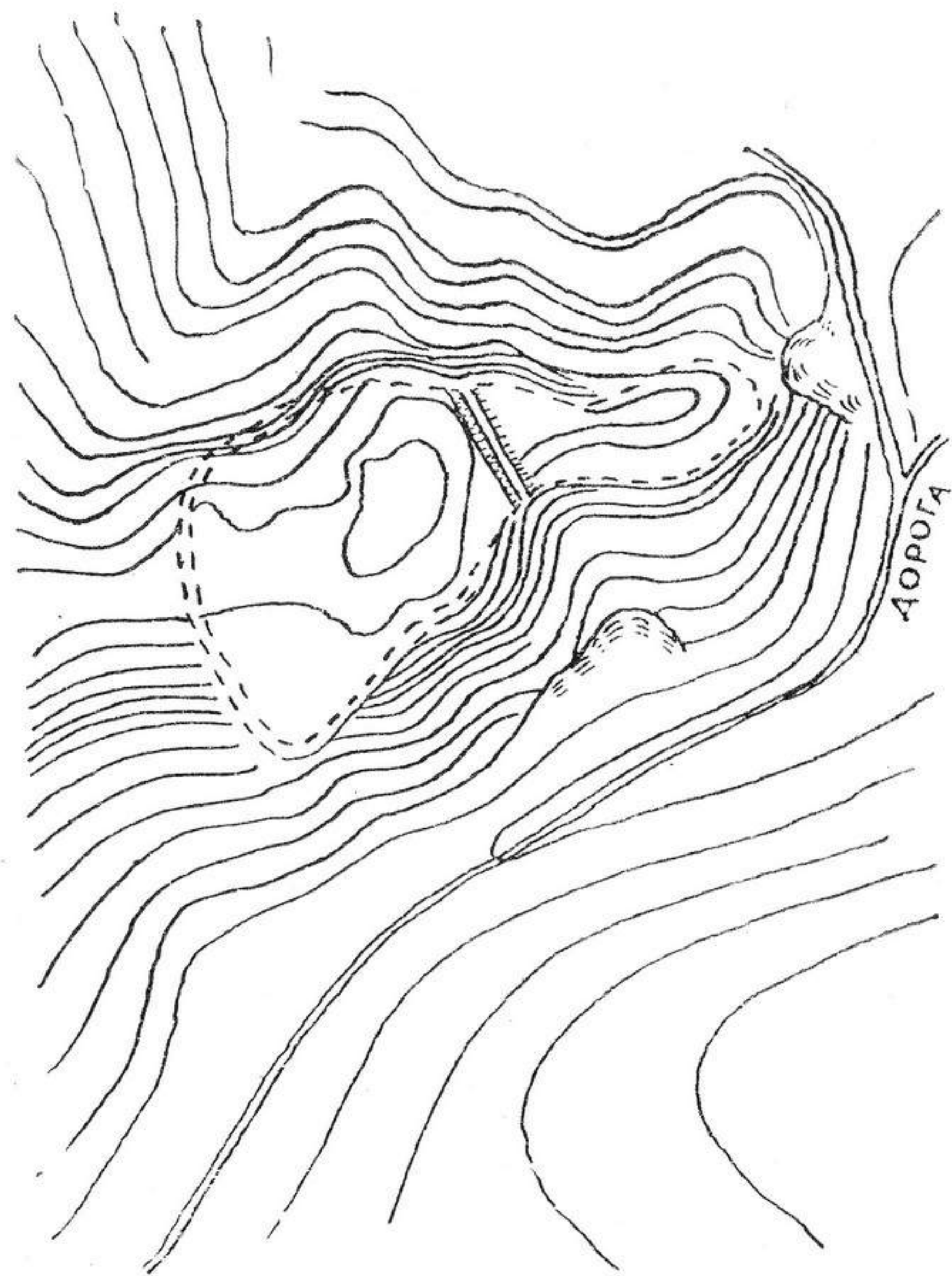
Неаполь скифский (план).

жение — вероятно, между обрывом и склоном балки. В нижней части, которая должна была противостоять ударам стенобитных машин, стена была сложена из очень крупных известняковых

камней, а в верхней, защищавших оборонявшихся от стрел и камней, пущенных из пращи, — из сырцовых (не обожженных, а только подсушенных на солнце) кирпичей. Кладка сделана в типично варварском стиле: камни лишь слегка подтесаны, уплотнены, края их неплотно примыкали друг к другу. Это, очевидно, создавало впечатление особой монументальности, «циклическости».

Оборонительная стена неоднократно перестраивалась, все более и более утолщалась. К концу II в. до н. э., когда скифы подвергались большой опасности со стороны внешних врагов, толщина ее стала очень внушительной, по некоторым реконструкциям до 12,5 м⁹⁷. Стена была укреплена несколькими башнями или, точнее, башенными выступами, так как они не имели внутренних помещений, а были заложены камнями. Раскопками открыт въезд в город и остатки деревянных ворот. За воротами находилась небольшая, никогда не застраивавшаяся площадь, покрытая слоем известковой крошки. С противоположной воротам стороны площадь ограничивалась зданием, построенным в чисто римском стиле. Особый колорит ему придавали порталы — закрытые с трех сторон стенами галереи, перекрытие которых поддерживалось рядом колонн, расположенных вдоль фасада. Около этого здания или в нем самом стояли скульптуры и плиты с надписями, обломки которых найдены при раскопках. Немного дальше находилась монументальная конная статуя царя Скифии. В районе площади располагалось еще несколько богатых домов. Стены их были сложены из камня, изнутри оштукатурены и, в некоторых случаях, орнаментированы фресковой росписью, крыши покрыты черепицей. Полы чаще всего были глиняными, но иногда и деревянными, так как под некоторыми домами обнаружены вырубленные в скале подвалы. Таким представляется облик столицы позднескифского государства во II в. до н. э., в той его, пока еще очень небольшой части, которая открыта раскопками⁹⁸.

Практически одновременно с поселением, руины которого сохранялись на окраине современного Симферополя, и несколько позже — на рубеже III—II вв. до н. э. — возникли две другие мощные позднескифские крепости. Одна из них располагалась в

Городище Кермен-кыр (план).

6 км к северу от Симферополя, на окраине с. Мирного, на холме возвышающемся над долиной Салгира. Руины этой крепости получили название Кермен-кыр⁵⁹. Остатки другого укрепления так называемое Булганакское городище, находятся в 15 км западу от Симферополя близ с. Пожарского, на холме, ограничивающем с юга долину реки Западный Булганак⁶⁰. И Булганакское городище, и Кермен-кыр во многом похожи. Для устройства поселений были выбраны холмы, ограниченные с одной стороны долинами рек, с двух других — глубокими балками. Каждая крепость была защищена двумя линиями оборонительных сооружений. Внешняя линия отсекала холм от плато. На Кермен-кыре это был вал, по верху которого шла каменная стена с башенными выступами, на Булганаке — также вал, но детали конструкции его не ясны, так как он никогда не раскапывался, а ныне по-

Булганакское городище.

частям уничтожен распахкой. Внутренняя линия обороны защищала так называемый акрополь* — небольшой участок поселения, расположенный на окраине холма и в обоих случаях защищенный каменной стеной. Причем на Булганаке на западном, наиболее слабом фланге обороны стена завершалась мощной башней. Из этих черт следствия позволяют предположить, что Булганакское городище и Кермен-кыр были основаны одновременно по-

* Термин употребляется чаще всего для обозначения укрепленной части античного города.

общему плану. Справедливости ради, нужно заметить, что многие детали оборонительных сооружений, в том числе их хронология, до сих пор не выяснены, поэтому высказанное выше предположение можно рассматривать лишь как рабочую гипотезу.

Возникает вопрос и о древних названиях описанных крепостей. В «Географии» Страбона и в надписях упомянуты четыре позднескифские крепости — Неаполь, Хабеи, Палакий и Напит. Археологически более или менее подробно изучены четыре крупнейших скифских городища — Керменчик, Кермен-кыр, Булганак и Усть-Альминское, которые, видимо, и имеются в виду у Страбона и в надписях. Но с полной убедительностью отождествить какое-либо из поселений с одним из названий возможности нет. Гипотезы высказаны разные, но ни одному из авторов не удалось найти решающие аргументы⁶¹. Правда, большинство ученых полагает, что столица скифов, располагавшаяся на месте нынешнего Симферополя, называлась Неаполем. В науке вопросы не решаются голосованием, но мы, следуя традиции и для удобства изложения, будем пользоваться этим названием, когда речь пойдет о поселении на Петровских скалах.

В то время, когда скифы обосновались в предгорном Крыму, западное побережье полуострова принадлежало Херсонесу. В состав владений Херсонеса входил довольно крупный, ранее самостоятельный, город Керкинитида, основанный еще на рубеже VI—V вв. до н. э. на месте современной Евпатории. Кроме того, херсонеситы построили множество других населенных пунктов. На берегу Ак-Мечетской бухты, у нынешнего поселка Черноморское, возникло и быстро разрослось до весьма внушительных размеров поселение с красноречивым названием Калос Лимен (Прекрасная Гавань). Существовали хорошо укрепленные и плотно застроенные поселения Чайка близ Евпатории, Беляус у с. Знаменского, Южно-Донузлавское у с. Поповки. Близ с. Окуневки раскопаны остатки маленькой крепостцы Тарпанчи, к которой примыкали обширные селища. На побережье озера Панское располагалась целая группа укрепленных сельскохозяйственных усадеб. Другие и так же хорошо укрепленные усадьбы были построены на некотором удалении от ближайших населенных пунктов. Например, усадьба у с. Владимировки или Западно-Донузлавская

около Беляуса. Благодаря непрерывно ведущимся разведкам и раскопкам известны и многие другие поселения, принадлежавшие Херсонесу. Жители этих поселений потратили немало сил на возделывание близлежащих земель, превратив их в сельскохозяйственные угодья. По-видимому, они получали достаточно стабильные урожаи зерновых культур и винограда. Херсонеситы селились обычно в непосредственной близости от морского берега. Такое местоположение позволяло, во-первых, активно использовать морские коммуникации, вероятно, отлично налаженные, а во-вторых, постоянно заниматься рыбной ловлей, которая, судя по большому количеству рыбных костей и чешуи в культурных слоях поселений, играла немалую роль в экономике херсонеситов. Колонизируя западное побережье, греки по отношению к своим соседям, были настроены отнюдь не благодушно. Поэтому, устраиваясь на новом месте, они обносили оборонительными стенами и крупные поселения, и даже отдельные стоящие усадьбы. То же можно сказать и о скифах, которые с момента основания тщательно заботились об обороне своих населенных пунктов. Это очень хорошо прослежено на Булганакском городище, где ко времени возведения мощной стены и башни, защищавшей акрополь, не успел накопиться даже самый минимальный культурный слой. Иначе говоря, жители этого поселения еще до того как соорудили долговременные жилища, позаботились о строительстве монументальных оборонительных сооружений. Очень скоро выяснилось, что эти усилия не были излишни с обеих сторон. Уже в III в. до н. э. скифы повели активное наступление на поселения херсонесской хоры и тем самым начали серию скифско-херсонесских войн, растянувшихся до конца II в. до н. э. Понятно, что должны были существовать серьезные причины, заставившие скифов воевать с сильным соседом. Вероятно, скифов привлекали тщательно возделанные греками сельскохозяйственные угодья, на которых они рассчитывали получать зерно в количествах необходимых для внутренних нужд и экспорта. И в этом стремлении не останавливали даже трудности, которые сулила война.

Имеется целый ряд письменных и археологических источников, которые более или менее подробно отражают ход скифско-

херсонесских войн. Крупный дореволюционный исследователь Херсонеса К. К. Косцюшко-Валюжинич нашел выдающийся эпиграфический документ — гражданскую присягу херсонеситов. Нет смысла здесь ее цитировать: она неоднократно переиздавалась. Необходимость принятия присяги, несомненно, вызвана экстраординарными событиями. В том числе, как явствует из ее текста, и опасениями за Керкинитиду, Калос Лимен и другие населенные пункты, а также за «хлеб, свозимый с равнины». Равниной составители присяги называли северо-западный Крым, реальную опасность для которого могли представлять только скифы⁶². Другую надпись благодарные херсонеситы высекли по случаю спасения от «соседних варваров»⁶³. Причем авторы надписи полагали, что им удалось спастись только благодаря помощи богини Девы, которая издавна считалась покровительницей Херсонеса. Любопытно, что варвары (вероятно, речь идет о скифах) напали на греков, участвовавших в празднествах в честь Диониса. Вероятно, этот бог, обильно дарующий вино, сыграл злую шутку с херсонеситами. Из сохранившегося текста надписи не ясно, на сам город напали скифы или на торжественную процессию, вышедшую за его стены, но в любом случае понятно, что они осмеливались действовать в непосредственной близости от Херсонеса.

Очевидно, в ходе войны чаша весов не раз колебалась в ту и другую сторону. Яркий эпизод описывает греческий историк Полиен⁶⁴. По его словам, греки заключили союз с сарматской царицей Амагой. Амага во главе небольшого, но очень мобильного отряда неожиданно появилась в ставке скифского царя. Перевбив стражу, она ворвалась во дворец, убила царя, а царскую власть передала сыну убитого, приказав ему не трогать союзных эллинов. В 179 г. до н. э. Херсонес заключил союз с царем Понта Фарнаком I. Понт — государство, исторические судьбы которого были тесно связаны с Крымом, — занимал во время заключения договора относительно небольшую территорию на южном берегу Черного моря. Тем не менее, и в экономическом, и в политическом смысле он намного превосходил Херсонес. Договор, заключенный между этими двумя государствами, был направлен специально против варваров, живших по соседству с Херсонесом.

Фарнак I обещал оказать помощь, «если соседские варвары выступят походом на Херсонес или подвластную херсонесцам страну»⁶⁵. Однако, забегая вперед, заметим, что все дипломатические усилия, предпринимаемые Херсонесом, не привели к желаемому результату. Лучшее подтверждение этому заключению представляют археологические раскопки. На подавляющем большинстве исследованных в северо-западном Крыму поселений античного времени сохранились слои, образовавшиеся в связи с сильными пожарами и разрушениями. Причина возникновения их ясна: скифы военным путем захватывали греческие населенные пункты. Некоторые греческие поселения, например, Панское I или Маслины, были разрушены и заброшены, жизнь на них более никогда не возрождалась. Другие — и таких большинство — были заселены победителями-скифами. Третьи, например, Западно-Донузлавское, не сохранили следы разрушений. Вероятно, их жители в преддверии опасности переселились в близлежащие и лучше укрепленные населенные пункты.

Захватив греческие поселения, скифы не стали разрушать все оборонительные сооружения, жилые и хозяйственные постройки. Постепенно они переделали, достроили, перепланировали дома и оборонительные стены сообразно своим традициям, вкусам и возможностям. Эллинские поселения приобретали все более варварский облик. Притягательность обжитых греками мест была столь велика, что скифы, захватив северо-западный Крым, не желали селиться на свободных землях. Это неудивительно: нельзя было пренебречь уже готовыми жилыми и оборонительными сооружениями, возделанными полями, развитой инфраструктурой. Исключение было сделано только в одном случае. На высоком левом берегу Альмы у впадения ее в море (близ современного с. Песчаного), на незаселенном ранее месте скифы основали новое, и очень крупное, поселение, которое ныне принято именовать Усть-Альминским городищем⁶⁶. Это было одно из самых значительных поселений Крымской Скифии. По занимаемой площади оно уступало, вероятно, только Неаполю. (С полной уверенностью об этом говорить нельзя, так как городище разрушается морем и за прошедшие столетия площадь его значительно сократилась). Усть-Альминское поселение состояло из домов, сложен-

Монеты Скилура.

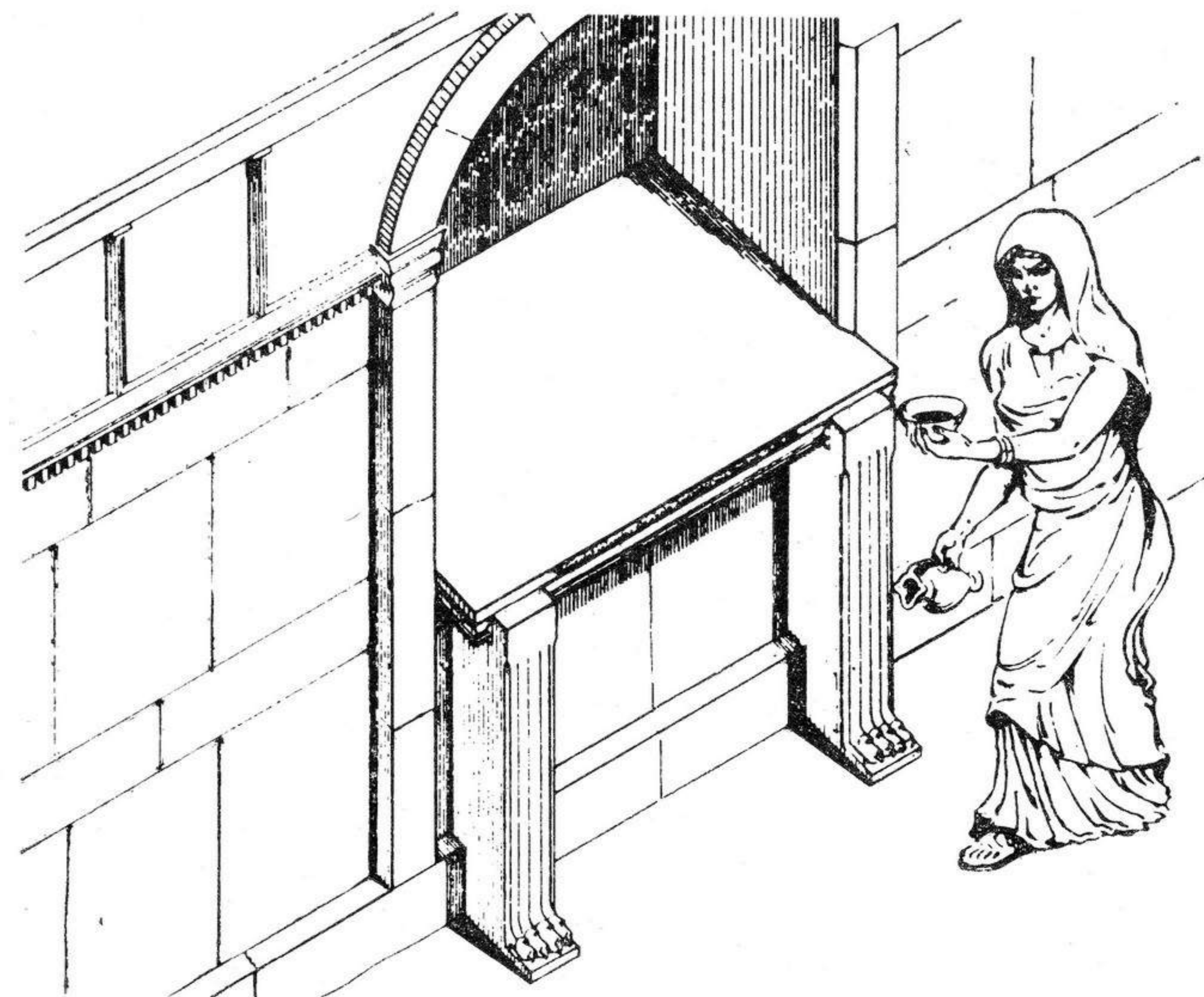
до н. э. на короткое время им подчинилась Ольвия. Об обстоятельствах подчинения этого полиса и о формах его зависимости почти ничего не известно. Но говорить о том, что Ольвия во II в. до н. э. входила в состав позднескифского государства, можно достаточно уверенно. Лучшим доказательством этого факта служат находки монет, которые чеканились в Ольвии от имени скифского царя Скилура⁶⁷.

Не очень просто установить, какие отношения связывали скифов с Боспорским царством. У Страбона имеются сведения о том, что Боспор выплачивал дань варварам. Обычно этих варваров отождествляли со скифами и на этом основании делали вывод о подчиненном положении Боспора. Как это часто случается в науке, одна находка позволила пересмотреть традиционные представления.

Несколько лет назад на акрополе Пантिकाпея было раскопано святилище. В нем найдены обломки мраморного стола, на боковой грани которого сохранилась надпись. Из надписи явствует, что жертвенный стол был посвящен богине по имени Дитагойя. Посвящение сделала дочь царя Скилура и жена некоего Гераклида Сенамотис, причем не от своего имени, а от имени царя Боспора Перисада⁶⁸. Составляющие надпись скудные строки заключают разнообразную информацию, которая не раз еще будет анализироваться исследователями. Но попробуем взглянуть на этот документ с точки зрения интересующего нас сейчас воп-

ных из камней и сырцовых кирпичей, а также из углубленных в землю полуземлянок. С двух сторон оно было ограничено обрывами, с двух других — земляным валом и вырытым перед ним рвом. За пределами вала располагались неукрепленные селища. Имея такой форпост совсем недалеко от Херсонеса, скифы могли ставить перед собой далеко идущие военно-политические цели.

Притязания скифов не ограничивались только Херсонесом. Во II в.

Святилище на акрополе Пантिकाпея (реконструкция В. П. Толстикова).

роса. Безусловно, удостоиться чести сделать приношение в святилище, расположенное в самом сердце столицы государства, да еще от имени царя, могла только очень высокопоставленная особа. Видимо, скифская принцесса вышла замуж за одного из боспорских аристократов (упомянутый в надписи Гераклид) и эта семейная пара занимала в Пантикапее достаточно заметное положение. Браки представителей царского дома всегда имели в древности политический смысл. С их помощью укреплялись узы, связывающие различные государства. Нет оснований думать, что в нашем случае дело обстоит иначе. А раз так, то можно предположить без особого риска ошибиться, что позднескифское и Боспорское царства были обоюдно заинтересованы в поддержании постоянных контактов. И контакты эти были, по преимуществу, мирными. Впрочем, нельзя до конца исключить возможность того, что отношения между Боспором и скифами в III—II вв. до

н. э. менялись, варьировали, выражаясь современным языком, между состоянием конфронтации и мирного сосуществования.

Нужно заметить, что представление о непрерывной войне скифов с античными городами Северного Причерноморья складывается главным образом по сведениям письменных источников. Древние авторы уделяли особенно пристальное внимание военным действиям, обходя молчанием менее напряженные периоды межгосударственных отношений. О том, что такие периоды существовали и были достаточно длительными, лучше всего свидетельствует история торговли поздних скифов. При раскопках позднескифских поселений и могильников найдено множество вещей, изготовленных в различных греческих центрах. Причем эти вещи не только из ближайших к скифам северопричерноморских городов, но и из далекой Греции, Малой Азии, южного берега Черного моря. Хорошо известно, что скифы находились в постоянных контактах с Ольвией, Херсонесом и Боспором, но нет никаких данных об их проникновении в более отдаленные регионы. Вероятно, и балканские, и малоазийские, и южнопонтийские товары попадали к скифам транзитом через античные города Северного Причерноморья. Любопытно, что при раскопках греческих поселений не найдено никаких следов скифских товаров. Между тем, какой-то эквивалент античному импорту со стороны скифов несомненно существовал. По всей вероятности, скифы экспортировали зерно и, возможно, продукты животноводства. Это предположение подкрепляется двумя соображениями. Во-первых, значительное развитие сельскохозяйственного производства у поздних скифов не вызывает сомнения. Подробнее об этом скажем чуть позже. Сейчас только один пример. На одной из монет царя Скилура изображен хлебный колос. Нужно думать, что чеканя это изображение, царь хотел подчеркнуть ведущую роль земледелия в экономике государства, в первую очередь возделывания пшеницы. Во-вторых, продукты сельского хозяйства — это как раз тот товар, который труднее всего зафиксировать археологически. К тому же они, с точки зрения археологов, не отличимы от греческих (и скифы, и греки выращивали одинаковые сельскохозяйственные культуры, разводили скот одних и тех же пород)

Среди импортных вещей, найденных на позднескифских поселениях в слоях III—II вв. до н. э., большинство составляют амфоры, в которых перевозили сыпучие и жидкие продукты. Некоторые амфоры клеймились, и потому есть возможность установить, когда и из каких центров поступали к поздним скифам товары. Суммировав сведения обо всех клеймах, найденных при раскопках, нетрудно заметить, что в конце IV—III вв. до н. э. амфоры собственного производства скифам поставлял в основном Херсонес. В это же время значительные партии импортного товара составляла черепица, которую делали на южном берегу Черного моря в Синопе. Но и она, очевидно, попадала к скифам, как и амфоры, из Херсонеса. Во II в. до н. э. ориентация торговых связей изменяется. Вместо херсонесских у скифов появляются большие партии родосских и книдских амфор⁶⁹. Это естественно, так как обострение политической ситуации, связанное с захватом скифами северо-западного Крыма, не могло не сказаться на состоянии торговых отношений между враждующими сторонами.

Но откуда появились в крымских поселениях амфоры с вином, привезенные с далекого острова Родос в Эгейском море, и из крупного малоазийского гончарного и винодельческого центра — Книда? Попробуем отыскать ответ на этот вопрос. Дешевое родосское вино ввозилось в Северное Причерноморье в огромных количествах. Основными его импортерами были Ольвия и Боспор.

Но к скифам родосское вино попадало, вероятно, из Ольвии. Не забудем, что город во II в. до н. э. находился в политической зависимости от скифов. Зависимость эта включала город в экономическую структуру позднескифского государства. Не случайно в Неаполе жил ольвийский купец Посидей. И жил, вероятно, долго, так как успел установить в городе не менее четырех статуй греческих богов⁷⁰. Кстати, одна из статуй представляла собой изображение богини Родос. Более того, Посидей, как сказано в одной из надписей, разгромил «пиратствующих сатархеев». Сатархи (или, в данном варианте, сатархеи) это племя, название которого известно из разных письменных источников.

Среди ученых нет единства мнений в том, где можно разместить сатархов на этнической карте Крыма⁷¹. Нам кажется наиболее аргументированной точка зрения о локализации сатархов

в северном Крыму, в районе Перекопского перешейка. Отсюда они через Каркинитский залив выходили в море и грабили торговые суда (недаром в надписи они названы «пиратствующими»). Даже бегло взглянув на карту, не трудно заметить, что сатархи должны были чаще всего оказываться в тех местах, где проходили морские пути между портами северо-западного Крыма и Ольвией. Вероятно, нормальное функционирование этих путей обеспечивало Посидею высокие доходы, поэтому он и возглавил борьбу с пиратами. Все это является веским аргументом в пользу заключения о существовании экономических связей Ольвии и Крымской Скифии. Вероятно, этот город служил основным поставщиком родосских товаров в Неаполь и другие поселения. Вместе с родосскими из Ольвии привозили, очевидно, и некоторое количество книдских амфор.

По всей вероятности, скифы поддерживали торговые отношения и с Боспором. Выше уже говорилось о существовании между ними тесных политических связей. Естественно предположить и экономические контакты. Однако конкретных источников, которые могли бы подтвердить эту догадку, нет.

Таким образом, можно утверждать, что в III—II вв. до н. э. скифы играли чрезвычайно активную роль в экономической и политической жизни Северного Причерноморья. При этом, решая со своими соседями спорные вопросы, они нередко выступали с позиции силы и обычно успешно.

Положение коренным образом изменилось в конце II в. до н. э. К этому времени скифы, вероятно, не раз подступали к самым стенам Херсонеса. Во всяком случае, ими были разрушены и преданы огню многие укрепленные усадьбы, принадлежавшие гражданам этого полиса и расположенные в ближайших его окрестностях — на Гераклеяском полуострове⁷². Херсонеситы, чувствуя свое бессилие перед варварским нашествием, обратились за помощью к царю Понта Митридату VI Евпатору. Политическая ситуация им благоприятствовала. Во-первых, Понт и Херсонес были связаны договором о взаимной помощи. Во-вторых, Митридат VI лелеял мечты о создании единого государства, включающего все Черноморское побережье. Это государство он, извеч-

ный противник Рима, надеялся противопоставить Вечному городу. Будучи дальновидным и решительным политиком, Митридат VI смог оценить те преимущества, которые давало ему законное (согласно договору!) вмешательство в крымские дела. Он прислал на помощь Херсонесу воинов во главе со своим лучшим полководцем Диофантом. Далее события развивались стремительно. Сын Скилура Палак неожиданно нанал на понтийское войско, но был обращен в бегство. После этого Диофант зачем-то ненадолго оказался на Боспоре. После возвращения оттуда усилил свой отряд за счет херсонеситов и совершил поход в глубь Скифии, захватив царские крепости Хабеи и Неаполь. Очевидно решив, что дело сделано, Диофант отправился в Понт. Однако скифы в кратчайший срок вернули себе утраченные земли, что вынудило знаменитого полководца вновь возвратиться в Крым. Он попытался еще раз захватить царские крепости, но поначалу это не удалось. Тогда Диофант двинулся в северо-западный Крым, овладел Керкинитидой, некоторыми другими укреплениями и приступил к осаде Калос Лимена. В это время Палак, собрав большое войско, усиленное за счет союзного скифам сарматского племени роксоланов, еще раз попытался склонить чашу весов на свою сторону. Сражение закончилось разгромом скифов. Диофант вновь двинулся к Хабеям и Неаполю, но осталось неизвестным, захватил ли он их на этот раз.

Казалось, Крымской Скифии был нанесен смертельный удар. Диофант отправился на Боспор и там участвовал в акте большого политического значения: боспорский царь Перисад отрекся от престола в пользу царя Понта Митридата VI Евпатора. Вероятно, именно это событие повлекло восстание скифов, живших на Боспоре. Они убили Перисада и, очевидно, то же самое сделали бы с Диофантом, если бы он не бежал на корабле, присланном за ним херсонеситами. Неблагоприятный ход событий не сломил упорство Митридата VI. Через год он вновь отправляет в Крым Диофанта, который разгромил восставших, пленил их предводителя Савмака и таким образом вернул Боспор в состав державы Митридата VI Евпатора⁷³.

Так развивались события в Крыму в самом конце II в. до н. э., если, конечно, верить сообщению знаменитого древнегрече-

ского географа Страбона и тексту надписи, высеченной на постаменте статуи Диофанта, которую воздвигли благодарные херсонеситы.

Известный советский скифолог Б. Н. Граков точно заметил, что «Диофанту и Митридату не ставится нигде в заслугу окончательная победа над скифами»⁷⁴, но все же военное поражение скифов не вызывает сомнения. В итоге позднескифское царство было включено в орбиту антиримской деятельности Митридата VI Евпатора. В Ольвии утвердился понтийский гарнизон, тесные экономические связи города со скифами прервались. Вероятно, позднескифское царство, в отличие от Боспора, не было присоединено к Понту, но оказалось в зависимости от него. Некоторая часть скифских земель на короткое время отошла к Митридату. Недаром позднее римляне обязали его вернуть «скифским царям их родовые владения»⁷⁵. В 86 г. до н. э. римский полководец (в будущем диктатор) Сулла упрекал Митридата: «... ты заключил союз с фракийцами, скифами и савроматами».

О характере этого союза можно судить по тому, что Митридат числил скифов среди своих друзей «готовых на все, что только он прикажет»⁷⁶. Да и трудно было бы ожидать других отношений между победителем и побежденными. Укреплению союза между Понтом и позднескифским царством должны были способствовать династические браки. Скифских жен Митридата упоминает Плутарх,⁷⁷ другой римский историк Аппиан писал о том, что Митридат «послал своих дочерей скифским правителям в жены». Иногда к скифам от царя Понта отправлялись какие-то дары. Таким образом, становится ясно, что Митридат очень дорожил своим союзом со скифами, особенно в последние годы жизни, когда многочисленные прежде союзники один за другим отворачивались от постепенно терявшего свое могущество царя. Союз со скифами Митридат использовал прежде всего для пополнения войска. Об этом имеются прямые свидетельства. Известный историк Митридатовых войн Юстин писал о «великом множестве войска»⁷⁸, присланном Митридату скифами. В данном случае следует, конечно, учесть характер источника — Юстин передает пропагандистскую речь Митридата перед солдатами. Поэтому можно не придавать большого значения эпитетам, но каким-

то количеством воинов армию Понта скифы, видимо, пополняли. По Аппиану, Митридат отправил скифским правителям своих дочерей именно для того, чтобы ускорить прибытие скифского войска.

Неудачные войны с Римом привели к утрате надежд Митридата. В конце концов взбунтовались даже верные ему прежде войска, а возглавил это восстание его собственный сын Фарнак. Грозный царь скрылся во дворце на акрополе Пантикапея и приказал начальнику стражи заколоть себя. Произошло это в 63 г. до н. э. Понтийское царство распалось. Скифы, естественно, оказались свободны от союза с ним.

ПОСЛЕДНИЙ РАСЦВЕТ (I в. до н. э.—I в. н. э.)

Письменные источники освещают историю поздних скифов неравномерно. Наиболее подробно они касаются взаимодействия скифов с Понтом. Это вполне естественно, так как ни до, ни после скифское государство не было столь непосредственно втянуто в борьбу мировых держав. В свое время, благодаря победе над Дарием, скифы стали частыми гостями на страницах древнегреческих литературных произведений и научных трактатов.

Участие в бурных событиях эпохи Митридата привлекло к ним внимание римских историков. Недаром Митридат, в передаче Юстина, обращаясь к своим солдатам перед третьей войной с Римом, сравнивает себя с Дарием и Филиппом Македонским, преуменьшая их успехи и преувеличивая свои.

После распада Понтийской державы скифы почти совсем исчезают из поля зрения древних авторов. Упоминания о них лишь изредка мелькают в специальных документах. Например, в картах и в периплах — описаниях морского побережья, создаваемых для нужд военных и мореплавателей. Возможно, именно малочисленностью письменных источников, а не реальным положением дел, объясняется распространенная в науке точка зрения о том, что позднескифское государство, пережив во II в. до н. э. пору наивысшего расцвета, после поражения от войск Диофанта пришло в упадок, который сменился новым подъемом во II—III вв.

н. э. Данные же археологии не дают никаких оснований для подобного заключения.

Скифы, видимо, временно отказались от притязаний на Херсонес, но сохранили за собой почти всю хору этого полиса, кроме Гераклейского полуострова. Они продолжают жить на местах бывших греческих поселений, причем весьма насыщенной жизнью, о чем свидетельствуют мощные культурные слои. Исключение составляет Керкинитида, куда разбитые Диофантом скифы, судя по раскопкам последних лет, больше не возвращались⁷⁹. Продолжают, причем без всякого перерыва, функционировать старые населенные пункты в центральном и юго-западном Крыму (Неаполь, Кермен-кыр, Булганак, Усть-Альма и др.). Возникают новые поселения, причем одно из них — Альма-кермен в долине реки Альмы у с. Заветного — очевидно, сразу после Диофантовых войн. Со многими поселениями связаны обширные некрополи, насчитывающие сотни погребений. Все это позволяет предположить, что поражение от войск Диофанта не слишком ослабило скифов.

Попробуем воссоздать общую картину позднескифских поселений, безуспешно пытавшихся отразить атаки понтийских войск, но очень скоро оправившихся от поражения. Они находились в предгорном Крыму, расположены на возвышенностях, чаще всего на вершинах высоких холмов, ограниченных с трех или четырех сторон глубокими балками или долинами рек. Таковы упоминавшиеся уже Неаполь, Кермен-кыр, Булганак, Альма-кермен и многие другие, например, Доброс (получило название от расположенного рядом села) или Аргинское (расположенное близ с. Зеленогорское). Нередко укрепленные поселения строили у обрывистых краев плато (Усть-Альминское, Залесье, Барут-ханэ). Жить на открытых всем ветрам возвышенностях было неудобно. Отдаленность от источников воды заставляла постоянно заботиться о создании и поддержании ее запасов. Сельскохозяйственные угодья жителей поселений наверняка располагались в плодородных, хорошо орошаемых равнинах. Возвращаясь с работы, людям приходилось преодолевать весьма крутые склоны. Очевидно, выбор места для поселения диктовался только одним — наличием

естественных защитных рубежей. Ограничивающие городища обрывы и крутые склоны максимально затрудняли доступ врагу и облегчали строительство оборонительных сооружений. Неукрепленные селища располагались или сразу за укреплениями, или в долинах, но так, чтобы их жители при приближении неприятеля могли быстро укрыться в близлежащих крепостях. Правда, известны и редкие исключения, когда селища были отдалены от укрепленных пунктов на довольно значительные расстояния. Не сколько иначе обстояло дело в северо-западном Крыму. Равнинный ландшафт этого региона представлял меньше возможностей для организации обороны. Впрочем, здесь имелись другие преимущества — уже готовые оборонительные сооружения, отвоеванные у греков.

В укреплениях поздних скифов употреблялись в разных сочетаниях три конструктивных элемента: каменные или сырцовые стены, земляные валы и рвы. Во всех без исключения случаях при строительстве максимально использовались естественные условия. Если поселение располагалось на вершине возвышенности, ограниченной крутыми склонами со всех четырех сторон, оборонительные сооружения возводили обычно по ее периметру (Аргинское, Доброе, Джалман и др.). Такая же система обороны применялась иногда и на поселениях, расположенных на мысах со склонами с трех сторон (Учкоз, Заячье, на горе Чабовмысах со склонами с трех сторон (Учкоз, Заячье, на горе Чабовского и др.). Но чаще они ограждались мощными стенами или валами лишь с напольной стороны (Неаполь, Кермен-кыр, Булганак, Брусиловское и др.). Целая группа поселений, расположенных на краях обрывистых плато, защищена полукруглыми в плане валами, концы которых примыкают к обрыву (Усть-Альминское, Барут-ханэ, Змеиное и др.). Характернейшей чертой позднескифских поселений является наличие внутренней линии укреплений, так называемого акрополя. О его устройстве дают представление описанные выше городища Кермен-кыр и Булганак.

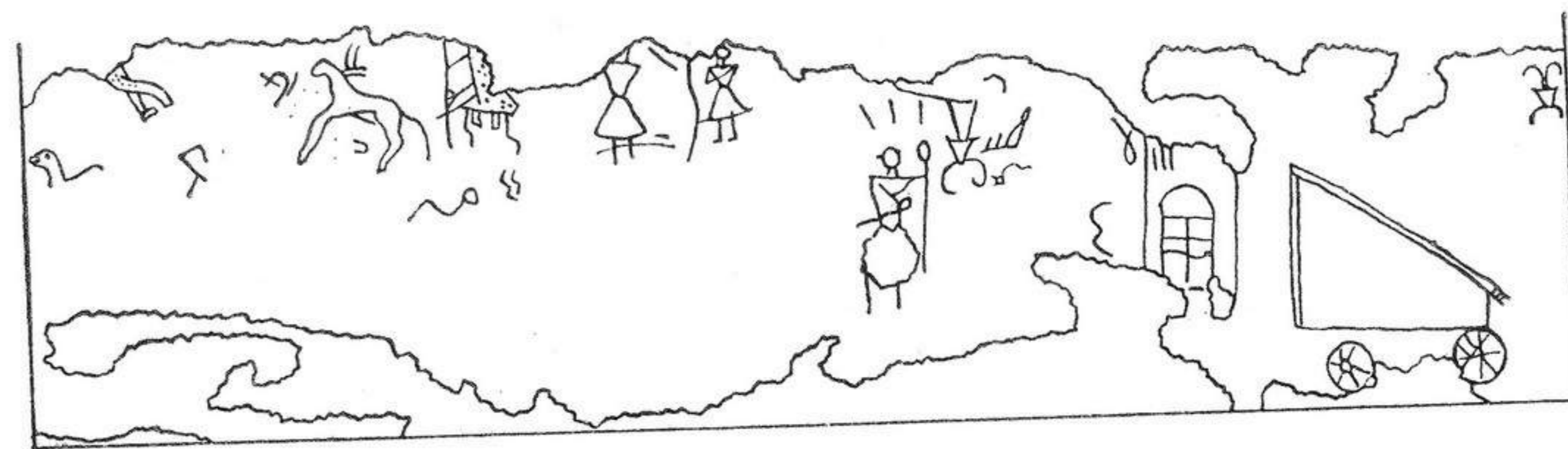
Очень часто скифские поселения ограждались мощными каменными стенами, иногда укрепленными башнями. Иногда верхняя часть стены сооружалась из сырцовых кирпичей, как это видно на примере оборонительных стен Неаполя. Известна целая

группа памятников, на которых сохранились земляные валы и выкопанные перед ними рвы. Например, Усть-Альминское городище, Барут-ханэ, Залесье. В некоторых случаях (Булганак и Кермен-кыр) на вершине вала возводили каменную стену. Очень вероятно, что система обороны с помощью валов и рвов появилась у скифов после войны с греками, когда они познакомились с действием стенобитных машин. Рвы должны были затруднять подвоз к стенам таранов, а валы не чувствительны к их ударам. В таком ключе были организованы укрепления бывшей греческой усадьбы в бухте Ветреной, на Южно-Донузлавском поселении и Беляусе. Причем валы сооружали так, чтобы внутренней стороной опираться на стены греческих построек, которые в данной ситуации превращались в оборонительные сооружения:⁸⁰ с них можно было бы обстреливать наступавшего неприятеля. На Беляусе в систему обороны органично входил каменный мост, переброшенный через ров⁸¹.

Территория, ограниченная оборонительными сооружениями, застраивалась различными жилыми и хозяйственными постройками. Обычный позднескифский жилой дом представлял собой небольшую прямоугольную постройку, стены которой в нижней части были сложены из камня, а в верхней — из сырцовых кирпичей. Обнаружены и более монументальные здания, состоящие из двух-трех вытянутых в одну линию помещений. Внутри дома комнаты между собой не соединялись, каждая из них имела наружную дверь, выходящую в общий двор. Весьма интересны открытые в Неаполе и в Добром доме, состоящие из одного обширного помещения и сеней. Причем сени с трех сторон ограничены стенами, а с фасада — колоннами. Это так называемые «здания типа мегарон» (мегарон — по-гречески «большой дом»).

Подобные постройки в Северном Причерноморье открыты только на позднескифских поселениях (помимо названных, еще и в Золотой Балке на Нижнем Днепре) и, по-видимому, могут рассматриваться как результат собственного творчества скифов в области архитектуры⁸². Использовались дома мегаронного типа по-разному. Некоторые из них служили жилыми, другие хозяйственными, третьи общественными, часто культовыми, помещениями. В этом смысле любопытен один из домов, раскопанный

в Неаполе. Он представлял собой довольно монументальную постройку с оштукатуренными изнутри стенами. По штукатурке был нанесен орнамент, выполненный яркими красками. Кроме того, штукатурка буквально испещрена рисунками, так называемыми граффити. Здесь изображения людей, животных, стенобитного орудия типа тарана, сарматских знаков и многие др.⁸³ Совершенно ясно, что автор этих рисунков не был профессиональным художником. Точнее, авторов было много. Очевидно, люди собирались в этом здании часто и надолго. Некоторые из них периодически брали в руки гвоздь или острую палочку и от скуки царапали на стенах. Психологически близкие аналогии нетрудно

Граффити на стенах здания «А» в Неаполе.

отыскать на стенах современных построек. Сейчас довольно сложно установить, для чего люди собирались в этом доме, но не исключено, что для участия в каких-либо культовых церемониях.

Помимо наземных домов, скифы сооружали много полуземлянок, то есть построек, частично углубленных в землю. Они открыты практически на всех подвергавшихся раскопкам поселениях. Полуземлянки бывали разных форм и размеров, но по площади уступали обычным домам. Иногда их делали прямоугольными, складывая наземную часть из сырцовых кирпичей, иногда — круглыми, шалашеобразными из жердей, покрытых глиняной обмазкой. Подобного рода конструкции — важный элемент позднескифской культуры, не претерпевший принципиальных изменений во все время ее существования.

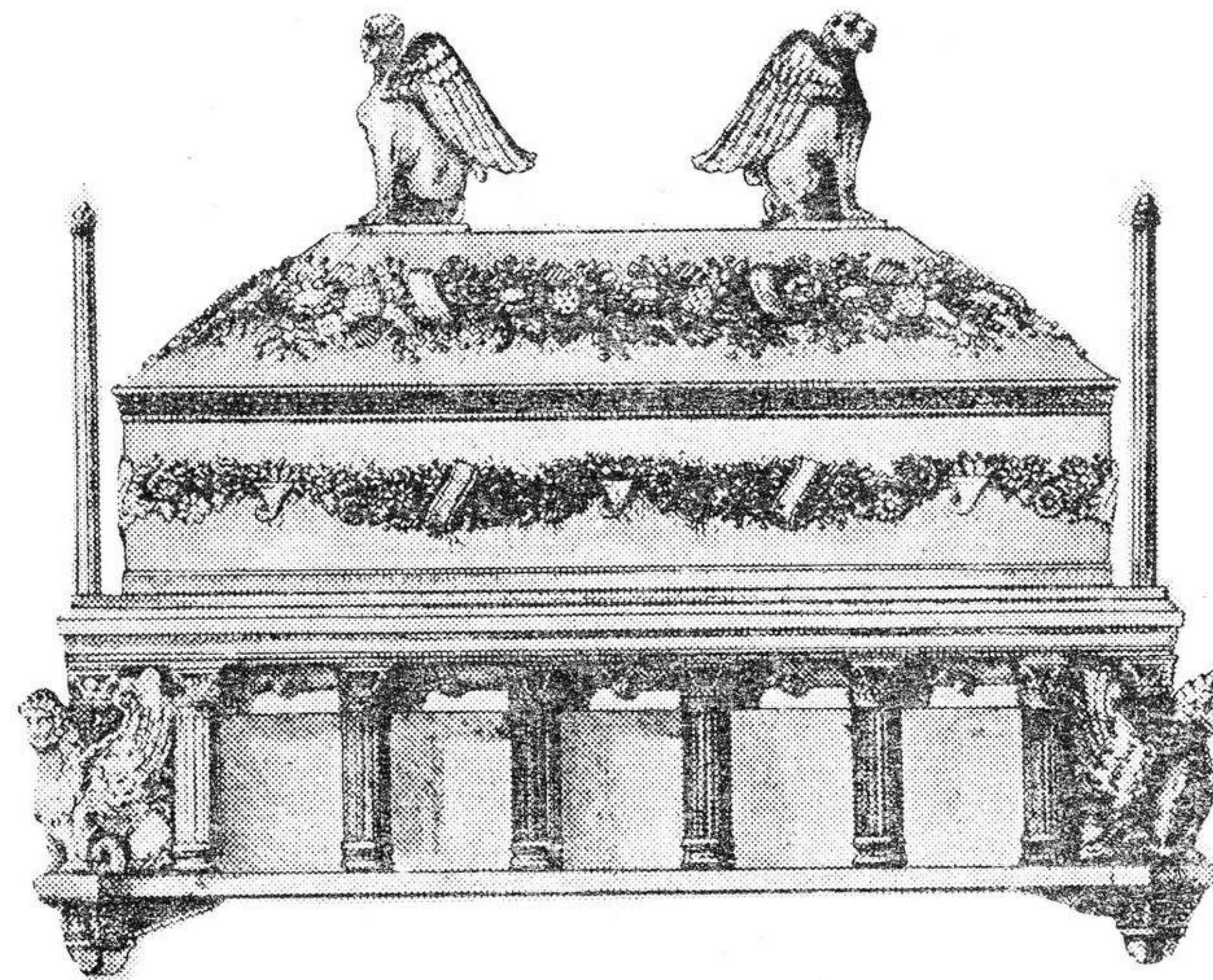
Царь, погребенный в мавзолее Неаполя (реконструкция М. М. Герасимова).

ном культе. Их изображали на надгробных стелах, и прежде, чем окончательно засыпать склепы, заполненные останками людей, туда иногда опускали собак). Мавзолей воздвигли над погребением в каменном ящике, который был составлен из четырех прекрасно обработанных плит.

Выдающийся антрополог М. М. Герасимов по найденному в гробнице черепу реконструировал облик погребенного там мужчины средних лет. Умерший был облачен в белые льняные одежды, орнаментированные тонкими красными полосками и золотыми нитями, расшитые разнообразными золотыми бляшками. В могилу был опущен набор вооружения (три конья, два меча, дротик, шлем, кожаный нагрудник). Здесь же находилось множество золотых изделий, в основном разнообразные бляшки, которыми была расшита одежда. Из 1327 золотых вещей мавзо-

Рядом с поселениями располагались кладбища (некрополи). Самым выдающимся погребальным памятником поздних скифов бесспорно был мавзолей знати, примыкавший с внешней стороны к оборонительной стене у главных ворот Неаполя. Мавзолей представлял собой почти квадратное здание, стены которого в нижней части были сложены из крупных камней, а в верхней — из сырцовых кирпичей⁸⁴. В стене над деревянной, возможно, позолоченной, дверью, которая вела во внутреннее помещение, замуровали собаку. (Эти животные, очевидно, играли заметную роль в заупокой-

лея 825 найдены в этом погребении. Это в основном мелкие золотые вещи: бляшки с одежды, нагубники, наглазники, другие украшения. Рядом с каменной гробницей в полу были захоронения собаки и четырех коней (вспомним раннескифские погребения). Необычное для поздних скифов разнообразие вооружения, беспрецедентное богатство, конструкция могилы и тот факт, что именно над ней был возведен мавзолей, не оставляют сомнения — мы имеем дело с захоронением царя. Дата погребения

Саркофаг (Неаполь).

ния — конец II или начало I в. до н. э. — позволяет предположить, что в мавзолее находился или Скилур, или его сын Палак. Однако, судя по письменным источникам, Скилур ко времени войны с Диофантом должен был быть очень старым человеком. Поэтому есть большие основания полагать, что в каменной гробнице похоронили Палака.

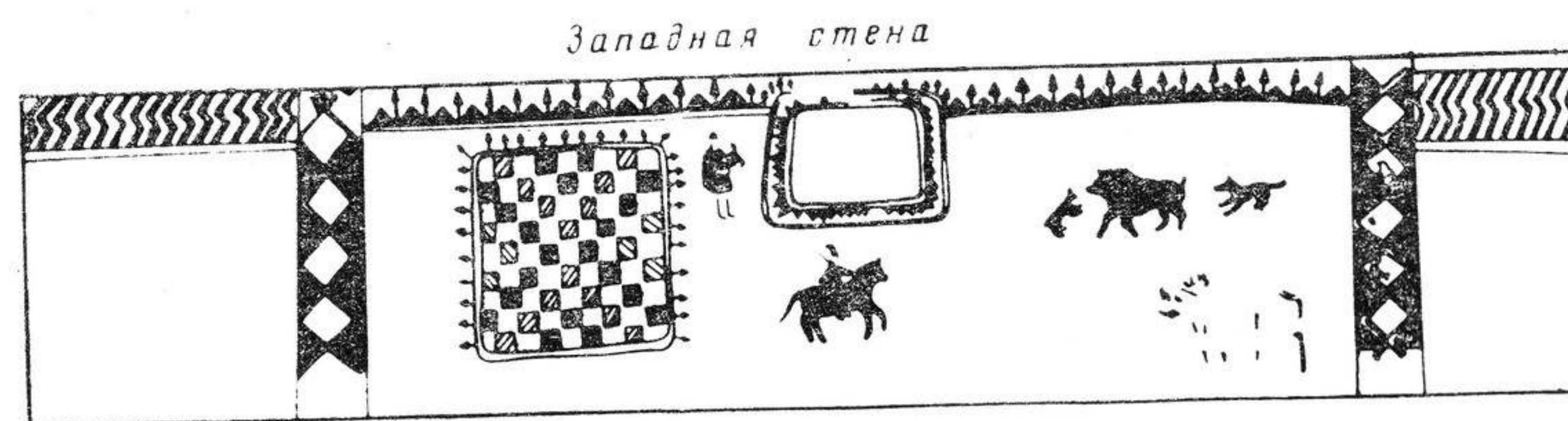
По лучшим боспорским образцам, из кипарисового дерева изготовлен роскошный резной саркофаг. В нем была погребена

женщина в сопровождении довольно богатого инвентаря, в том числе и золотых вещей. Все остальные погребения в мавзолее совершены в деревянных дощатых гробах, иногда покрытых красной краской и украшенных гипсовыми медальонами. Эти гробы, по мере заполнения мавзолея, ставились друг на друга, образуя несколько ярусов. Мавзолей функционировал около 150 лет, за это время в нем похоронили более 70 человек. При этом обнаруживается любопытная закономерность: чем дольше действовал мавзолей, тем меньше совершалось в нем погребений и тем они становились беднее. Это довольно трудно объяснить, если учесть, что речь идет об усыпальнице, принадлежавшей царскому роду или семье. Но, может быть, погребениями, исследованными в мавзолее, «зафиксирована» смена династии. Объяснить заметное обеднение погребений можно тем, что после смерти похороненного в каменной гробнице царя политическая власть перешла к другой семье или роду. Хоронить членов постепенно бедневшего и численно уменьшавшегося коллектива продолжали вместе с предками до тех пор, пока он окончательно не захирел, и мавзолей пришлось засыпать. Он занимал исключительное место на некрополе Неаполя и топографически, и по богатству погребений.

Остальные погребальные сооружения располагались на крутых склонах к западу и к востоку от поселения. На этих склонах открыта целая серия склепов, вырубленных в скале⁸⁵. Они представляли собой прямоугольные, трапециевидные и овальные в плане помещения, площадью 10—12 м², высотой 1 м. В стенах почти всегда имелись ниши для заупокойных даров и светильников. Все вырубленные в скале склепы были полностью разграблены — при раскопках обнаружены только разрозненные человеческие кости и отдельные, случайно сохранившиеся предметы погребального инвентаря. Тем не менее, речь идет о совершенно уникальных памятниках.

Дело в том, что стены некоторых склепов были украшены полихромными изображениями, а на одной из них сохранился барельеф всадника-скифа. Некоторые росписи имеют декоративный характер, другие состоят из сюжетных, иногда многофигурных композиций. Стилистически росписи неапольских склепов не имеют аналогий среди инокультурных памятников. Очевидно, они

были выполнены самими скифами. Но сама идея настенных изображений была, вероятно, заимствована у греков, имевших в этом деле давние традиции. По всей вероятности, росписи в столь ответственных местах как погребальные сооружения несли значительную смысловую нагрузку. Предприняты попытки интерпретации этих изображений. Выяснилось, что мы имеем дело с довольно сложными представлениями о потустороннем мире, которые коренились в традиционной скифской и, шире, иранской идеологии. На этом основании высказано предположение о том, что

Роспись склепа № 9 (Неаполь).

вырубленные в скале склепы принадлежали жрецам. Правда, это всего лишь гипотеза, неподкреплённая прямыми доказательствами⁸⁶.

Большинство же погребений на некрополе Неаполя было совершено в склепах, выкопанных в земле⁸⁷. Все склепы предназначались для многократных захоронений (в них найдено от 2 до 29 костяков) и служили, вероятно, для погребения родственников. Довольно часто хоронили и в подбойных могилах, представлявших собой входные ямы и выкопанные в их стенках неглубокие камеры. Каждое из этих сооружений предназначалось для захоронения одного, иногда двух, редко большего количества умерших. Погребальный инвентарь, найденный в склепах и подбойных могилах, довольно разнообразен, но не богат. Найдено много керамических сосудов, орудий труда, деталей одежды, украшений. Очень редко встречается оружие, еще реже — монеты (всего их найдено шесть). Различие в погребальном инвентаре склепов и подбойных могил выявить не удастся. В последних

вещей найдено меньше, но это вполне объясняется меньшим количеством совершенных в них захоронений. Таково наиболее общее описание некрополя Неаполя. Очень интересны и детали. Чего стоит, например, могила с двумя подбоями, в одном из которых похоронена лошадь, а в другом — женщина в неестественной позе, с обожженными глазами, костями рук и ног. В этом случае мы, видимо, соприкасаемся с довольно жуткими религиозными обрядами, совершавшимися в древности.

Помимо некрополя, принадлежавшего жителям столицы позднескифского государства, в Крыму открыт целый ряд других могильников. Некоторые из них связаны с известными позднескифскими поселениями Беяус, Чайка, Усть-Альма, Альма-кермен. Поселения, жители которых оставили другие могильники, например, Скалистое II и III в долине притока Альмы Бодрака, Бельбек I—IV в долине Бельбека, не обнаружены. Позднескифские некрополи отличаются большим разнообразием погребальных сооружений. Кое-где, например, на Беяусе и Усть-Альме, как и в Неаполе, преобладали склепы, но в большинстве могильников они отсутствуют. И в Бельбекской, и в Альминской долине людей хоронили главным образом в подбойных могилах и простых грунтовых ямах, довольно широко использовали различные каменные конструкции, изредка погребального укладывали в амфору⁸⁸. Жители поселений северо-западного Крыма освобождали склепы, принадлежавшие их предшественникам-грекам, хоронили в них своих соплеменников⁸⁹.

В процессе раскопок удастся фиксировать материальные следы древних религиозных обрядов. Ноги некоторых погребенных перекрещены в голенях, у других кисти рук лежат на тазовых костях. Иногда могилу посыпали мелом, иногда — углем. Нередко умершего заворачивали в кошму, использовали дощатые гробы или колоды, выдолбленные из стволов деревьев. Отмечены факты частичной кремации трупов. Сейчас мы очень немного можем сказать о религиозных церемониях, совершавшихся скифами. Ведь археологи имеют дело только с жалкими их следами: определенное положение костяков, детали погребального инвентаря, могилы, сооруженные по обязательным правилам. Как известно, у каждого народа вырабатываются свои

особые, строго определенные обряды, связанные с заупокойным культом. Это очень консервативный элемент духовной культуры, который медленно трансформируется во времени и редко заимствуется одним народом у другого. Более того, для людей, оказавшихся в инокультурной среде, именно эти обряды и связанные с ними церемонии позволяют сохранять память о прошлом, не раствориться полностью среди коренного населения.

И все же погребальные обряды поздних скифов претерпели существенные изменения по сравнению с раннескифскими. На смену курганным могильникам пришли грунтовые некрополи, расположенные вблизи поселений. Тем не менее, как реминисценция кочевого быта, в небольшом количестве, но практически во все время существования позднескифской культуры известны захоронения и под курганными насыпями. Иногда курганы насыпались прямо на территории грунтовых некрополей. Например, на могильнике Неаполя располагалась курганная насыпь, перекрывавшая две обширные могилы с многократными погребениями. Некоторые курганы не связаны топографически с известными поселениями. Среди них особенно интересны так называемые Тавельские (близ с. Краснолесье). В Тавеле низкие насыпи, сложенные из камней, перекрывали каменные гробницы. Они были заполнены костяками (в одной могиле — около 160), лежавшими в несколько ярусов, и многочисленными вещами⁹⁰. Подобные погребения найдены и в нескольких километрах к северу от Симферополя. В отличие от Тавельских, здесь они были под довольно высокими земляными насыпями, и в каждом погребальном сооружении еще большее, чем в Тавеле, количество погребенных (до 175 в одной могиле)⁹¹.

Каменные гробницы с многократными погребениями заставляют вспомнить могильники тавров. Заметное сходство между таврскими и позднескифскими погребениями данного типа является одним из немногих свидетельств влияния таврской культуры на позднескифскую.

При раскопках позднескифских поселений и могильников обнаружено огромное количество самых разнообразных находок, которые позволяют судить о различных сторонах жизни населе-

ния. В частности, можно наметить важнейшие направления в хозяйственной деятельности.

Нет сомнения в том, что основой хозяйства поздних скифов являлось сельскохозяйственное производство, в частности, возделывание зерновых культур, преимущественно пшеницы. Показательны в этом смысле раскопки городища Тарпанчи, где найдены положенные на просушку несколько тонн пшеницы. Такие же находки, но в меньшем количестве характерны и для других памятников. Рожь присутствовала в посевах обычно в качестве сорняка. Однако значительное количество ее в раскопках Альмакермена позволяет предположить, что жители этого поселения высевали ее как самостоятельную культуру. Они так возделывали и просо, нигде более не найденное. Ячмень уступал, вероятно, только пшенице. Его обугленные зерна обнаружены на многих позднескифских памятниках. Кроме злаков выращивали и некоторые другие культуры: вику, чечевицу, горох⁹².

Исследованы многочисленные сооружения для хранения и переработки сельскохозяйственных продуктов. Это, в первую очередь, хозяйственные ямы. На тех поселениях, где производились широкомасштабные раскопки, количество исследованных хозяйственных ям исчисляется десятками, а в Неаполе — сотнями. Они выкапывались в земле или высекались в скале, иногда более чем на три метра в глубину. Стенки ям часто обмазывали глиной, а сверху закрывали каменными крышками. Такие сооружения служили для хранения разных припасов, но чаще всего, по всей видимости, зерна. На Булганакском городище вокруг хозяйственных ям прослежены следы столбовых конструкций, поддерживавших, вероятно, какое-то легкое перекрытие, типа навеса. Ямы, как правило, находились рядом с домами, иногда образуя целые комплексы, не связанные с постройками, что позволяет предположить существование у поздних скифов общественных зернохранилищ.

На городище Тарпанчи раскопана располагавшаяся под навесом глинобитная площадка, где лежали две кучи зерна — пшеницы и, отдельно, ячменя. Вероятно, на эту площадку зерно складывали на просушку сразу после уборки, до помещения его в постоянные хранилища⁹³. На Усть-Альминском городище от-

крыта яма, на дне которой находился очаг. Высказано предположение о том, что она служила для просушки снопов, то есть была овином⁹⁴.

Урожай убирали железными серпами. Размалывали зерно с помощью каменных жерновов. Обычной находкой являются и каменные ступы, служившие, вероятно, своеобразными крупорушками. К сожалению, почти ничего не известно о том, как использовались в пищу зерно и полученные из него крупы и мука. Правда, при раскопках некоторых поселений найдены ритуальные глиняные лепешки и хлебцы. Вероятно, существовали и их прототипы из муки. Кроме того, для изготовления лепешек очень удобны глиняные жаровни с высокими бортиками, обломки которых во множестве находят при раскопках позднескифских поселений.

Известное распространение получило виноградарство и неразрывно связанное с ним виноделие. В нескольких пунктах найдены косточки винограда, а в Неаполе — обугленная виноградная лоза. При работе на виноградниках использовали специальные ножи. О развитии виноделия свидетельствуют две небольшие переносные винодавилки, случайно оказавшиеся среди камней в одном из погребений Заветнинского могильника.

Вполне вероятно, что поздние скифы выращивали и садовые культуры. Во всяком случае, в Неаполе найдено обугленное яблоко, в Усть-Альме — груша, в Заветнинском могильнике — скорлупа грецких орехов. Правда, эти плоды могли быть куплены скифами у греков.

Кроме перечисленных прямых доказательств развития земледелия у поздних скифов, можно упомянуть и некоторые косвенные данные. Например, живший в Неаполе греческий купец Евмен посвятил статую богине плодородия Деметре. Видимо, его доходы зависели от урожая на скифских полях. Изображение Деметры чеканилось, наряду с хлебным колосом, на монетах Скилура.

В античной литературной традиции сохранилось немало сведений о животных, которых выращивали скифы. Однако почти все эти упоминания относятся к кочевым скифам, ко времени, предшествующему возникновению позднескифского государства.

Исключение в этом смысле составляет замечание Вергилия о том, что скифы и меоты держат скот взаперти на скотных дворах⁹⁶.

Такой способ содержания скота невозможен при кочевом образе жизни и, следовательно, не мог применяться до того, как скифы осели на землю. Основным источником сведений о животноводстве является остеологический материал. При раскопках позднескифских памятников найдены многие тысячи костей домашних животных. Выяснено, что в наибольших количествах разводили крупный и мелкий рогатый скот, а также лошадей. Обнаружены кости свиней, ослов (всего от четырех особей) и одна кость верблюда. Последняя находка вызывает предположение о существовании караванных путей, связывавших Крым с отдаленными восточными областями. Изображения голов верблюдов можно опознать и на бронзовом навершии, найденном в позднескифском погребении близ Керкинитиды. В связи с этим вспоминается мнение крупнейшего советского остеолога В. И. Цалкина, который полагал, что некоторые крупные кони, в частности, изображенный на стене склепа № 9 в Неаполе, были выведены поздними скифами в результате скрещивания местных животных с приведенными из Средней Азии⁹⁶.

Овец и свиней разводили главным образом на мясо. Поэтому значительная часть костей этих животных принадлежит молодым особям. Из шерсти овец изготовляли войлок и кошмы, которые часто находят в погребениях. Войлок шел на изготовление одежды, о чем свидетельствует, например, шапка на голове певца, изображенного в склепе № 9. Крупный рогатый скот, естественно, тоже выращивался для получения мяса. По всей вероятности, использовалось и молоко. Для изготовления молочных продуктов, очевидно, использовали некоторые виды лепных сосудов, имевшие сквозные отверстия в стенках. Товарный характер земледелия у поздних скифов предполагает наличие плуга. Быки, возможно, наряду с лошадьми использовались при пахоте в качестве тягловой силы. На городище Альма-кермен найден каменный жернов диаметром 2,2 м. Жернова такого размера можно было вращать, только используя мускульную силу животных⁹⁷. Лошадь служила под седлом. Такое ее использование как нельзя лучше подтверждается многочисленными изображениями всад-

ников, а также находками деталей конской сбруи. Лошадей запрягали в повозки (пароконная повозка изображена на одной из монет Скилура). По предположению В. И. Цалкина конину употребляли в пищу. Очень вероятно, что, как и в раннескифское время, использовалось кобылье молоко.

Имеются факты знакомства поздних скифов с разведением домашней птицы, в частности кур и гусей. Кости кур найдены в Неаполе, а на стене склепа № 9 изображен петух. В позднескифском слое поселения Тарпанчи обнаружены кости гуся. Известна костяная фигурка из Неаполя, изображающая эту птицу. Фигурки водоплавающих птиц украшают бронзовые кольца из мавзолея Неаполя и деревянные веретена из Усть-Альминского некрополя. Но ни в том, ни в другом случае нельзя быть полностью уверенным в том, что изображены домашние птицы.

Судя по количеству костей диких животных, охота играла очень скромную роль в хозяйстве поздних скифов. Тем не менее этот вид промысла существовал. Охотились главным образом на оленей и кабанов. Такой вывод хорошо подкрепляется изобразительной традицией. На всех надгробиях со сценами охоты объект ее единственный — олень. Сюжет росписи склепа № 9 — травля кабана собаками. Если верить изображениям на надгробных рельефах, охотились обычно верхом, с собаками.

Поздние скифы, жившие в прибрежных поселениях северо-западного Крыма, весьма активно занимались рыбной ловлей, в основном кефали, а также морского карася и камбалы. Вылавливались также дельфины, морские моллюски и крабы. На Чайке

Надгробная стела (Кермелкыр).

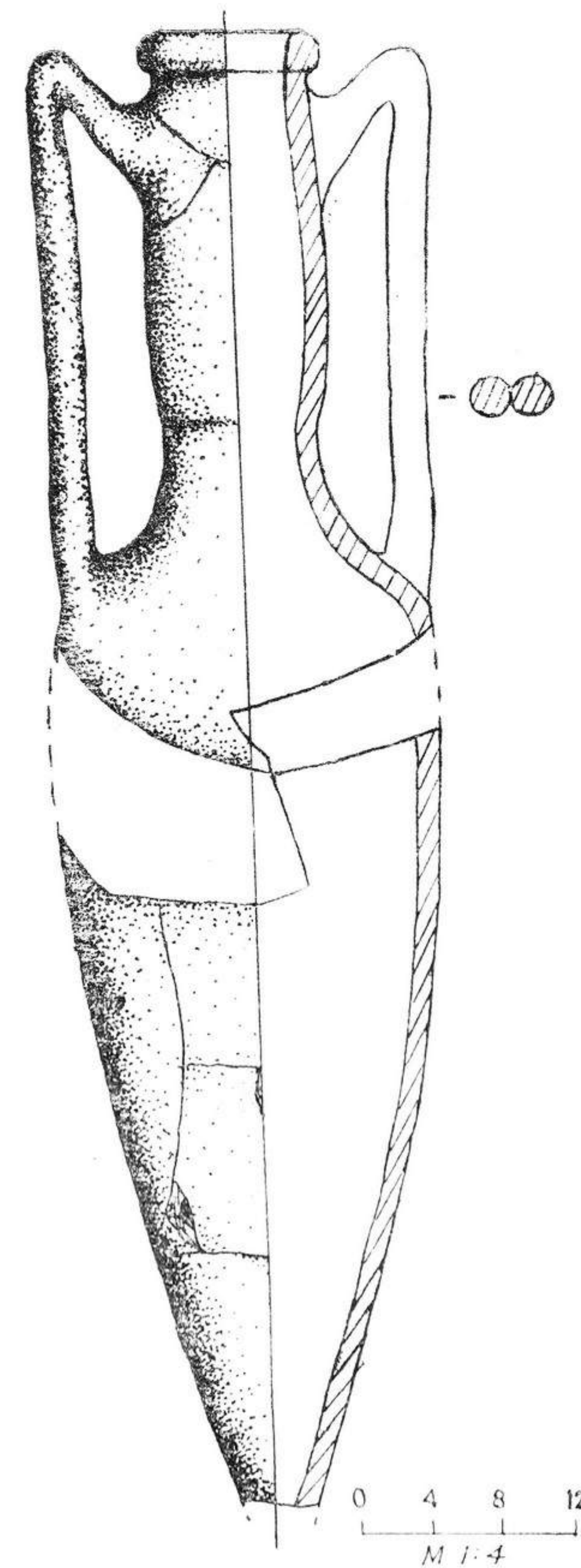
обнаружена осетровая чешуя. Рыболовство было морским, небольшие крымские речки, на берегах которых находились десятки позднескифских поселений, для этого не использовались. Любопытно, что на Усть-Альминском городище, расположенном при впадении Альмы в море, имеются кости только морских рыб.

Среди жителей позднескифских поселений было немало ремесленников, работавших с камнем, деревом, костью, металлами. В широком масштабе велись строительные работы с использованием камня, сырцового кирпича и деревянных конструкций. Причем поздние скифы владели не только элементарными строительными приемами, без которых не может быть возведена ни одна постройка, но и некоторыми специфическими. Они умели сооружать своды, делать островерхие крыши, лестницы и многое другое, изобрели способ укрепления углов зданий с помощью специально отработанных Г-образных камней, глинобитные полы иногда устраивали на специальных подушках из золы, что улучшало гидро- и термоизоляцию помещений, служило защитой от грызунов, насекомых, червей, пресмыкающихся.

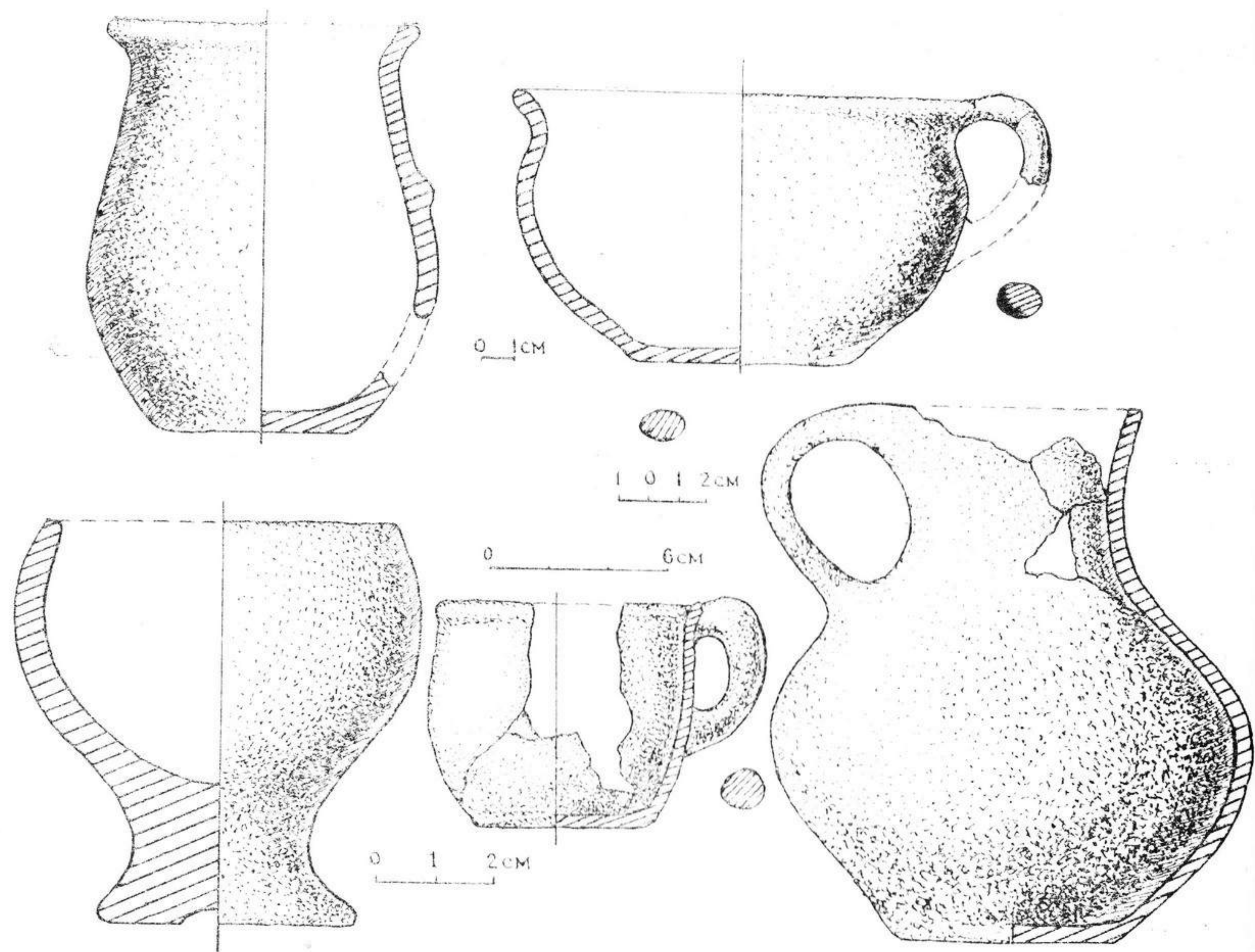
Найдено немало предметов, изготовленных скифскими каменотесами. Они хорошо обрабатывали плиты, необходимые для устройства некоторых типов погребальных сооружений, делали крышки для зерновых ям, большие жернова и маленькие терочки, ступы, корыта, винодавилни, точильные камни, надгробия (рельефы на них высекали высококвалифицированные мастера или даже художники-профессионалы), колонны, архитектурные детали, постаменты статуй, плиты, на которых вырезались надписи. Плотники изготавливали деревянные каркасы, без которых невозможно было возведение стен из сырцовых кирпичей. Можно предположить, что при возведении высоких каменно-сырцовых стен и башен нельзя было обойтись без строительных лесов и простейших подъемных механизмов, что также было делом плотников. Они же отвечали за изготовление балок и прочих деревянных конструкций, необходимых для устройства черепичных крыш. Представление об уровне деревообработки у поздних скифов помогают составить некоторые памятники изобразительного искусства. В склепе № 9 в Неаполе изображен дом с приставной деревянной лестницей. На стене одного из домов нацарапаны

очертания стенобитной машины, вероятно, тоже из дерева. Скифы умели делать деревянные повозки, в которых запрягали лошадей, что подтверждается изображением на монете Скилура. Все перечисленные виды работ можно отнести к разряду плотницких. Однако сохранились и изделия, требовавшие умения столяра. Например, гребни, туалетные коробочки-пиксиды, древки для стрел и копий, многое другое. Судя по рисункам в склепе № 9, некоторые дома венчались резными фигурками в виде «коньков».

При раскопках любого позднескифского поселения в огромном количестве попадаются обломки керамических сосудов. Это фрагменты амфор, сосудов различных форм, изготовленных на гончарном круге и покрытых специальным составом, — так называемым красным лаком, а также разнообразная лепная керамика. Амфоры и краснолаковая посуда целиком ввозились из античных городов Северного Причерноморья, лепная производилась на месте самими скифами. В разных местах обнаружены специальные печи, предназначенные для обжига лепных сосудов, а на городище Кермен-кыр открыт целый комплекс таких печей⁹⁸. Их наличие безусловно свидетельствует о том, что изготовление керамики вышло у поздних скифов из среды домашнего производства и выделилось, наряду со строи-

Амфора (Булганакское городище).

Лепные сосуды (Булганакское городище).

тельным делом, обработкой камня, деревообработкой, в самостоятельную отрасль ремесла. Правда, ассортимент изделий скифских мастеров, если исключить лепные сосуды, был не очень разнообразен. Из глины делали жаровни, очажные подставки, грузила для веретен — пряслица, светильники, ткацкие грузила, культовые хлебцы, антропоморфные и зооморфные статуэтки. Наряду с этим скифы освоили производство изделий из железа, бронзы, кости и кожи. Предметы из этих материалов найдены во множестве, но следов мастерских очень немного, к тому же они плохо сохранились. Поэтому трудно определить, какие из вещей изготовлены самими скифами, а какие импортированы из античных городов Северного Причерноморья.

Простейшей формой социального объединения у поздних скифов была семья. Многие исследователи пытались реконструировать их семейно-брачные отношения, но из-за почти полного отсутствия письменных источников приходится оперировать в основном археологическими данными, которые не поддаются однозначной интерпретации. Поэтому желаемой ясности в этом вопросе достигнуть не удалось.

Пожалуй, можно считать установленным, что в подавляющем большинстве случаев позднескифская семья состояла из одного или двух поколений брачных пар и их малолетних детей⁹⁹. Впрочем, царская семья представляла собой исключение из этого правила. У царя Скилура было по одним данным 50, по другим — 80 сыновей. Понятно, что были еще и дочери, одна из которых упомянута в цитированной выше надписи из Пантиканея. Если речь действительно идет о родных детях царя, то можно сделать вывод, что Скилур содержал многочисленных жен или наложниц. Размер семьи, вероятно, во многом зависел от ее имущественного положения. В этом смысле различные семьи находились в далеко не равных условиях. Имущественную, а вместе с тем и социальную градацию населения Неаполя позволяют установить материалы, полученные при раскопках его некрополя.

Основную часть могильника, как уже говорилось, составляют земляные склепы и подбойные могилы, содержащие небогатый погребальный инвентарь. Учитывая массовый характер этих захоронений, нетрудно предположить, что они принадлежали рядовому населению. Несомненно более богатым и социально значимым семьям принадлежали погребения в склепах, вырубленных в скале. В мавзолее, во всяком случае сначала, хоронили членов царской семьи или рода*. Погребения с останками выдающихся

* Иногда мавзолей рассматривают как усыпальницу высшей родовой аристократии, царского рода, а вырубленные в скале склепы как аристократические погребальные сооружения, принадлежавшие семьям, стоявшим в социальной организации на ступеньку ниже¹⁰⁰. Но мавзолей, однако, прекратил свое существование в I в. н. э., склепы в это время только начинали функционировать. Следовательно, вырубленные в скале и украшенные росписями склепы приходят как бы на смену мавзолею.

жителей позднескифских поселений сохранились и в других могильниках (Беляусском, Усть-Альминском, Заветнинском, Скалистом III). Обычно они отличаются находками золотых украшений, оружия (особенно мечей) и надгробных стел. О социальной неоднородности населения свидетельствуют и результаты раскопок поселений, точнее, остатков жилых домов. Часть из них представляла собой довольно монументальные многокомнатные постройки с черепичными крышами, иногда со стенами, украшенными росписями. Наряду с ними существовали полуземлянки площадью в несколько квадратных метров, также предназначенные для жилья.

Впрочем, не во всех поселениях сколько-нибудь заметная дифференциация имела место. Например, люди, оставившие могильники Димитрово и Скалистое II, хоронили умерших в совершенно одинаковых погребальных сооружениях со стандартным набором инвентаря. Из письменных источников хорошо известно, что в позднескифском обществе существовала прослойка высшей аристократии, представители которой были часто связаны родственными узами. Политическое руководство принадлежало царю, власть которого переходила от отца к сыну. Впрочем, не исключено, что у поздних скифов одновременно было несколько царей. Это можно заключить из отрывка трактата Мемнона «О Геракле», где скифские цари дважды упомянуты во множественном числе: римляне обязали Митридата вернуть «скифским царям их родовые владения», Митридат «привлек на свою сторону... царей скифских»¹⁰¹. Любопытно, что, по Плутарху, в триумфе Помпея среди прочих пленных участвовали «скифские жены Митридата»¹⁰². Можно думать, что Митридат с целью укрепления союза со скифами считал нужным взять в жены не только представительницу дома Скилура, но и родственниц других аристократов, возможно, тех царей, которых упоминает Мемнон. Тем не менее очевидно, что высшее руководство, во всяком случае во времена Скилура, было сосредоточено в руках одного человека.

Говоря о социальной организации поздних скифов, необходимо вспомнить следующее. Скифы обладали определенной достаточно компактной территорией, включающей в себя предгорный и северо-западный Крым. В случае военных конфликтов они

выступали как единая политическая сила во главе с царем, ставка которого находилась в крупном городе, расположенном в самом центре полуострова. Царь чеканил от своего имени монету, осуществлял крупные строительные мероприятия, возглавлял войско. Жители скифских поселений не были однородны как в имущественном, так и в социальном положении, различаясь по отношению к средствам производства. Значительная часть населения была занята в сельском хозяйстве. Сельское хозяйство в большой степени ориентировалось на внешнеторговые связи, которые удовлетворяли потребности общества в импортных товарах. Продукция же ремесленников почти не имела выхода за пределы позднескифских поселений, хотя сами ремесленники составляли немалое число их жителей. Все это признаки того, что крымские позднескифские поселения входили в состав единого государства.

Почти все исследователи, занимавшиеся историей поздних скифов, полагали, что в это государство входило наряду с Крымом и Нижнее Приднепровье, где открыты поселения и могильники, близкие по культуре крымским. Это предположение основывалось главным образом на замечании Страбона, который назвал Крым, а также область между Перекопом и Днепром Малой Скифией. Однако этот отрывок из сочинения древнего энциклопедиста можно трактовать не только в политическом, но и в географическом или в этнографическом смыслах. Все источники, на основании которых был сделан вывод о существовании позднескифского царства, относятся именно к Крыму, но не к Приднепровью. В степях между Перекопом и Днепром совсем не известны скифские, но зато очень хорошо известны сарматские памятники. Сарматы далеко не всегда поддерживали со скифами дружественные отношения, и это обстоятельство не могло не препятствовать функционированию отдаленного приднепровского региона как составной части государства. Показательна карта, составленная на основании источников I в. до н. э., где по Перекопскому перешейку проходила граница между Таврической Скифией и Сарматией¹⁰³.

Таким образом, приходится признать, что представление о двух составных частях единого позднескифского государства не имеет надежной опоры в источниках.

Как уже говорилось, судя по данным археологии, позднескифское государство вышло из Диофантовых войн ослабленным, но вполне жизнеспособным. Это подтверждается и письменными источниками.

Известно, например, что почти сразу после гибели Митридата скифы приняли участие в междоусобной войне за Боспорский престол. Из знаменитой надписи, которая для краткости обычно именуется «Деяния божественного Августа», узнаем, что они послали к основателю Римской империи Августу послов с просьбой о дружбе¹⁰⁴. Какова была цель этого посольства, точно неизвестно. Можно предположить, что скифы с помощью римлян пытались как-то уладить свои взаимоотношения с Боспором. На такую мысль наталкивают две надписи, посвященные боспорскому царю Аспургу (8 г. до н. э.—38 г. н. э.), где сказано, что он подчинил скифов и тавров¹⁰⁵. Следовательно, в конце I в. до н. э.—начале I в. н. э. имели место какие-то конфликты, в том числе, вероятно, и военные, между скифами и Боспором.

По поводу надписей о победах боспорских царей, тех, которые только что упомянуты, и тех, о которых речь пойдет ниже, необходимо сделать одно источниковедческое отступление. Если следовать точному смыслу этих надписей, то придется признать, что боспорские цари в течение I—II вв. н. э. непрерывно, одну за другой одерживали победы над скифами. Но необходимость во все новых и новых победах могла заключаться только в том, что между победами приходилось испытывать поражения, которые, естественно, предпочитали замалчивать. Еще М. И. Ростовцев писал: «...после некоторых успехов в борьбе с ними (тавроскифами.— Авт.) боспорские цари могли себе позволить дешевое удовольствие включить их имя в свой титул»¹⁰⁶. Эпиграфические документы такого рода свидетельствуют лишь о том, что в указанное время взаимоотношения между скифами и Боспором часто были враждебными и периодически выливались в военные конфликты. Вероятно, беспокойные западные соседи вынудили боспорских царей выстроить на рубеже с ними в середине I в. н. э. мощную крепость Илурат (на Керченском полуострове, близ современного села Ивановка)¹⁰⁷. И, видимо, вовремя, так как в конце I—начале II в. н. э., в течение двух-трех десятилетий,

цари Боспора — сначала Савромат I, а затем Котис II — в специальных надписях отмечались за победу над скифами¹⁰⁸. Не следует думать, что Боспор и скифы постоянно находились в состоянии войны. Были, конечно, и периоды мирных отношений. Об этом можно догадаться, зная о многочисленных находках боспорских изделий на позднескифских поселениях. Наиболее интересная в этом смысле вещь — серебряная тарелка с надписью, удостоверяющей ее принадлежность боспорской царице Гипеирии (39/40—44/45 гг. н. э.). Обнаруженная в Неаполе, находка эта, видимо, представляла собой дар, полученный скифами в результате каких-то политических контактов с Боспором¹⁰⁹.

В I в. до н. э.—I в. н. э. скифы были настолько сильны, что могли вести военные действия на два фронта: и против Боспора, и против Херсонеса. Причем относительно Херсонеса их стратегия может быть охарактеризована как агрессивная, а тактика как наступательная. Судя по одной из надписей, они, возможно, угрожали городу около 25 г. до н. э.¹¹⁰ Скифы прочно удерживали в своих руках бывшую хору Херсонеса — северо-западный Крым. Недаром автор древнего описания Черноморского побережья Арриан называет скифскими Керкинитиду и Калос Лимен. Его сведения со всей очевидностью подтверждаются данными археологии: на поселениях, расположенных на северо-западе, накопились мощные культурные слои, датируемые I в. до н. э.—I в. н. э. Об этом времени у нас нет таких подробных источников, как об эпохе Митридата, но можно догадываться, что и на этот раз Херсонес оказался бессильным перед скифами. Граждане его были вынуждены обратиться за помощью к правителю римской провинции Мезии Тиберию Плавтию Сильвану. Именно он около 63 г. н. э., как сказано в его надгробной надписи, «...отогнал царя скифов от Херсонеса...» и оставил в городе гарнизон, избавив граждан от притязаний соседей¹¹¹.

Ко времени столкновения скифов с римлянами их общество претерпело серьезные изменения, по сравнению, например, с эпохой правления Скилура. И если о сфере социальных отношений почти нет источников и, строго говоря, нельзя быть уверенным даже в самом существовании позднескифского государства, то об этнических трансформациях наши знания более обширны.

Исследования погребальных обрядов, особенностей материальной культуры, антропологические характеристики показывают, что основу жителей позднескифских поселений и в первые века нашей эры составляли потомки скифов, кочевавших в северо-причерноморских степях в VII—IV вв. до н. э. Однако этот массив впитал в себя значительные компоненты других этносов. Заметную роль сыграли в этом сарматы. Из письменных источников известно об их политических связях с поздними скифами, но этим контакты не ограничивались. Сарматы становились жителями позднескифских поселений. Сделаны попытки проследить волны сарматских миграций на территорию позднескифского государства¹¹². Захоронения в колодах, посыпание могил мелом или углем, конструкция некоторых погребальных сооружений, особенно подбойных могил, положение умерших со скрещенными в голених ногами или с руками, сложенными на животе, частичная смена ориентации погребенных с широтной на меридиональную и другие признаки позволяют археологически проследить присутствие сарматов. Нельзя не заметить, что к первым векам нашей эры традиционное скифское вооружение целиком сменилось на сарматское, появились новые элементы костюма, например, края платьев стали обшивать бусами, как это было у сарматов. Но изменения в вооружении и одежде, может быть, не стоит связывать с прямым проникновением сарматов в позднескифскую среду: такова была мода, распространившаяся в обширных регионах, расположенных к северу от Черного моря. Другое дело религиозные представления. Они фиксировались в перечисленных выше особенностях погребального обряда и могли появиться, вероятно, только вместе с их носителями. Сарматы поселялись среди поздних скифов рассеянно, но кое-где, очевид-

Позднескифский костюм (реконструкция).

но, составляли достаточно компактные группы. Одной из таких групп (может быть, осевшему на землю племени) принадлежал могильник Скалистое II, отличавшийся однообразием погребальных сооружений и инвентаря, и могилы. И найденные в них вещи не противоречат предположению о том, что их оставили сарматы¹¹³.

Пожалуй, труднее выявить следы пребывания среди поздних скифов тавров. Археологически они улавливаются в некоторых конструкциях погребальных сооружений (наиболее ярко в уже упоминавшихся тавельских курганах), в отдельных формах лепных сосудов и очень редко в бронзовых украшениях. Однако в данном случае на помощь приходят письменные источники. В них для обозначения населения Крыма и появляется новый термин — «тавроскифы» или «скифотавры»¹¹⁴. Это название широко распространяется в первые века нашей эры. Оно употребляется, например, в надписях боспорских царей, которые должны были хорошо знать своих ближайших соседей. Скорее всего, мы имеем дело с процессом слияния двух ранее самостоятельных этносов — тавров и скифов. Судя по тому, что в это время исконный район обитания тавров — Крымские горы — запустел, тогда как позднескифские поселения в предгорьях продолжали жить активной жизнью, миграция шла в одном направлении: тавры спускались с гор и вливались в состав жителей позднескифских поселений.

Заметное влияние на позднескифскую культуру оказали эллины. Причем не только на материальную (скифы пользовались огромным количеством вещей, купленных у греков, заимствовали многие архитектурные приемы и т. д.), но и духовную. В столице государства устанавливались греческие статуи, живопись развивалась под заметным влиянием греческих, а конкретно боспорских образцов, надписи высекались на греческом языке (причем не только в Неаполе).

Привести подобных примеров можно и больше, но все равно остается неясным, в какой мере эти влияния обуславливались притоком греческих переселенцев в позднескифские поселения, а в какой — иными причинами (приглашением скульпторов и живописцев на временную работу, изучением греческого языка и письменности самими скифами и т. д.). Правда, хорошо известно,

что в Неаполе жили греческие купцы, сначала Посидей, позже Евмен, но это могли быть и единичные случаи. Скифы испытывали влияние и некоторых других народов. При раскопках попадаются вещи, происхождение которых можно связать с фракийцами и кельтами. Однако довольно сложно установить, были ли эти предметы делом рук самих фракийцев и кельтов или их изготовили скифы по чужеземным образцам. Впрочем, количество, а главное, ассортимент изделий таков, что позволяет предположить наличие фракийцев среди поздних скифов. Относительно кельтов строить подобные предположения пока рано.

Таким образом, римлянам пришлось столкнуться в Крыму с довольно сложным по составу населением. Первые подразделения римских войск появились здесь в 40-е гг. I в. н. э., но основательно они укрепились на полуострове в связи с упоминавшимся уже, спровоцированным скифами походом Тиберия Плавтия Сильвана. Важнейшей базой римских войск и флота в Крыму стал Херсонес. Но форпосты римлян находились и за пределами этого города.

В частности, на Южном берегу была выстроена крепость Харакс¹¹⁵. Стремясь установить контроль над внутренними районами полуострова, одно из подразделений XI Клавдиева легиона заняло скифское поселение Альма-кермен¹¹⁶. Бывшие его жители были выселены за пределы оборонительных стен и обосновались в ближайших окрестностях. На Альма-кермене римляне устраивали свою жизнь весьма основательно. Они возводили капитальные дома и даже организовали редкое для Крыма и совершенно не известное поздним скифам производство стеклянных изделий. Римские легионы проникали и в другие районы Крыма. Об этом свидетельствует, например, монетный клад, закопанный на пересыпи Сакского озера¹¹⁷. Но иные, кроме Альма-кермена, места длительного пребывания римлян на территории, занятой поздними скифами, не известны. Взаимоотношения между римлянами и поздними скифами иногда приобретали характер вооруженных конфликтов. Об этом можно догадаться, обратившись к надписям на некоторых надгробиях, найденных в Херсонесе. В одной из эпитафий речь идет о врачевальном отпущеннике, убитом таврами. На других надгробиях не

сказано столь прямо о виновниках смерти римских солдат, но, вероятно, некоторые из них погибли в стычках с местными племенами. В 40-е гг. I в. н. э. варвары уничтожили несколько судов с римскими легионами, которые, как сообщает Тацит, «были отнесены к берегам тавров»¹¹⁸.

В то время, когда римляне еще очень прочно удерживались в Крыму, позднескифское государство пережило какую-то крупную катастрофу. Произошло это приблизительно на рубеже I—II вв. н. э. Практически весь северо-западный Крым опустел¹¹⁹. Сохранилось только поселение Тарпанчи, но и оно, утратив оборонительные сооружения, превратилось, таким образом, в неукрепленное селище. Замирает жизнь на Булганакском поселении в центральном Крыму. При этом не зафиксировано никаких следов единовременных разрушений или пожаров, которые сопровождают обычно военные действия. Создается впечатление, что люди организованно и обдуманно покинули обжитые места. Но для этого у них должны были быть веские основания. Вспоминается, что в конце I—начале II вв. н. э. в Северном Причерноморье происходят какие-то события, сопровождаемые активными военными действиями. Поздние скифы, жившие на Нижнем Днепре, покидают все, кроме одного, из исследованных до настоящего времени поселений. Судя по эпиграфическим документам, тяжелые времена в борьбе с варварами переживает Ольвия. Горят и разрушаются многие населенные пункты на азиатской стороне Боспора и Михайловское в европейской его части.

Если предположить, что все описанные выше изменения произошли вследствие одного исторического события, а не различных, но практически одновременных, то таковым могло явиться какое-то крупное передвижение сарматских племен. Это предположение не находит надежного подтверждения в источниках, но, известно, что в указанное время сарматы представляли собой в Северном Причерноморье единственную политическую силу, способную действовать на огромных территориях от кавказского побережья Черного моря на востоке до Приднепровья на западе.

Во II—III вв. н. э. в предгорном Крыму возникает довольно любопытная группа поселений, состоящих из маленьких укреп-

ленных убежищ, лишенных культурного слоя и расположенных вблизи обширных селищ¹²⁰. Вероятно, люди не жили в убежищах постоянно, а собирались туда из неукрепленных поселков в случае военной опасности. Возможно, возникновение таких комплексов в предгорьях объясняется притоком в эти места населения, оставившего северо-западный Крым.

Удивительно, что, несмотря на эти события, при римском императоре Антонине Пие (138—161 гг. н. э.) тавроскифы напали на Ольвию. Опасность для ольвиополитов была настолько серьезной, что они вынуждены были запросить о помощи императора. Римляне совместно с ольвийским ополчением нанесли варварам поражение, причем был заключен выгодный для Ольвии договор, для гарантии исполнения которого тавроскифы выдали своих заложников¹²¹.

Проявляя активность на западе, на востоке скифы испытывали давление со стороны Боспора. 193 г. н. э. датируется найденная в Танаисе надпись, в сохранившейся части которой читаем: «...завоевав сираков и скифов и Таврику присоединив по договору...»¹²². Вероятно, при царе Савромате II, ко времени правления которого относится эта надпись, Боспору удалось нанести скифам серьезное поражение. Во всяком случае, такая формулировка ранее не встречалась. Другой боспорский царь Рескупорид III (210/211—226/227 гг. н. э.) назван уже царем «всего Боспора и тавроскифов»¹²³. Возможно, Рескупорид III предпринимал походы в глубь Скифии. Дело в том, что за все время раскопок позднескифских памятников найдено только три монетных клада (в Неаполе и неподалеку от него в Чокурче и Беэли), которые были закопаны во время правления Рескупорида III — в конце первой четверти III в. н. э. Заметим также, что имя Рескупорида III упомянуто в надписи, найденной намного западнее традиционных боспорских границ, в г. Старый Крым¹²⁴. Правда, не исключена возможность того, что надпись попала в Старый Крым случайно в недавнее время.

Раскопки поселений в центральном и юго-западном Крыму показывают, что весьма интенсивная жизнь на них продолжалась и позднее описанных выше событий. Позднескифские поселения и связанные с ними могильники перестали функционировать

практически одновременно в середине III в. Из письменных источников известно, что в это время в Крыму появляется племенной союз, возглавляемый германскими племенами готов. Военственность готов описана многими древними историками. Поэтому есть все основания полагать, что именно этими племенами были уничтожены позднескифские поселения.

Следы готского разгрома прослежены археологически. Например, в слоях, образовавшихся в связи с разрушением Неаполя, обнаружено несколько десятков костяков и отдельных черепов, захороненных без соблюдения обычных норм погребального обряда. В одной из ям найдено 42 травмированных черепа. Сейчас трудно решить защитникам города или его захватчикам принадлежат эти останки. Но, несмотря на трудности, связанные с датировкой этих погребений, можно предположить, что они были совершены сразу после окончательной гибели Неаполя¹²⁵. Уточнить время проникновения готов на территорию поздних скифов позволяет клад из серебряных римских монет антонинианов, найденный в долине Качи. Обстоятельства находки не вполне ясны, но можно согласиться с авторами публикации о ней, которые полагают, что клад принадлежал одному из готских воинов¹²⁶. Самая поздняя монета клада датируется 251 г. н. э. Вероятно, клад был спрятан чуть позже этого времени. Готский разгром скифы пережить не смогли, лишь кое-где, очевидно, в самых глухих уголках, продолжала теплиться жизнь. Только на одном городище — Тас-тене в долине Качи — обнаружены достоверные материалы IV в.¹²⁷. Гибель этого, но не исключено, что и некоторых других поселений, можно связать, конечно, лишь гипотетически, с нашествием гуннов, появившихся в Крыму в 70-х гг. IV в. н. э.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таков финал скифской истории. Часть жителей позднескифских поселений, видимо, вошла в состав готских племен, другая часть оказалась среди гуннов, третья отступила в горы и стала одним из компонентов складывающейся здесь средневековой крымской народности. Во всяком случае, скифы утратили свою территорию, общность материальной и духовной культуры и, таким образом, перестали существовать как единый народ. Вероятно, некоторые позднескифские черты обогатили культуру ассимилировавших их племен. Отчасти это прослежено археологически на примере таких могильников, как Чернореченский, Инкерманский, Совхоз № 10 близ Севастополя, Озерное III в юго-западном и Нейзац в центральном Крыму, но довольно скоро последние реминисценции скифской культуры «размываются» под мощным воздействием различных населяющих Крым этносов. За пределами Крыма все скифское было утрачено еще раньше. Поэтому ни один из современных народов не может претендовать на то, чтобы называться прямым потомком скифов.

Правда, само имя скифов еще долго фигурирует в различных источниках. Недостаточно осведомленные авторы называли так появлявшихся на черноморских берегах готов, гуннов, хазар, славян. Да и все Северное Причерноморье нередко по-прежнему именовалось Скифией. Но это не более, чем отзвук былой славы знаменитых скифов.

Каждый народ проходит свой отрезок пути, который называется историей человечества. Путь скифов не был короток, около тысячи лет отмерила им история. Долгое время они представляли собой господствующую политическую силу на обширных степных пространствах между Доном и Дунаем. Поэтому история юга нашей страны не может быть исследована вне контекста

истории скифов. Недаром её реконструкцией занимается уже далеко не первое поколение исследователей. Но, думается, не только сознание важности взятой на себя миссии заставляет ученых часами не подниматься из-за письменных столов и лишаться привычного комфорта, работая в экспедициях. Огромный, неподвластный усилиям воли, интерес движет ими. Интерес к прошлому совершенно естественным образом присущ каждому человеку, и мы надеемся, что читатели немного удовлетворили его, прочитав эту книгу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- ¹ Варущенко С. И., Варущенко А. Н., Клиге Р. К. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремя.— М., 1987.— С. 154.
- ² Львова Е. В. Равнины Крыма.— Симферополь, 1982.— С. 29.
- ³ Варущенко С. И., Варущенко А. Н., Клиге Р. К. Изменение режима...— С. 154—160.
- ⁴ Крым: Путеводитель / Сост. С. К. Сосновский.— Симферополь, 1979.— С. 17—20.
- ⁵ Сумароков П. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду.— Спб, 1803.— Ч. 2.— С. 103.
- ⁶ Брукс К. Климаты прошлого.— М., 1952.— С. 282.
- ⁷ Федоров П. В. Позднечетвертичная история Черного моря и развитие южных морей Европы // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР.— М., 1977.— С. 30; Федоров П. В. Плейстоцен Понто-Каспия.— М., 1978.— С. 119.
- ⁸ Федоров П. В. Плейстоцен...— С. 119; Новые данные о палеогидрологическом режиме Черного моря в верхнем плейстоцене и голоцене // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР.— М., 1977.— С. 131.
- ⁹ Иевлев М. М. Палеогеографическая обстановка в степных районах Северного Причерноморья в VII—V вв. до н. э. // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвященного памяти А. И. Тереножкина.— Кировоград, 1987.— Ч. 1.— С. 64—66.
- ¹⁰ Монин А. С., Шишков Ю. А. История климата.— Л., 1979.— С. 342—343; Бучинский И. Е. Климат Украины в прошлом, настоящем и будущем.— 1963.— С. 78.
- ¹¹ Маслов С. П., Филин В. Р. К вопросу о природных условиях окрестностей городища «Чайка» (Евпаторийское побережье Крыма) в античное время и средневековье // История биогеоценозов СССР в голоцене.— М., 1976.
- ¹² Федоров П. В. Плейстоцен...— С. 120; Шилик К. К. Изменение уровня Черного моря в позднем голоцене и палеопография археологических памятников Северного Причерноморья античного времени // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР.— М., 1977.— С. 162; Шилик К. К. Измене-

- ния уровня Черного моря в позднем голоцене (по материалам геоморфологических и археологических исследований в северо-западной части бассейна): Автореф. дис. канд. географ. наук.— Л., 1975.— С. 12.
- ¹³ Брукс К. Климаты прошлого.— С. 282; Монин А. С., Шишков Ю. А. История климата.— С. 343.
- ¹⁴ Смирнов А. П. Скифы.— М., 1966; Граков Б. Н. Скифия VII—IV вв. до н. э.— К., 1983; Тереножкин А. И., Скифия VII—IV вв. до н. э.— К., 1983; Яценко И. В., Раевский Д. С. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии // Народы Азии и Африки.— 1980.— № 5.
- ¹⁵ Цветаева Г. А. Сокровища причерноморских курганов.— М., 1968; Брашинский И. Сокровища скифских царей.— М., 1967.
- ¹⁶ Арх. ЛО ИА АН СССР*.— Ф. 1, д. 1883/44.
- ¹⁷ Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота.— М., 1982.
- ¹⁸ Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен.— М., 1977.
- ¹⁹ Тереножкин А. И. Киммерийцы.— К., 1976; Щепинский А., Черепанова Е. Степные курганы.— Симферополь, 1972.— С. 42.
- ²⁰ Корпусова В. Н. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана у с. Филатовка в Крыму // ВДИ.— 1980.— № 2.— С. 73.
- ²¹ Ленин В. И. О государстве // Полн. собр. соч.— Т. 39.— С. 73.
- ²² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 21.— С. 163.
- ²³ Геологическая история Керченского пролива в позднечетвертичное время // Позднечетвертичная история и седиментогенез окраинных и внутренних морей.— М., 1979; Федоров П. В. Плейстоцен Понто-Каспия.— С. 19.
- ²⁴ Латышев В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе // ВДИ.— 1947.— № 4.— С. 202, 206.
- ²⁵ Сумароков П. Записки крымского судьи...— С. 93.
- ²⁶ Сумароков П. Записки крымского судьи...— С. 103; Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД.— 1883.— Т. 13.— С. 50.
- ²⁷ Ольховский В. С. Население Крыма по данным античных авторов // СА.— 1981.— № 3.

* Список сокращений см. на с. 122.

- ²⁸ Лесков А. М. Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры.— К., 1965; Дорогой тысячелетий.— Симферополь, 1969.— С. 16—25.
- ²⁹ Щепинский А. Во тьме веков.— Симферополь, 1966.— С. 131—151.
- ³⁰ Ольховский В. С. О населении Крыма в скифское время // СА.— 1982.— № 4.
- ³¹ Шульц П. Н., Столяр А. Д. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира // КСИИМК.— М., 1958.— Вып. 71; Столяр А. Д., Щепинский А. А. Курганы у симферопольского водохранилища // Катакомбные культуры Северного Кавказа.— Орджоникидзе, 1981.
- ³² Ольховский В. С. О населении Крыма...— С. 62.
- ³³ Античные государства Северного Причерноморья.— М., 1984.
- ³⁴ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство.— М.; Л., 1949.— С. 34.
- ³⁵ Черненко Е. В. Скифо-персидская война.— К., 1984; Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия.— М., 1979.
- ³⁶ Латышев В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе // ВДИ.— 1949.— № 3.— С. 288.
- ³⁷ Стевен А. Х. Раскопки курганов близ Симферополя летом 1890 года // ИТУАК.— 1891.— № 11.— С. 146.
- ³⁸ ОАК за 1985 г.— Спб., 1987.— С. 17.
- ³⁹ Кашпар О. А. Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные профессором Н. И. Веселовским летом 1895 года // ИТУАК.— 1896.— № 24.— С. 146.
- ⁴⁰ Колотухин В. А. Население предгорного и горного Крыма в VII—V вв. до н. э. // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э.— VII в. н. э.— К., 1987.
- ⁴¹ Силантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея // МИА.— М., 1959.— № 69.
- ⁴² Яковенко Э. В. Уздечный набор V в. до н. э. из восточного Крыма // КСИА.— М., 1970.— Вып. 124; Лесков А. М. Богатое скифское погребение из восточного Крыма // СА.— М., 1968.— № 1.
- ⁴³ Бессонова С. С., Скорый С. А. Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму // СА.— 1986.— № 4.
- ⁴⁴ Корпусова В. М. Про населения хори античної Феодосії // Археологія.— К., 1972.— Вып. 6; Маслеников А. А. Население Боспорского царства в VI—II вв. до н. э.— М., 1981; Кругликова И. Т. Каменные ящики у дер. Рыбное // Кавказ и Восточная Европа в древности.— М., 1973.
- ⁴⁵ Корпус боспорских надписей.— М.; Л., 1965.— С. 113.
- ⁴⁶ Шульц П. Н. Скифские изваяния Причерноморья // Античное общество.— М., 1967.— С. 226, 236.

- ⁴⁷ Манцевич А. П. Ритон Талаевского кургана // История и археология древнего Крыма.— К., 1957.
- ⁴⁸ Кашпар А. О. Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные профессором Н. И. Веселовским в июле и августе 1892 года // ИТУАК.— 1892.— № 16.— С. 115.
- ⁴⁹ Яковенко Е. В. Скифы сѣверо-восточного Крыма в V—III ст. до н. э.— К., 1974.
- ⁵⁰ Цветаева Г. А. Сокровища причерноморских курганов.— М., 1968.
- ⁵¹ Кирилин Д. С. Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья.— Л., 1968.
- ⁵² Латышев В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе // ВДИ.— 1947.— № 4.— С. 202.
- ⁵³ Латышев В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе // ВДИ.— 1947.— № 3.— С. 241.
- ⁵⁴ Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху.— Л., 1978.
- ⁵⁵ Смирнов К. Ф. О начале проникновения сарматов в Скифию // МИА.— М., 1971.— № 177.
- ⁵⁶ Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов.— К., 1979.— С. 8.
- ⁵⁷ Там же.— С. 39.
- ⁵⁸ Там же.— С. 58—60, 78—79.
- ⁵⁹ Дашевская О. Д. Скифское городище Красное (Кермен-Кыр) // КСИИМК.— М., 1957.— Вып. 70.
- ⁶⁰ Храпунов И. Н. Раскопки Булганакского городища (1981—1984 гг.) // КСИА.— М., 1987.— Вып. 191.
- ⁶¹ Из последних работ, отражающих различные точки зрения, см.: Раевский Д. С. Неаполь или Палакий // ВДИ.— 1976.— № 1; Высотская Т. Н. К вопросу о локализации Палакия // ВДИ.— 1983.— № 1.
- ⁶² Жебелев С. А. Херсонесская присяга // Северное Причерноморье.— М.; Л., 1953.
- ⁶³ IOSPE, 1², № 343.
- ⁶⁴ Латышев В. В. Известия // ВДИ.— 1948.— № 2.— С. 218.
- ⁶⁵ IOSPE, 1², № 402.
- ⁶⁶ Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму.— К., 1972.— С. 18—24.
- ⁶⁷ Фролова Н. А. Монеты скифского царя Скилура // СА.— 1964.— № 1.
- ⁶⁸ Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ.— 1987.— № 1.
- ⁶⁹ Высотская Т. Н. Торговые связи Неаполя скифского в эллинистический период (по данным керамической эпиграфики)

- // ВДИ.— 1978.— № 4; Голенцов А. С., Голенко В. К. Из керамической эпиграфики Неаполя // КСИА.— М., 1979.— Вып. 159.
- ⁷⁰ IOSPE, 1², №№ 670—672; Дашевская О. Д. Четвертая надпись Посидея из Неаполя скифского // СА.— 1960.— № 1.
- ⁷¹ Десятчиков Ю. М. Сатархи // ВДИ.— 1973.— № 1.
- ⁷² Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху.— Л., 1978.— С. 130—131.
- ⁷³ IOSPE, 1², № 352.
- ⁷⁴ Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре // МИА.— М., 1954.— № 36.— С. 29.
- ⁷⁵ Латышев В. В. Известия... // ВДИ.— 1948.— № 1.— С. 235.
- ⁷⁶ Латышев В. В. Известия... // ВДИ.— 1948.— № 1.— С. 282—283.
- ⁷⁷ Латышев В. В. Известия... // ВДИ.— 1947.— № 4.— С. 343.
- ⁷⁸ Латышев В. В. Известия... // ВДИ.— 1949.— № 1.— С. 255.
- ⁷⁹ Драчук В. С., Кутайсов В. А. Исследование Керкинитиды // ВДИ.— М., 1985.— № 1.
- ⁸⁰ Щеглов А. Н. Указ соч.— С. 67.
- ⁸¹ Дашевская О. Д. Раскопки на Беляусе и у оз. Донузлав // АО, 1985 г.— М., 1987.
- ⁸² Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья.— К., 1982.— С. 145.
- ⁸³ Дашевская О. Д. Граффити на стенах здания в Неаполе скифском // СА.— 1962.— № 1.
- ⁸⁴ Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя скифского.— М., 1953; Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского // МИА.— М., 1961.— № 96.
- ⁸⁵ Бабенчиков В. П. Некрополь Неаполя скифского // История и археология древнего Крыма.— К., 1957.
- ⁸⁶ Попова Е. А. О декоративном оформлении склепа № 9 восточного участка некрополя позднескифской столицы // ВДИ.— 1984.— № 1; Попова Е. А. Роспись склепа № 1 некрополя позднескифской столицы // ВДИ.— 1987.— № 2.
- ⁸⁷ Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства.— К., 1983.
- ⁸⁸ Богданова Н. А. Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // Тр. Гос. ист. музея: Археол. исслед. на юге Восточ. Европы.— М., 1982.— Вып. 54, ч. 2.
- ⁸⁹ Яценко И. В. Скифские захоронения I в. н. э. в греческом склепе близ Евпатории // Вестн. МГУ. Серия историческая.— М., 1978.— № 6.
- ⁹⁰ ОАК за 1897 год.— Спб., 1900.— С. 36—38.
- ⁹¹ ОАК за 1895 год.— Спб., 1897.— С. 9—10.
- ⁹² Янушевич З. В. Культурные растения Северного Причерноморья.— Кишинев, 1986.— С. 45—60.

- ⁹³ Щеглов А. Н. Раскопки городища Тарпанчи в 1960 г. // Сообщ. Херсонес. музея.— Симферополь, 1960.— Вып. 3.
- ⁹⁴ Высотская Т. Н. Некоторые аспекты духовной культуры населения Усть-Альминского городища // Античная и средневековая археология.— Свердловск, 1985.— С. 135.
- ⁹⁵ Латышев В. В. Известия... // ВДИ — 1949.— № 1.— С. 197.
- ⁹⁶ Цалкин В. И. Домашние и дикие животные из скифского Неаполя // СА — 1954.— № 20; Он же. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА.— М., 1960.— № 53.
- ⁹⁷ Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму.— С. 168.
- ⁹⁸ Домбровский О. И. Керамическая печь на скифском городище «Красное» // История и археология древнего Крыма.— К., 1957.
- ⁹⁹ Различные точки зрения см.: Раевский Д. С. Позднескифская семья по археологическим данным // Советская этнография.— 1971.— № 2; Хазанов А. М. Социальная история скифов.— М., 1975.— С. 64; Михлин Б. Ю. О характере позднескифской семьи // СА — М., 1987.— № 2.
- ¹⁰⁰ Симонович Э. А. Указ. соч.— С. 113.
- ¹⁰¹ Латышев В. В. Известия... // ВДИ — 1948.— № 1.— С. 235.
- ¹⁰² Латышев В. В. Известия... // ВДИ — 1947.— № 4.— С. 343.
- ¹⁰³ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор.— Л., 1925.— С. 44—45.
- ¹⁰⁴ Немировский А. И., Дашкова М. Ф. «Римская история» Веллея Патеркула.— Воронеж, 1985.— С. 188—189.
- ¹⁰⁵ КВН.— № 39, 40.
- ¹⁰⁶ Ростовцев М. И. Указ. соч.— С. 67.
- ¹⁰⁷ Гайдукевич В. Ф. Илурат // МИА.— М., 1958.— № 85.
- ¹⁰⁸ КВН.— № 32, 33.
- ¹⁰⁹ Яценко И. В. Тарелка царицы Гипепирии из Неаполя скифского // Ист.-археол. сб.— М., 1962.
- ¹¹⁰ IOSPE, 1², № 355.
- ¹¹¹ Шелов Д. Б. Римляне в Северном Причерноморье во II в. н. э. // ВДИ.— М., 1981.— № 4.
- ¹¹² Раевский Д. С. Скифы и сарматы в Неаполе // Проблемы скифской археологии.— М., 1971.
- ¹¹³ Богданова Н. А., Гущина И. И. Новые могильники II—III вв. н. э. у с. Скалистое в Крыму // КСИА.— М., 1967.— Вып. 112.— С. 132—133.
- ¹¹⁴ Соломоник Е. I. Про значения термина «тавроскифи» // Археол. пам'ятки УРСР.— К., 1962.— Т. 11.
- ¹¹⁵ Масленников А. А. Харакс // Античные государства Северного Причерноморья.— М., 1984.— С. 56—57.

- ¹¹⁶ Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму.— С. 40—58.
- ¹¹⁷ Гилевич А. М. Прибрежненский клад римских монет // Нумизматика и эпиграфика.— М., 1965.— Т. 5.
- ¹¹⁸ Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического.— М., 1983.— № 13, 35, 39.
- ¹¹⁹ Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху.— С. 35—43.
- ¹²⁰ Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму.— С. 24—32.
- ¹²¹ Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии.— Спб., 1987.— С. 190; Ростовцев М. И. Военная оккупация Ольвии римлянами // Изв. археол. комис.— М., 1915.— Вып. 58.— С. 13.
- ¹²² КВН.— № 1237.
- ¹²³ КВН.— № 1008.
- ¹²⁴ КВН.— № 953.
- ¹²⁵ Высотская Т. Н. Неаполь — столица...— С. 200—202.
- ¹²⁶ Пиоро И. С., Герцен А. Г. Клад антонинианов из с. Долинное Крымской области // Нумизматика и сфрагистика.— М., 1974.— Вып. 5.
- ¹²⁷ Кутайсов В. А. Городище первых веков н. э. на горе Тас-Тепе в долине Качи // Население и культура Крыма в первые века н. э.— К., 1983.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
КБН	— Корпус Боспорских надписей (М.; Л., 1965).
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
ЛО ИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
ОАК	— Отчет Археологической комиссии.
СА	— Советская археология.
IOSPE	— Latyshev V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Petropoli, MCMXVI.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Геродот о происхождении скифов (кн. IV).

5. Как утверждают скифы, из всех племен их племя самое молодое, а возникло оно следующим образом: первым появился на этой земле, бывшей в те времена пустынной, человек по имени Таргитая. А родители этого Таргитая, как говорят (на мой взгляд, их рассказ недостоверен, но они все же так именно говорят), Зевс и дочь реки Борисфена. Такого именно происхождения был Таргитая. У него родились три сына: Липоксай и Арпоксай и самый младший Колаксай. Во время их правления на скифскую землю упали сброшенные с неба золотые предметы: плуг с ярмом, обоюдоострая секира и чаша. Старший, увидев первым, подошел, желая их взять, но при его приближении золото загорелось. После того как он удалился, подошел второй, и с золотом снова произошло то же самое. Этим загоревшееся золото отвергло, при приближении же третьего, самого младшего, оно погасло, и он унес его к себе. И старшие братья после этого, по взаимному соглашению, передали всю царскую власть младшему.

6. От Липоксая произошли те скифы, которые именуются родом авхатов. От среднего Арпоксая произошли именуемые катиарами и траспиями. От самого же младшего из них — цари, которые именуются паралатами. Все вместе они называются сколоты по имени царя; скифами же называли их греки.

7. Скифы утверждают, что именно так они и произошли, лет же со времени их происхождения от первого царя Таргитая до похода Дария на их землю всего, как говорят, не больше тысячи, но именно столько. Это же священное золото цари берегут больше всего и каждый год умилоствляют его большими жертвоприношениями. Кто на этом празднике, охраняя священное зо-

лото, уснет под открытым небом, тот — как считается у скифов — не проживет и года. Поэтому ему дают столько земли, сколько он сможет объехать на коне за один день. Так как страна очень велика, Колаксай разделил ее на три царства между своими сыновьями и одно из них сделал наибольшим — то, в котором хранится золото. Говорят, что область, расположенную выше обитателей верхних частей страны по направлению к северному ветру, невозможно ни рассмотреть, ни пройти далеко вглубь из-за падающих перьев. Ведь и земля и воздух наполнены перьями, они-то и заслоняют вид.

8. Вот так рассказывают скифы о себе и о расположенной выше стране, а греки, живущие около Понта, рассказывают следующее: Геракл, угоняя быков Гериона, прибыл в ту бывшую тогда пустынной землю, которую теперь населяют скифы. Герион жил за пределами Понта, обитая на острове, который греки называют Эрифеея. Он находится возле Гадир, расположенных по ту сторону Геракловых столпов у Океана. Об Океане же на словах утверждают, что он, взяв начало на востоке, течет вокруг всей земли, но на деле этого не доказывают. Когда Геракл прибыл отсюда в страну, называемую ныне Скифией (здесь его застигли зима и мороз), то, натянув на себя львиную шкуру, он заснул, а кони из его колесницы, пасшиеся в это время, были таинственным образом похищены по божественному предопределению.

9. Когда же Геракл проснулся, он отправился на поиски. Обойдя всю страну, он, наконец, прибыл в землю, которая называется Гилея. Здесь он нашел в пещере некое существо двойной природы: наполовину ехидну, наполовину — деву, которая выше ягодиц была женщиной, а ниже змеей. Увидев ее и изумившись, Геракл спросил ее, не видела ли она где-нибудь бродящих коней. Она же сказала ему, что лошади у нее и что она их ему не отдаст, пока он с ней не совокупится. Геракл вступил с ней в связь за такую цену. Она откладывала возвращение коней, желая как можно дольше жить в супружестве с Гераклом, а он хотел, получив обратно (коней), удалиться. Наконец она, возвратив (коней), сказала: «Я сохранила для тебя этих коней, забредших сюда, а ты дал награду — ведь у меня от тебя три

сына. Ты мне скажи, что лучше делать с ними, когда они станут взрослыми, — поселить ли их здесь (в этой стране я сама господствую) или послать к тебе». Так вот она обратилась к нему с таким вопросом, а он, как говорят, на это ответил: «Когда ты увидишь, что сыновья возмужали, ты не ошибешься, поступив следующим образом: как увидишь, что кто-то из них натягивает этот лук вот так и подпоясывается поясом вот таким образом, именно его сделай жителем этой страны. Того же, кто не сможет выполнить то, что я приказываю, вышли из страны. Поступая так, ты и сама будешь довольна, и исполнишь мой приказ».

10. Натянув один из луков (до тех пор Геракл носил два лука) и объяснив употребление пояса, он передал лук и пояс с золотой чашей у верхнего края застежки и, отдав, удалился. Она же, когда родившиеся у нее дети возмужали, сначала дала им имена: одному из них — Агафирс, следующему — Гелон и Скиф — самому младшему. Затем, вспомнив о наставлении, она выполнила приказание. И вот двое ее детей — Агафирс и Гелон, которые не смогли справиться со стоявшей перед ними задачей, ушли из страны, изгнанные родительницей, а самый младший из них — Скиф, — выполнив все, остался в стране. И от Скифа, сына Геракла, произошли нынешние цари скифов. А из-за этой чаши скифы и поныне носят чаши на поясах. Только это мать и придумала для Скифа. Так рассказывают греки, живущие у Понта.

11. Существует и другой рассказ такого содержания, которому я сам больше всего доверяю. Скифы-кочевники, живущие в Азии, вытесненные во время войны массагетами, ушли, перейдя реку Аракс, в Киммерийскую землю (именно ее теперь и населяют скифы, а в древности, как говорят, она принадлежала киммерийцам). При нашествии скифов киммерийцы стали держать совет, так как войско наступало большое, и мнения у них разделились. Обе стороны были упорны, но лучшим было предложение царей. По мнению народа, следовало покинуть страну, а не подвергаться опасности, оставаясь лицом к лицу с многочисленным врагом. А по мнению царей, следовало сражаться за страну с вторгающимися. И народ не хотел подчиниться, и цари не хотели послушаться народа. Первые советовали уйти, отдав

без боя страну вторгающимся. Цари же, подумав о том, сколько хорошего они (здесь) испытали и сколько возможных несчастий постигнет их, изгнанных из отечества, решили умереть и покоем в своей земле, но не бежать вместе с народом. Когда же они приняли это решение, то, разделившись на две равные части, стали сражаться друг с другом. И всех их, погибших от руки друг друга, народ киммерийцев похоронил у реки Тираса, и могила их еще и теперь видна. Похоронив их, народ таким образом покинул страну, и скифы, придя, заняли безлюдную страну.

12. И теперь в Скифии есть Киммерийские стены, есть и Киммерийские переправы, есть и страна с названием Киммерия; есть и Боспор, именуемый Киммерийским. Очевидно также, что киммерийцы бежали от скифов в Азию и заселили полуостров, на котором теперь находится эллинский город Синопа. Ясно и то, что скифы, преследуя их, вторглись в Мидийскую землю, сбившись с пути. Ведь киммерийцы все время бежали вдоль моря, а скифы преследовали их, имея по правую руку Кавказ, до тех пор, пока не вторглись в Мидийскую землю, повернув по дороге во внутренние области страны. Вот так излагается это общее для варваров и эллинов предание¹⁷.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Природа, климат, человек	4
Исторические источники	8
Изучение скифских памятников Крыма	9
КОЧЕВНИКИ	12
Время странствий (VII—VI вв. до н. э.)	12
Владыки степей (V в. до н. э.)	36
«Херсонес Таврический и Скифский...» (IV в. до н. э.)	51
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ	65
Земледельцы и воины (III—II вв. до н. э.)	65
Последний расцвет (I в. до н. э.— — I в. н. э.)	83
Гибель великого народа (II—III вв. н. э.)	106
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	113
Список использованной литературы	115
Список сокращений	122
ПРИЛОЖЕНИЕ	123

Научно-популярное издание

Ольховский Валерий Сергеевич
Храпунов Игорь Николаевич

КРЫМСКАЯ СКИФИЯ

Серия «Археологические памятники Крыма»

Художник В. Д. Фесенко
Цветные фото Н. П. Орлова
Художественный редактор М. М. Лукьяница
Технический редактор Н. Д. Крупская
Корректоры С. А. Павловская, Л. Г. Стахурская.

ИБ № 1936.

Сдано в набор 20.06.89. Подписано в печать 20.11.89.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Гарнитура
обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60.
Усл. кр.-отт. 6,21. Уч.-изд. л. 6,64. Тираж 20 000 экз.
Заказ № 217. Цена 30 к.

Издательство «Таврия», 333000, Симферополь, ул. Горького, 5.

Областная книжная типография, 320091, Днепропетровск, ул. Горького, 20.

